

[Polaris]

Василий Аксенов

ПОВЕСТЬ

Факсимильное
издание

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССVІІІ

Salamandra P.V.V.

ВАСИЛИЙ
АКСЕНОВ

**МОЙ ДЕДУШКА
– ПАМЯТНИК**

Журнальный вариант
Факсимильное издание

Salamandra P.V.V.

Аксенов В. П.

Мой дедушка – памятник: Повесть об удивительных приключениях ленинградского пионера Геннадия Стратофонтова, который хорошо учился в школе и не растерялся в трудных обстоятельствах. Илл. М. Беломлинского. – (Журнальный вариант. Факсимильное изд.). – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 62 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCVIII).

Настоящее факсимильное издание представляет приключенческо-фантастическую повесть В. Аксенова «Мой дедушка – памятник», авантюрное повествование, весело обыгрывающее штампы советской массовой культуры. Повесть представлена в журнальном варианте в сопровождении оригинальных иллюстраций – то есть именно в том виде, в каком она впервые увидела свет в 1970 г. на страницах журнала «Костер».

МОЙ ДЕДУШКА - ПАМЯТНИК

**НЕВЕРОЯТНАЯ ПОВЕСТЬ ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ
ПРИКЛЮЧЕНИЯХ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ПИОНЕРА ГЕННАДИЯ
СТРАТОФОНТОВА,
КОТОРЫЙ ХОРОШО УЧИЛСЯ В ШКОЛЕ
И НЕ РАСТЕРЯЛСЯ
В ТРУДНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ**

Василий Аксенов

Рисунки М. Беломлинского

ПРОЛОГ

Я познакомился с Геннадием несколько лет тому назад в Крыму, на берегу Коктебельской бухты, что недалеко от Феодосии. В парке уже заиграла музыка, уже зажглись фонари и всякого рода мошкара повела вокруг них свой бессмысленный, но красивый танец, а скала Хамелеон на восточном берегу бухты все еще была освещена закатным солнцем. В свою очередь, молодой месяц уже висел в зеленоватом небе над горой Сюрюккая. Гора эта, на первый взгляд, кажется осколком Луны или какой-нибудь другой безжизненной планеты, но, приглядевшись, можно заметить, что она напоминает и тот профиль, который великий Пушкин часто рисовал на полях своей рукописи.

В тот год море съело коктебельские пляжи почти до самой бетонной стены, и для отдыхающих были устроены над водой дощатые помосты. Вот по такому помо-

сту я и разгуливал почти в полном одиночестве, размышляя о морских животных, о горных цветах и минералах, о почтовых марках, автомобилях и о спортивных соревнованиях, потрясавших тогда все цивилизованное человечество.

Кроме меня, на помосте находился лишь один человек — рослый, плечистый мальчик с умным и привлекательным лицом. Опершись на перила, он задумчиво смотрел в море, где по гребням бойких, беспорядочно прыгающих волн еще скользили розоватые блики заката, где иногда мелькали острые плавники дельфинов да кто-то мощно плавал стилем баттерфляй.

Пловец этот привлек мое внимание. Из воды ритмично вырывалась могучая спина. Взмахнув огромными руками, пловец бросался грудью на очередную волну и двигался вперед с удивительной скоростью.

— Не знаете, кто это там так здорово плавает? — спросил я мальчика.

— Это моя бабушка, — тихо ответил он.

— Бабушка?! — вскричал я. — Это удивительно.

— Ничего удивительного, — возразил мальчик. — До Великой Отечественной войны она была чемпионом РККА в плавании на сто метров баттерфляем.

— И по прыжкам с трамплина, — помолчал, добавил он.

Едва справившись с изумлением, я осторожно спросил:

— Значит, ваша бабушка служила в армии?

— Да, она была пилотом бомбардировочной авиации...

Бабушка тем временем совсем исчезла в быстро текущем море. Я покосился на мальчика. Он смотрел прямо перед собой за еле различимую черту горизонта. Отблеск молодого месяца стоял в его глазах. На груди его я заметил висевший на толстой цепочке якорек с припаянной к нему старинной монетой, чуть ли не испанским дублоном XVI века.

— А вы почему не плаваете со своей бабушкой? — спросил я.

Он покачал головой.

— Да так, не хочется...

— Может, не умеете?

Он быстро взглянул на меня и усмехнулся.

— Просто мне надоело плавать. За последний год мне это занятие неинтересно.

Что-то таинственное послышалось мне в его голосе, когда он произнес эту довольно странную для мальчика фразу. Еще раз я посмотрел на него, и мне показалось, что он сейчас находится не на коктебельском пляже, а где-то в другом месте, где-то далеко, очень далеко, очень...

— А вы, я вижу, писатель? — проговорил он.

— Как вы догадались? — вновь поразился я.

— У вас мозоль на указательном пальце правой руки. Такие мозоли есть у всех писателей. Конечно, у тех, кто пишет.

Удалению моему не было конца.

— Позвольте, но как вы увидели этот мозоль в такой темноте?

— У меня довольно острое зрение.

— Ну, хорошо, а если бы я писал на пишущей машинке...

— Тогда я догадался бы по другим признакам.

— Фантастика! — воскликнул я. — Вы меня не разыгрываете!..

— Геннадий, — назвал он свое имя.

Я тоже представился.

— Я достаточно хорошо воспитан, Василий Павлович, — сказал Геннадий, — чтобы не разыгрывать взрослых. — Он глянул в ночное уже море. — Бабушка возвращается.

В темноте слышались только музыка и голоса из парка да плеск волн.

— Все-таки разыгрываете меня, Геннадий...

— Да нет. Она уже в десяти метрах. Я вижу, как она скользит под водой.

— Может быть, вы видите ночью, как днем? Может, вы так называемый никтолоп? — воскликнул я.

— Вы угадали, — просто ответил Геннадий.

Несколько секунд спустя бабушка с шумом вынырнула возле самой лестницы.

— Генаша, ты здесь? — спросила она низким девичьим голосом.

— I'm here, granny! — ответил Геннадий с идеальным английским произношением и добавил на незнакомом мне языке. — Хава свимматора ю лер?

— Бундэрбул сера очни! — с жизнеутверждающим смехом ответила на том же языке бабушка и стала легко подниматься по лестнице.

ИЗ КОТОРОЙ ДОНОСЯТСЯ ЗВУКИ РАННЕГО ДЕТСТВА ГЕННАДИЯ СТРАТОФОНТОВА И СКРЕЖЕТ УЧИТЕЛЬСКИХ ПЕРЬЕВ, ВЫВОДИВШИХ В ЕГО ДНЕВНИКЕ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ПАТЕРКИ

Геннадий Стратофонов родился в начале пятидесятых годов в Ленинграде на улице Рубинштейна от незаурядных родителей. Отец его был скромным работником почтамта и вместе с тем заслуженным мастером спорта по альпинизму, участником штурмов многих заморских пиков. Маму его, скромного библиотекаря, по примеру свекрови, влекло еще выше — в небо, откуда она постоянно совершала затяжные парашютные прыжки в кислородной маске. В связи с этими увлекательными занятиями родителей Геннадий часто оставался один, но отнюдь не скучал. Еще в очень раннем возрасте он научился понимать и уважать папу и маму и предоставил им полную свободу действий.

Часами бродил крошечный мальчик по огромной квартире, не выпуская из рук любимой книги «Водители фрегатов». Квартира была темноватой и таинственной. Большие зеркальные окна ее упирались в стену недавно построенного желтого дома, похожего на чертотулупу Мальдивских островов. Мутноватый желтый свет падал на слегка подернутые пылью шторы, пуфы, глобусы, барометры и секстанты. В столовой висел поспешный портрет далекого предка Гены, адмирала Стратофонта, известного путешественника, человека широких передовых взглядов, прославившегося тем, что в 18... году он на своем клипере «Безупречный» зашел в залив Сильвер-Бей эскадру кровавого пирата Рокера Буги. Гена часто останавливался перед портретом предка, смотрел на узкое лицо в пушистых бакенбардах, на голубые океанские глаза и тихо говорил:

— Здравствуй, дедушка. Позволь представить тебе моего друга адмирала Ивана Круженштейна. Ах, вы знакомы? Ты служил на его шлюпке еще гардемаринкой? Очень рад. А вот сидишь в кресле другой мой друг, капитан Джеймс Кук, а возле глобуса стоит Дюмон-Дюрвиль, а там у окна Лазарев... Все мои друзья — безупречно храбрые и благородные сердцем люди.

А где твои родители, Генаша? — спрашивал адмирал.

Геннадий тогда вклядал радоточку, и она сразу же сообщала женским голосом:

— Новости спорта. Вчера группа альпинистов во главе с известным спортсменом Эдуардом Стратофоновым приступила к покорению очередного безымянного семитысячника на Памире... и мужским голосом: — Мастер парашютного спорта Элла Стратофонт идет на побитие мирового рекорда американки Мерлин Бушканец.

Она была похожа на сильно увеличенную копию известной скульптуры «Девушка с веслом», но вблизи, однако, можно было разглядеть в ее лице следы былой красоты.

— Познакомься, бабуля, — сказал Геннадий. — Это писатель Василий Павлович.

— Очень приятно, — пророкотала бабушка, протягивая мне мокрую руку. — Стратофонтонна Мария Спиридоновна, подполковник в отставке.

От нее пахло водорослями и здоровьем.

— Пейдемте к нам чай пить, — предложила она.

До утра засиделись мы тогда на веранде их дачи, и из рассказов Марии Спиридоновны и Геннадия сложилась такая поразительная история, что я считал своим долгом пересказать ее читателю.

Адмирал одобительно качал головой.

Вечерами Геннадий навещал Унг-Ма, супругу вождя дружественного племени, точнее, соседки Полина Сергеевна. Она кормила мальчика печеными крокодильими яйцами, дюгоним молоком, дикой козлятиной. После ее визита Геннадий читал «Водители фрегатов» и энциклопедию, совершенствовался в английском языке, а потом отправлялся в далекую экспедицию, то есть в постель. Утром он самостоятельно уходил в детский сад, в свою группу, которую снисходительно называл в письмах к родителям «моя малышовка».

Иногда под окнами Стратофоновых останавливался военный газик. Солдат распахивал дверь, и из машины выпрыгивала перетянутая португальской бабушкой.

Геннадий очень любил свою бабушку. Бабушка пылала к нему еще более сильным ответным чувством. Друзья могли часами сидеть на диване и беседовать. Бабушка рассказывала внуку о горьких денечках, о воздушных боях над Кенигсбергом и Берлином, а внук пересказывал бабушке содержание прочитанных книг.

Наконец, когда Геннадий перевалило за шесть, на Памире и Тянь-Шане не осталось безымянных семитысячников. Вернулся папа. Мировой рекорд заносчивой американки был побит путем приземления точно в крест с высоты 22.000 метров. Вернулась мама. Эпизод авиационный полк в торжественной обстановке проводил на заслуженный отдых бабушку. Семья зажила дружно и содержательно.

Время шло. Геннадий успешно овладевал школьной программой, увлеченно работал в пионерской организации, много времени уделял искусству и спорту. Может составить впечатление, что он был совершеннейшим пай-мальчиком, эдаким занудой-тихоней, образцово-показательным любимчиком педагогов. Должен прямо сказать, что такое впечатление было бы неверным. Ничто человеческое было ему не чуждо. Он никогда не отказывал себе в удовольствии тряхнуть портфель по голове какого-нибудь юного прохвоста, обидевшего одноклассника Наталью Вертопрахову, часами мог мять в снегу наперсника детских забав Вальку Бюквинна; словом, он рос совершенно нормальным мальчиком. Успехи же его были вызваны недюжинными способностями и поразительной увлеченностью, с которой он подходил к каждому делу. Сверстники любили Геннадия за живой нрав, обширные знания и успехи в спорте. У него было много друзей и среди взрослых — почтовые работники и библиотекари, альпинисты и парашютисты, военнослужащие. Кроме того, у него

¹ Я здесь, бабушка (англ.).

было несколько заочных знакомств за пределами нашей страны. Пользуясь своим блестящим английским, Геннадий поддерживал постоянную переписку с мальчишками из Великобритании, Нигерии, Новой Зеландии, Танзании...

Года за два до того, как начались главные события этой книги, Геннадий, ему шел тогда одиннадцатый год, познакомился с Николаем Рикшотниковым. Произошло это в Доме культуры Ленсовета на сеансе одновременной игры против гроссмейстера Михаила Талья.

Гроссмейстер нервничал. Почти не думая, он делал ходы, то и дело тревожно поглядывая на лобастого симпатичного мальчишка в белом свитере, сидящего за десятой доской.

«Неужели он примет жертву? — думал Таль, покусывая тонкие губы. — Боже мой, неужели он примет жертву?»

— Примете жертву? — спросил Геннадия сосед слева. Геннадий посмотрел на него. Это был мужчина с худым и до черноты загорелым лицом, с умными и очень живыми глазами, с небольшим шрамом на лице возле носа. Одет он был в обыкновенный серый костюм, но на левой руке у него были массивные часы странной треугольной формы, а правую руку обхватывал браслет, сделанный из зубов какой-то глубоководной рыбы.

«Любопытный молодой человек», — подумал Геннадий и ответил:

— Да, прику.

— Не кажется ли вам, что здесь таится ловушка? — спросил сосед. — Вы же знаете эти жертвы Талья.

— Я все продумал, — спокойно сказал Геннадий. — Никакой ловушки нет, — он мелко взглянул на позицию соседа. — А вот вам грозит мат.

— Как?! Где?! Не может быть! — воскликнул сосед, судорожно оглядел позицию и прошептал: — А ведь верно...

— Спрячь пешку с-7 в карман, — посоветовал ему из-за плеча Геннадия сезонный дородный мужчина, от которого исходил какой-то странный, совершенно незнакомый мальчишью запах. Так пахнет, должно быть, смесь одоклона и вчерашнего винегрета.

Геннадий возмущенно посмотрел ему прямо в глаза.

— Как же вам не стыдно! — локмим голосом воскликнул он.

Сезонный под его взглядом запытел, покрывшись пятнами и вытащил из кармана две талевских пешки, коня и ладью.

— Возвращается, — шепнул Геннадию сосед слева.

Геннадий повернул голову и поймал обращенный к нему жгучий тревожный взгляд экс-чемпиона мира. Быстро делая ходы, Таль приближался к Геннадию. В зале слышались глухие рыдания победленных и звонкий смех редких счастливых, сделавших ничью. Матч на ста досках близился к концу. Геннадий снял пешкой белого ферзя и спокойно стал ждать.

— Вам мат, — торопливо сказал Таль сезонному, шагнул к Геннадию, окинул взглядом доску, вздрогнул и, глубоко заглянув в глаза мальчишке, прошептал: — Поздравляю с победой.

В зале начался ужасающий шум. Таль стоял, опершись на стол, и покачивался то ли от усталости, то ли от огорчения.

Сосед слева крепко пожал руку Геннадию.

— Какой вы молодец! Поздравляю!

В гардеробе загорелый сосед подошел к Геннадию. Был он уже в очень интересном кожаном полушалье с многочисленными молниями и в рыжей забавной кепочке.

— Еще раз хочу выразить вам свое восхищение, — сказал он и представился: — Рикшотников Николай Ефимович.

— Геннадий Стратофонов, — отрекомендовался наш герой.

Они вместе вышли на улицу. Здесь их обогнал сезо-

носый. Обернувшись, он смерил Геннадия уничтожающим взглядом и хохотнул вызывающе.

— Тоже мне! Яйца курицу учат! А ведь наверное пионер!

Смех его был надменным и грубым, но в нем чувствовалась обида и тоска. Кто знает, сколько надежд связывал этот человек с сегодняшним матчем.

Николай Рикшотников тут же взял его за локоть своей железной рукой.

— Немедленно извинитесь.

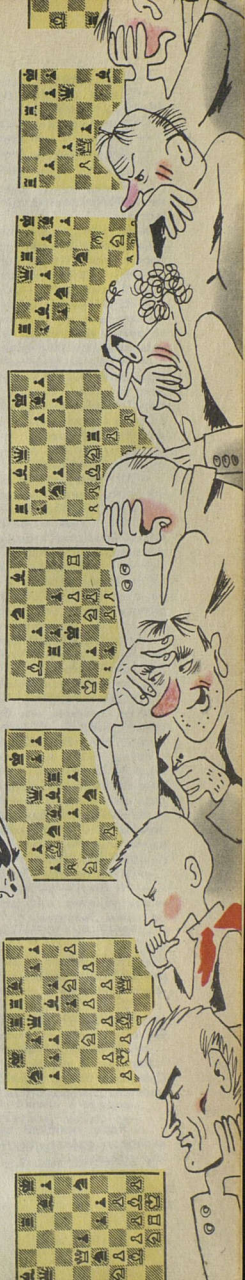
— Немедленно извиняюсь, — сразу же сказал сезонный и неуклюже потопал к «Гастроному».

Геннадий и Николай Рикшотников медленно пошли по Кировскому проспекту к Неве.

— Стратофонов... — проговорил Николай. — Вы знаете, что был такой путешественник Стратофонов?

— Это мой предок, — сказал Геннадий. — Его портрет висит у нас дома.

— Вот это удивительно! — воскликнул Николай. — Ведь адмирал Стратофонов был любимым героем моего детства. Никогда не забуду описание его битвы с аскадой Рокера Буги! Может быть, благодаря Стратофонову я и пошел в мореходку?

— А вы моряк?
— Да. Я капитан научно-исследовательского судна «Алеша Попович».

Сердце Геннадия часто забилось.

— Да вы же, наверное, изобразили всю Океанию!!
— Да, изобразил, — скромно ответил Николай.

... Падал мягкий снег. Он покрыл уже скаты и парапеты Петропавловской крепости, тротуары и перила моста.

Внизу колыхалась тяжелая нельская вода. За Дворцовым мостом мигали огни большого крейсера, явившегося в город на Октябрьские праздники.

— Ну, а я просто школьник, — сказал Геннадий.

— А догадался, — сказал Рикшотников.

— В раннем детстве... — сказал Геннадий и взглянул на капитана, не усмехнется ли он. Нет, Рикшотников и не думал усмехаться. Чуть склонив голову, предупредительно и серьезно слушал выдающегося мальчика.

— В раннем детстве я мечтал стать моряком, — продолжал Геннадий. — Путешественником, как мой предок. Я, можно сказать, бредил Океанией. Но, согласитесь, Николай Ефимович, какой смысл сейчас становиться путешественником? Ведь все уже давным-давно открыто, исследовано. Море стало вполне обычным... Эх, надо бы мне родиться хотя бы в XIX веке, а еще лучше в XVII-ом!

— Конечно, сейчас острова не откроешь, — задумчиво проговорил Рикшотников, — и лайнеры пересекают Атлантику за пять дней точно по расписанию. Но, знаете, Гена, океан остается океаном. Он так огромен... Даже гигантские атомные субмарины иной раз пропадают в нем без следа... Знаете, иногда стоишь ночью на мостике, смотришь в море и начинает даже какая-то чертовщина мерещиться, кажется, что там, под тобой, на страшной глубине есть какая-то совершенно неизвестная и недоступная воображаемая жизнь. Большие глубины, Гена, практически ведь еще не исследованы...

Год назад мы работали милах в двухстах к востоку от архипелага Киюри. Утром как-то выхожу на палубу — батюшки! — прямо под бортом метрах в десяти чудовищная рыба, величиной со слона. Ярко-красная и будто светящаяся изнутри. Плывет на поверхности, тарачит жуткие буркалы, как будто пощады просит, потом переворачивается на брюхо и тонка. Подняли мы ее на палубу. Наш главный хитолог чуть в обморок не упал. «Глазам своим не верю! — кричит. — Это же рыба-намадзу!» Оказалось, что это полумифическая глубоководная рыба, существование которой ученые подвергали сомнению. В японских старых книгах говорится, что рыба намадзу предвещает землетрясение. Всплывает на поверхность и подыхает. Ученые считают это чистым вымыслом. Но, между прочим, Гена, через три дня на Киюри было сильное землетрясение...

— И вы попали в шторм? — спросил Геннадий.

— Ну, нет! — засмеялся Николай. — Капитан Рикшотников уважает мифологию. Мы вовремя драпанули к Большим Эмпиреям.

— Большие Эмпиреи! — воскликнул Гена. — Да ведь это же...

— Совершенно верно, — сказал моряк. — Именно в районе этого архипелага началась многодневная битва «Безупречного» с пиратской эскадрой.

— Это чудовище Рокер Буги беспощадно грабил островитян! — гневно сказал Геннадий и сжал кулаки. — Он хотел свить на Эмпиреях свое гнездо!

— Не вышло! — выкрикнул Николай.

Капитан и школьник остановились возле памятника Суворову, посмотрели друг другу в глаза и обменялись крепким рукопожатием.

... Ядро пробило фальшборт, шипящим яростным дьяволом прокатилось по палубе, калеча людей, разрушая предметы.

— Разрешите открыть огонь! — дрожа от возбуждения, спросил лейтенант.

— Еще не время, — спокойно проговорил командир. Русский клипер несся по узкому проливу вслед за пиратской эскадрой. Расстояние между ним и тремя неуклюжими, но сильно вооруженными барками неумолимо сокращалось.

— Он правильно сделал, что отрезал «Блу Вэйла» от двух других судов, — сказал Николай Рикшотников.

— А потом накрыл его залпом правого борта, — продолжал Геннадий Стратофонов.

... Гром канонады висел над прозрачными до самого дна прибрежными водами. Потроженные осьминоги вылезали из темных расселин. Дельфины возбужденно прыгали между водяных столбов, удивляясь веселой игре, затеянной их старшими братьями. Жители Больших Эмпиреев живописными группами толпились на прибрежных скалах, наблюдая, как стремительный белокрылый корабль расправляется с их обидчиками, явившимися словно призраки кровавого XVI столетия в прошедший XIX век.

— Вот так-то, мистер Рокер Буги, — прошептал Геннадий. — Вот так-то. А ведь вы могли бы быть неплохим моряком.

— По некоторым источникам, капитану Буги удалось спастись, — сказал Николай. — Говорят, что он провел остаток своих дней на острове Карбункул.

Рюкот мощного мотора вернулся собеседников в наши дни. Возле памятника Суворову остановился автобус, из него с беззаботным смехом вывалилась группа иностранных туристов. Шелка аппаратами, кура табак, жуя и жужжа, европейцы подошли к памятнику полководца, который в былые дни немало потеплял их прашуров. Внимание Геннадия и Николая привлек один из туристов, рослый, сильный мужчина лет сорока. Пальто из дорогого твида обтягивало мощный торс, тяжелые, так называемые «вечные» ботинки оставляли в пушистом снегу широкие следы, по меньшей мере, сорок четвертого размера.

Чрезвычайно крупные черты лица — бананообразный нос, мохнатые гусеницы бровей, похожий на уютно подобродок — находились в странном противоречии с единственной изящной деталью, аккуратно подбривными усиками.

Держась несколько в стороне от группы, мужчина подошел к памятнику, осмотрел его, неопределенно улыбнулся. Под тонкими усиками мелькнул золотой зуб. Внимательные холодные глаза остановились на капитане и мальчике, чуть расширились, как у застывшего перед прыжком хищника, потом отхлынули в сторону. В поисках сигарет мужчина похлопал себя по карманам, растегнул пальто, и в мутном свете фонарей мелькнула галстучная заколка в виде лопаты с припаянной к черенку старинной монетой, чуть ли не испанским дублоном XVI века. Недобро улыбаясь, он смотрел на все, что дорого каждому ленинградцу, каждому советскому человеку, да и просто человеку доброй воли — на шпиль Петропавловки, на Ростральные колонны, на арки мастов.

— На редкость неприятный человек, — сказал Геннадий.

У него еще в раннем детстве выработалась одна весьма полезная привычка: некоторые мелькающие в толпе лица он усилием воли фиксировал в своей памяти. Так и сейчас он прищурился на неприятного незнакомца, как бы сфотографировал его на всякий случай.

Этот вечер капитан провел в кругу семьи Стратофонов. Родители Геннадия Элла и Эдуард, а также бабушка Мария Спиридоновна, очаровали моряка. В новых знакомых он сразу угадал людей своего круга, людей большого риска, безграничной храбрости и благородства. Так началась дружба капитана научно-исследовательского дизельэлектрохода «Алеша Попович» с потомками адмирала Стратофонов и прежде всего — со восторженно одаренным школьником Геней.

Под влиянием этой дружбы Геннадий вступил в клуб «Юный моряк» и вскоре стал там одним из первых активистов. Он научился обращаться с секстантом и гирокомпасом, прокладывать курс на штурманских картах, разбираться в лодках, в международном своде сигналов, грести, нырять с аквалангом, извлекать из моря необходимые для жизни вещества.

Возвращаясь из своих дальних рейсов, Рикшетников немедленно являлся к Стратофоновым. О, эти прекрасные вечера под медной лострой, под благожелательным голубым взглядом адмирала! О, эти рассказы о трудной морской работе, о далеких портах Ла-Валетта, Дубровник, Джакарта, Перт, о дружбе и силе духа!

Между тем шли недели, месяцы и даже годы. Весной 196... года, когда Геннадий окончил шестой класс, капитан Рикшетников прилетел в Ленинград из дальневосточного порта Находка.

Сильно оброс «Алеша Попович» морскими желядиями, — объяснил он. — Поставили его в док почистить, чтобы не обжился.

Бабушка Стратофопова в это время с невероятным упорством соорудила большой кремковый торт в честь

своего любимца. Руки ее, непривычные к женскому труду, плохо осуществляли грандиозный замысел, и вскоре мужчины общими усилиями водрузили на стол кремковое чудовище, похожее на контрольную башню аэродрома.

— Куда же вы теперь собираетесь, Николай? — спросила мама Элла, когда башня была уже скрыта до основания.

Рикшетников смущенно хмыкнул и, глядя в скатерть, проговорил:

— Представьте себе, друзья... как это ни странно, но... все это лето мы будем исследовать прибрежный шельф в районе архипелага Большие Эмпирии...

— Я!.. — вскричал при этих словах Геннадий и оскеса.

— Что?! — вскричала бабушка и жала под столом скатерть.

За столом воцарилось молчание, нарушаемое лишь сильным стуком Геннашиного сердца. Потом все медленно повернулось к портрету адмирала. Адмирал мягко, отечески улыбнулся. Похоже было на то, что он все уже знал наперед.

— А почему бы и нет? — проговорил папа Эдуард, вспоминая горы.

— Я за! — коротко сказала мама Элла, вспомнив небо.

— Двух мнений тут не может быть! — покрывшись холодным потом, заявила Мария Спиридоновна и вспомнила все.

— В принципе это возможно, если будет ходатайство вашего клуба, — почесав затылок, сказал Геннадий Николай Рикшетников.

Через неделю после этого разговора новоиспеченный моряк, лаборант экспедиции Геннадий Стратофонов в 17 часов 47 минут на набережной Кутузова совершенно случайно встретил одноклассницу Наташу Вертопрахову, надменное существо, чем-то напоминающее морского конька.

Наташа была целеустремленной девочкой, каждый час ее был расписан, и ежедневно ее можно было случайно встретить на набережной Кутузова в 17.47 по пути из секции художественной гимнастики.

— Аа, Наташка, — рассеянно сказал Геннадий и остановился. — Привет-привет! Как дела?

— Ничего себе, — ответила Наташа, не прекращая движения. — Работают по программе мастеров.

— Соревнования скоро?

— Ох, и не говори! Волнуется страшно! В начале июня наша команда едет в Краков. Представляешь, в Краков!?

— А я к Большим Эмпириям подаю, на все лето в экспедицию, — сказал Геннадий. — На судне «Алеша Попович»...

— Пожелай мне ни пуха ни пера, — сказала Наташа и протянула ему руку. Он посмотрел в синие глаза и увидел там только пьедестал почета и неверное мерцание будущей славы.

— Ни пуха ни пера, — пробормотал он.

— К черту! — с чувством сказала Наташа и стала стремительно удаляться.

Геннадий некоторое время смотрел ей вслед, потом отвернулся и едва не был сбит с ног бегущим Валюшкой Брюквинным.

— Валька, а я к Большим Эмпириям подаю, на «Алеше Поповиче»! — крикнул Геннадий, хватая его за плечи.

— Да? Ну, счастье! — Брюквин вырвался. — Придешь — расквашешь!

Не первой свежести подметки наперсника детских забав некоторое время еще мелькали перед недоуменным взором Геннадия, а потом растворились в предвечернем золотистом свечении, свойственном только одному городу на земле — Ленинграду.

На этом можно закончить первую вступительную главу. Впрочем... нет, я совершенно забыл сообщить

читателю об одном, на первый взгляд, пустяковом случае. Дело в том, что дня через три после первой встречи Геннадия и Николая Рикшетникова на адрес Стратофоновых пришло странное письмо. На бланке гостиницы «Астория» крупно было начертано несколько слов:

ВСЕОЮЗНОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
«ИНТУРИСТ»

г. Ленинград, ул. Садовая, 39
Тел. городской связи 14-00-31
Ленинград, Аэропорт, Тел. 10-00-31

Гостиница «АСТОРИЯ»

*Mr. Stratofontov esq.
I'll never forget the
Silver-bay. R.B.*

ГЛАВА II

В КОТОРОЙ СЛЫШИТСЯ РЕВ ШТОРМА,
БЕЗОБРАЗНО ХЛЮПАЕТ
СВАРЕННЫЙ НАКАНУНЕ БОРЩ,
А В КОНЦЕ ПОД ПЕНИЕ СКРИПКИ
БУЛЬКАЕТ СУП ИЗ КАРАКАТИЦЫ

Уже двое суток десятибалльный шторм трепал «Алешу Поповича». Он налетел среди ночи, через два часа после выхода из бухты Находка, к утру набрал полную силу и больше уже не ослабевал в течение всего времени, пока «Попович» пересекал Японское море, держа курс на Сангарский пролив.

Геннадий, разумеется, за это время ни разу не прилегал. Во-первых, это был его первый выход в море, а вторых, первый в его жизни шторм, да еще и какой — десятибалльный! Вот ведь чертовское везение! Весь в синяках, от стенки к стенке, падая в тартарары и вздымаясь под небеса вместе с палубой, Геннадий облизал все судно. Конечно, забраться на койку ему мешало жгучее любопытство, но, кроме того, он опасался, как бы не поймаля его в горизонтальном положении морская болезнь, как бы сосед по каюте судовой плотник Володя Телескопов не стал свидетелем позора.

Пока все было, как говорится, о'кей. Глядя с ходового мостика на вздымающуюся перед «Алешей Поповичем» чудовищную, дымящуюся водяной пылью стену, Геннадий только лихо посовсвистывал сквозь зубы. Нервы у него сдали лишь тогда, когда он увидел «тонущий» танкер — груженный, низкоосидающий, захлестываемый волнами, благополучно шлепающийся в Иокгамау.

Теперь все было кончено. Теперь все, весь экипаж, узнают, что потомок знаменитого адмирала на самом деле слабохарактерный салажонок и ничего больше.

¹ Господину Эдуарду Стратофонову, эсквайру. Я никогда не забуду Сильвер-Бей. Р. Б. (англ.).

Папа Эдуард отправился тогда в «Асторию», чтобы выяснить, кто скрывался под инициалами Р. Б. В книге гостей значились:

Рикардо Барракуда

Рональд Бьюик

Ростан Бизе

Раматраканг Бонгнавилатронг

Рихард Бурш

Ростислав Боченкин-Борев

Все эти лица категорически отрицали свое авторство. Папа Эдуард, пристыженный, покинул «Асторию», решив, что это розыгрыш друзей почтмейстеров или альпинистов.

Глубоко удрученный Геннадий выскользнул из рулевой рубки, кубарем слетел вниз по трапу на вторую палубу, побежал по длинному тускло освещенному коридору мимо кают, за дверьми которых слышались слабые стоны ученой братии, налег плечом на стальную дверь...

В лицо ему с невероятной силой ударил ветер. Судно в это время кренилось на правый борт, и страшная вихревая пучина была совсем рядом. Ударила какая-то партизанствующая волнишка величиной с кита, накрыла палубу, потащила Геннадия к фальшбурту. Руки мальчика судорожно вцепились в планшир.

«Алеша Попович» медленно выпрямлялся. Вода, kloчка, уходила в портики. Геннадий сделал несколько шагов к корме и уцепился за какую-то стойку. Он оказался в середине судна, как бы в центре раскачивающейся доски. Здесь качка чувствовалась меньше. Электрод зарывался носом, а корма быстро шла вверх, закрывая полнеба. Вот по всему корпусу прошла сильная дрожь — это обанжился вент.

Метрах в десяти от Геннадия распахнулась дверь камбуза, и два чумазых артельщика выволокли на палубу огромный котел со вчерашним борщом. Нельзя сказать, что во время шторма экипаж «Алешки Поповича» отличался повышенным аппетитом. Артельщики, поднатужившись, подняли котел и вывалили его дивное содержимое за борт.

Вслед за этим произошло странное событие. Борщ, наваристый, янтарно-багрово-зеленоватый борщ, не ухнул, как ему полагалось, в пучину, а в силу каких-то необъяснимых аэродинамических вихревых причин по-

вис на несколько мгновений в воздухе. Больше того, он уплотнился и висел теперь перед Геннадием громадным перегибающимся шаром с жировой бородой. Янтарные капли уже долетали до лица юного лаборанта.

«Вот борщ, — медленно подумал Геннадий. — Вот вечерний борщ, и он висит. Ой, нет — он движется! Он... он движется прямо на меня! Ой!»

Борщ, повисев в воздухе несколько мгновений, ринулся на Геннадия. Вскрикнув от ужаса, мальчик бросился наутек к корме. Артельщики, разинув рты, наблюдали эту невероятную сцену. Геннадий со скоростью спринтера бежал к корме. Борщ настигал его со скоростью мотоцикла.

Гена уже чувствовал за своей спиной нехорошее дыхание борща. Собрав все силы, он сделал рывок, вырвался из-под навеса, вильнул влево и спрятался за спасательной шлюпкой, уцепившись за леера. Борщ, вылетев из-под навеса, взмыл вверх. Спустя минуту, вообразив, что опасность миновала, Гена выполз из-за шлюпки. Борщ, однако, не улетал. Снова найдя мертвую точку среди безумных воздушных струй, он висел теперь прямо над незадачливым лаборантом. Потрясенный и загипнотизированный, Гена уже не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Несколько мгновений спустя борщ обесилев, рухнул ему на голову.

А теперь, дорогой читатель, попробуй представить себя на месте моего героя. Вообрази себя потомком великого путешественника, человека широких передовых взглядов, вообрази себя лучшим питомцем «Клуба юных моряков», победителем Талы, другом капитана Рикшотетникова, вообрази, что ты совершаешь первое в своей жизни морское путешествие к архипелагу фамильной славы и представь себя сидящим на палубе в центре огромного жирного хлюпающего борща, представь себя с короной из прокишей свеклы на голове, с омерзительной капустной бородой, с карманами, полными говядины и картофеля. Мне бы хотелось, чтобы ты, читатель, содрогнулся от ужаса, а затем по достоинству оценил мужество и силу духа моего героя. Геннадий не бросился к борту топиться. Встав из борща, он подошел вплотную к потрясенным артельщикам: — Может быть, вам смешно? — звенящим голосом спросил он.

— Чего же тут смешного, Генюк, — проговорили артельщики. — Плакать хочется.

Они, действительно, всхлипывали. Такого зрелища они не видели никогда раньше и не увидели позже.

Геннадий резко повернулся и стал спускаться по трапу.

Сосед Геннадия по каюте, плотник высшего разряда Володя Телескопов, как и большинство обитателей «Алеша Поповича», летал в это время на своей койке вверх-вниз-влево-вправо, читал «Сборник гималайских сказок», хохотал и покрикивал:

— Вот дает! Вот дает!

Неизвестно к чему относилось это выразительное восклицание — к штурму или к гималайскому фольклору.

— Эге, Генка, поздравляю! — приветствовал он вошедшего в каюту Геннадия. — Я вижу, тебя борщ догнал!

— Ха-ха-ха! — нервным мужественным хохотом расхохотался мальчик. — Представьте себе, Владимир, вы близки к истине.

— Это что! У нас как-то раз, в Чугуевском карьере, Марика Ибатуллин суп с клецками догнал, — оживленно заговорил Телескопов. — А самый, Генаша, ужасный случай был в Клайпеде, когда Гришку Офштейна лапша накрыла.

— Значит, это не первый случай в мировой практике? — ободрившись, спросил Геннадий.

— Отнюдь не первый! — закричал Телескопов. Он на минуту задумался, а потом уверенно сказал: — Третий случай.

Измученный мальчик погрузился в глубокий сон. Он спал много часов подряд и не видел, как спустились сумерки, как «Алеша Попович» вошел в пролив, как утих штурм и как утром открылся залитый солнцем, мерно вздыкающий и, словно подернутый тонкой пластиковой пленкой, Тихий океан. Не видел он и маленьких японских шхун, с которых рыбаки в ярких куртках тянули невидимые лески. Они были похожи на фокусников или волшебников, эти рыбаки, и казалось, что себестоимость извлекающиеся рыбыны высканивают из воды прямо к ним на палубу, подчиняясь их резким таинственным пассам. Геннадий, к сожалению, этих рыбаков не видел, как не видел и множества встречных судов и чудовищной громадины американского авианосца «Форрестол», что не солоно хлебавши ковылял домой от берегов Вьетнама.

Проснулся Геннадий только под вечер, когда по судовой трансляции раздался металлический голос:

— Внимание! Наше судно находится при подходе к акватории Иокогамского порта.

Багровый закатный туман висел над Иокогамой, а над этим туманом в высоком прозрачном небе четко вырисовывалась верхушка священной горы Фудзи.

Когда сумерки сгустились, волшебное видение Фудзи растворилось и марево разноцветных неоновых огней затрепетало над огромной Иокогамой и необозримым Токио.

На верхнюю палубу вышел из своей каюты капитан Рикшотетников. Он только что закончил необходимые

формальности с японской таможенной службой, с пограничниками и карантинными врачами и теперь собиравшись отправиться в город. Ему предстояло нелегкое путешествие по Токио: надо было найти Генеральное консульство республики Большие Эмпиреи и Карбункул.

Рикошетников огляделся и увидел, что палуба почти пуста. Иногда по ней деловито пробегали члены экипажа с утюгами или галстуками в руках. Все моряки и ученые «Алеши Поповича» уже бывали в Токио и сейчас готовились к встречам со своими японскими друзьями. Одна лишь маленькая фигурка одиноко сидела на кнехте и задумчиво смотрела на гигантский таинственный город.

Рикошетников, разумеется, уже знал о плачевном эпизоде с борщом. Разумеется, он в душе чуть не лопнул от смеха, воображая погоню вчерашнего борща за живым человеком, но усилием воли сохранил невозмутимость, хотя бы в память русских морских традиций.

Сейчас Рикошетников и не подозревал, что душа Геннадия полна ликования.

«Ух, ты, Япония, Токио, Иокогама! — думал в эти мгновения Геннадий. — Вот я сижу на баке корабля, и вот передо мной загадочный вечерний город с одиннадцатимиллионным населением. Увидали бы меня сейчас наши ребята с улицы Рубинштейна: Валька Брюкнин или Наташка Вертопрахова!»

Да, Япония была перед ним, и до нее можно было дотронуться пальцем, можно было полежать на ней, попрыгать или просто по ней пройти. И неужели же, неужели даже совершенно фантастические Большие Эмпиреи вот так же реально скоро предстанут перед ним?

Геннадий был, конечно, вполне здравомыслящим мальчиком, но все-таки очень долго не покидала его мысль о том, что разные другие страны существуют только в книгах и в кино, что взрослые все это выдумали для того, чтобы детям не так скучно было учить географию.

— Геннадий, не хотите ли сходить со мной в город? — спросил Рикошетников.

Геннадий, ликуя и подпрыгивая в душе, спокойно изложил желание.

Они спустились по трапу, прошли по причалу и вошли в здание морского порта, где по стеклянным коридорам двигались вереницы пассажиров из обеих Америк, Австралии, Азии, Океании и Европы, пересекаясь на разных этажах и сливаясь в огромном зале в гудящую толпу.

Рикошетников уверенно пробрался сквозь толпу к конторе автопрокатной компании «Херц» и арендовал там двухместный скоростной автомобиль «Бентли». Через полчаса друзья уже мчались к Токио по висящей над сонмом маленьких домиков бетонной автостраде.

Центр Токио — это горная страна из стали, алюминия и стекла, а весь Токио — это равнина маленьких, двух- и одноэтажных домиков. Если какой-нибудь житель столицы пригласит вас в гости, он обязательно нарисует для вас схему своего квартала, укажет стрелочкой свой дом, пунктиром отметит путь от магистрали. Дело в том, что в Токио нет улиц, вернее — улицы не имеют названий. Названия имеют только кварталы и районы. Когда говорят: главная улица Гиндза — это неверно. Нет улицы Гиндза, есть район Гиндза. Разобраться в этой системе непривычному человеку чрезвычайно трудно.

Проколевший битый час по забытым людям и машинам улочкам района Синдзюку, Рикошетников и Стратофонтон потеряли надежду найти консульство нужной им республики.

Полицейские и прохожие, услышав название «Большие Эмпиреи и Карбункул», начинали безумно хохотать и так слабели от смеха, что толку добиться было трудно.

Рикошетников уже было махнул рукой, как вдруг припавший к ветровому стеклу Геннадий воскликнул:

— Остановитесь, Николай Ефимович!

Рикошетников резко затормозил. Перед ним был ничем не примечательный двухэтажный домик в четыре окна, от тротуара до крыши покрытый светящимися и несветящимися вывесками. Вывески гласили:

УРОКИ ИГРЫ НА СКРИПКЕ!

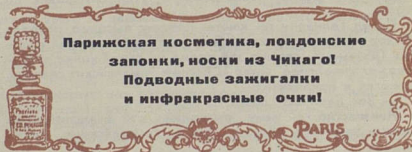
ЕВРОПЕЙСКАЯ,
ЯПОНСКАЯ
И ИНДИЙСКАЯ
КУХНЯ!

Филателист,
СТОИ!
Здесь
самые редкие
МАРКИ!

Секреты
вечной молодости!
Гадаем по руке!
Бокс, дзюдо, каратэ!

Сувениры на любой вкус!
Продажа кактусов, раковин
и камней!
Певчие птицы и меха!

Парижская косметика, лондонские
запонки, носки из Чикаго!
Подводные зажигалки
и инфракрасные очки!

А между гирляндой чикагских носков и чулком филина на освещенной витрине этого обычного токийского домика помещалась маленькая, с почтовой открытку, эмалированная табличка:

„Консульство
республики
Большие Эмпиреи
и Карбункул“

Рикошетников и Геннадий вошли в дом и оказались в небольшом зальчике, стены которого были увешаны самурайскими мечами, масками театра «Нон», панцирями гигантских черепах, челюстями и мослами непонятных животных. Полки были заставлены старинными фоллантами с медными застёжками, банками с маринованными чудищами, кактусами, раковинами и камнями. В конце зальчика обнаружилась стойка и четыре высоких стула перед ней. Большой телевизор соседствовал со старинным граммофоном.

За стойкой стоял, широко улыбаясь, тощий высокий старик неопределённой национальности, в белой куртке и белой шапочке.

— Гуд вивинг, — сказали друзья.

Несколько секунд старик не двигался, потом, с видимым усилием обрвав свою затянувшуюся улыбку, быстро зашевелился и заговорил:

— Добрый вечер, господа! Прежде всего вам надо закусить, прежде всего закусить. Присаживайтесь, сэр! У мальчика голодный вид, сэр! Старый Старжен Фиц знает, чем угостить такого отличного карпуза!

Он жутко подмигнул Геннадию и снял крышки с нескольких кастрюлек, расположенных у него за стойкой. Пар, поднявшийся из кастрюлек, был так аппетитен, что Геннадий даже забыл обидного до боли в сердце, до звона в ушах обидного «карпуза».

Старик между тем, ловко орудуя разливательной ложкой и деревянными палочками «хашия», продолжал улыбаться. Вдоль всей стойки тянулась металлическая полоса электрической жаровни. Старик включил ее, смазал маслом то место, перед которым сидели гости, масло затрещало, старик бросил на жаровню какие-то коренья, что-то вроде грибов, слизистые комочки устриц, ломтики мяса; в черные фаянсовые пиалы старик налил супу, в маленькие блюдечки наложил какой-то зеленой пасты.

— Ручаюсь, господа, вам никогда не забыть кухни старого Старжена Фица! Почему бы юному джентльмену не отведать пахтет из морского ежа? Сэр, отхлебните этого окинавского супа из каракатицы и вы уже не оторветесь! Не желаете ли сырой рыбы «сашими»? Она так нежна, так нежна, так нежна, так нежна...

Старик, словно испорченная пластинка, запнулся на «так нежна» и повторял эти слова все тише и тише, а потом совсем затих и застыл с широкой безжизненной улыбкой на устах.

Проголодавшиеся друзья набросились на удивительную еду и даже забыли на какое-то время о цели своего прихода. Старик между тем вышел из оцепенения, пролез под стойку в зал и заиграл на скрипке. Он пододвинул со скрипкой к гостям, склонялся то к мальчику, то к капитану, вкрадчиво и ласково шептал:

— Носки, галстуки, кактусы, шпильки, замки, открытки...

На прерывая игры на скрипке, он несколько раз взмахнул над головами друзей самурайским мечом, дал холостую очередь из винтовки М-14, показал несколько приемов дзюдо и ударил страшным свингом по чучелу медведя-панду, скромно стоящему в углу зала. Потом он подсунул Геннадию альбом с «самыми редкими марками», схватил свободную от еды ладонь капитана и снова зашептал:

— Феноменальное сочетание физических и духовных качеств, сэр, приведет вас к триумфу. Все-таки, сэр, сохраняйте осторожность в первую неделю новолуния... Старый Старжен Фиц, сэр, лучший хиромант Юго-Восточной Азии, и если бы не интриги...

— Простите, мистер Старжен Фиц, — сказал Рикошетников, осторожно освобождая свою руку для собственных надобностей. — Мы пришли сюда для того, чтобы повидать консула республики Большие Эмпирии и Карбункул...

Старик вдруг отпрыгнул в сторону с криком «о-ле!» и, обращаясь к медведю-панду, филину, маскам и маринованным чудищам, торжествующе воскликнул:

— Слышали!

После этого он нырнул под стойку, скрылся за бамбуковой шторой и через минуту явился оттуда в совершенно уже новом облики. Приспосаженный достоинства дипломат в мундире, расшитом золотыми нитями, с высоким стоячим воротником покрывательством и любовно смотрел на гостей. Лишь забытая на голове поварская шапочка напоминала о прежнем Старжене Фице.

— К вашим услугам, господа, — сдержанно поклонился генеральный консул.

— Мы советские моряки, господин консул, — после минутной растерянности пробормотал Рикшетников. — Я — капитан научно-исследовательского судна «Алеша Попович» Николай Рикшетников, а это мой друг Геннадий Эдуардович Стратофонов.

— Стратофонов? — поднял правую бровь генеральный консул. — Не принадлежите ли вы, сэр, к одной из ветвей генеалогического древа национального героя нашей республики русского адмирала Стратофуду, памятник которому возвышается в столице нашей страны Оук-Порте?

— Геннадий как раз является ветвью адмирала Стратофонов, но отнюдь не Стратофуду, — сказал капитан.

Консул улыбнулся.

— Так жители нашей страны переименовали это славное имя на свой манер.

— Значит, мы увидим памятник моему предку? — воскликнул Геннадий. — Николай Ефимович, это потрясает! Памятник моему дедушке!

— Вы собираетесь посетить Большие Эмпирее? — осторожно спросил консул.

— Как раз по этому поводу мы и пришли к вам, сэр, — сказал Рикшетников. — «Алеша Попович» будет все лето исследовать шельф в районе архипелага и знаменитую впадину Яу. Мы хотели бы получить согласие вашего правительства на заходы в ваши порты и гавани.

— На вашем судне есть футбольная команда? — быстро спросил консул.

— Что-то? Футбольная команда? Да, разумеется, у нас есть футбольная команда...

— Тогда все в порядке. Футбол — это главная страсть нашей республики и президента. Вы получите право захода во все гавани Больших Эмпиреев.

— И Карбункула, — добавил Рикшетников.

— Во все гавани и порты Больших Эмпиреев, — повторил консул.

— Ну, конечно, и Карбункула? — весело спросил Рикшетников.

Мимолетная тучка проскользнула по лицу Старжена Фица.

— На Карбункуле не играют в футбол, — сухо сказал он.

Рикшетников не обратил внимания на странный тон, каким были сказаны эти слова, извлек из своего портфеля судовые бумаги и приступил к обсуждению формальностей.

«Почему же на Карбункуле не играют в футбол? — подумал Геннадий. — И почему консул помрачнел, когда сказал об этом?»

— Ну, все в порядке, — сказал Рикшетников, закрыв свою портфель.

— Наконец-то можно снять проклятый мундир! — воскликнул Старжен Фиц. — Надеваю я его, господа, не чаще одного раза в десять лет, но все-таки терпеть не могу. Что вам приготовить, господа? Итальянскую пиццу, аргентинское асадо, индийский керрирайс или, может быть, русский борщ?

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнул Геннадий. Он побаровел и вытянулся, как струна.

— Просто повяло воспоминаниями детства, — затараторил вдруг по-русски Старжен Фиц. — Как вы вошли, господа, так сразу пахнуло нашим русским привольем,

березовым соком, борщом... Ведь я, господа, родился в Санкт-Петербурге и покинул его шестьдесят лет назад в вашем возрасте, милостивый государь, — он почтительно поклонился Геннадию. — Судьба мотала меня по всему миру, господа, но об этом не будем. Единственная страна, где мне не довелось побывать, это республика Большие Эмпирее и Карбункул... Всего доброго, господа, всего доброго, но прежде прошу оплатить счет. Ваш ужин, господа, стоил 3000 иен, игра на скрипке 450 иен, демонстрация приемов бокса и дзюдо 15 иен. Извините, господа, я бы не взял с вас денег, но мое правительство не платит мне жалование уже двадцать четыре года. Приходится изворачиваться, господа, старость — не редкость... Прежде старый Старжен Фиц зарабатывал на велогонках, сейчас соль в коленных суставах, господа...

Консул, видимо, мог бы так болтать еще очень долго, но моряки направились к выходу. Старжен Фиц проводил их до дверей, всучив на дорогу чикагский галстук, кактус, раковину и банку с сороконожкой за 127 иен.

— Ах, господа, — тараторил он уже в дверях, — говорят, что страна, которую я здесь представляю, земной рай. Хочу вам дать последний полезный совет, господа. Обязательно постарайтесь в Оук-Порте познакомиться с мадам Накамура-Бранчковской. Недавно это леди посетила Токио, и старый Старжен Фиц был просто очарован...

— Чем же знаменита эта дама? — усмехнулся Рикшетников. Чудак-консул успел уже порядком надоесть ему.

— Ах, это просто совершенство! Убедительно советую не избегать приятнейшего знакомства с этой богатой, импозантной и попросту красивой женщиной. Я никогда не чурался красивых дам, — улыбнулся капитан.

— Это похвалено, это похвалено, это похвалено... — консул оценил с широкой бессмысленной улыбкой на устах.

По дороге к порту Геннадий и капитан во всех подробностях вспоминали визит к «генеральному консулу» и весело хохотали.

В районе Гиндзы их «бентли» попал в автомобильную пробку. Джазовые обвалы из окон баров, крики зазывал и уличных торговцев, полицейские свистки и сирены, класконы автомобилей чуть не оглушили их. В небе, освещенный скрещенными лучами, поворачивался рекламный автомобиль, ниже то хмурилась, то распылялась в улыбки гигантская неоновая рожа, все кричало, мелькало, подматгивало. Световая газета на крыше вещала:

„Сегодня в Токио убито 15, ранено 307.

Битлы заявили протест министерству внутренних дел Англии.

Исчезновение панамского сухогруза в ста милях от Гонконга.

Потеряна связь с яхтой шейха Абу-Даби, стоимость которой оценивается в 15 млн....

Самолет индийских ВВС захватили неизвестные торпедные катера.

Новые пираты?»

ГЛАВА III

В КОТОРОЙ НАУЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ ПРЕРЫВАЮТСЯ ТЯВКАНЬЕМ „РЖАВОЙ АКУЛЫ“

Стоял полный штиль. Вот уже неделю плавучий институт в идеальных условиях исследовал семикилометровую впадину Яу. Ничто не мешало ученым опускать дночерпалки и тралы, запускать радиозонды. Эхолоты прощупывали глубину. На палубах «Алеша Поповича» царил веселая суета. Казалось, что это кусок черноморского пляжа: все ученые и моряки были в плавках и темных очках.

Неподвижный океан горел с яркостью вольтовой дуги. Иногда в спящем мараеве трепещущими пятнами пролетали стайки летучих рыб.

Геннадий никак не мог свыкнуться с мыслью, что под днищем их судна такая гигантская толща воды: четырнадцать Останкинских телебашен! Подолгу он стоял, опершись на плавшир, глядя, как из темноты в прозрачные слои выплывают акулы. Эти мерзкие твари постоянно кружили вокруг судна и испарялись только тогда, когда появлялись быстроглазые, иронически улыбающиеся дельфины-афалины.

— Почему же все-таки целая стая акул боится одного-единственного дельфина? — спрашивал Гена своего непосредственного руководителя доктора биологических наук Верестищев.

— Дельфин отважен, а акула труслива, — отвечал Самсон Александрович. — Акула, Гена, это своего рода морской фашист.

— Вы думаете, что фашизм труслив? — пытливо спрашивал мальчик. — Но ведь он всегда нападает первым...

— Это сложная проблема, Гена, очень сложная, — задумчиво говорил Верестищев. — Всегда ли смел тот, кто нападает первым...

Препарируя моллюсков и глубоководных рыб, ученый и лаборант часто вели содержательные беседы, которые иной раз соскальзывали к философской плоскости.

— Знаете ли вы, Гена, — сказал как-то Верестищев, — как индонезийские рыбаки мстят акулам, когда от их зубов погибает человек? Они вылавливают хищника, разжимают ему челюсти, засовывают ему в желудок живого морского ежа и выпускают в море. Акула обречена на долгие нестерпимые муки.

— Бр-р-р-р-р, — содрогнулся Геннадий. — Все-таки это слишком жестоко по отношению к бессмысленной твари...

— Акулы кажутся этим рыбакам не животными, а враждебным племенем.

— Тем более это жестоко! — воскликнул Геннадий. — Рубанули бы гадину! — и дело с концом...

— Это очень сложная этическая проблема, — задумчиво сказал Верестищев. — Вы мыслите, Геннадий, не по возрасту серьезно. Давайте-ка займемся чем-нибудь попроще. Вот перед нами медуза...

Они погрузились пинцетами в довольно-таки неаппетитное желе распластанной медузы.

— Знаете ли вы, Гена, что акустический аппарат медузы угадывает приближение шторма больше чем за сутки? — спросил Верестищев.

— А нельзя ли сделать такой прибор, как этот аппарат медузы? — полюбопытствовал Гена.

— Вы меня поражаете, Геннадий! — воскликнул Верестищев. — Как раз над этой проблемой работает один отдел в нашем институте. Вам надо быть ученым, мой мальчик!

Однажды, проснувшись, Геннадий очень удивился, не увидев на полу расчерченного жалюзи солнечного коврика. Тусклый серый свет еле-еле освещал каюту. Иллюминатор, казалось, был задран брезентом.

— Привет, Генок, — сказал Телескопов. — Тебя с туманом, а меня с халтуркой.

Он сидел на своей койке и плотничал, плотничал тихо и сокровенно, как в детстве.

Доктору клетку сочиняю, — объяснил он. — Всю дорогу доктор не отвечал взаимопониманием, а сейчас клеточку заказал, удача. Кенара он ночью поймал, доктор наш золотой.

— Как так кенара? — поразился Гена.

— Ну, может, не кенара, так попку, а может, еще ка-кого черта, — сказал, посистывая, Телескопов.
— Ну ведь кенар или попугай — это береговые птицы.
— Да, видать, к Эмпириям этим замечательным под-грбаем.

Геннадий вышел на палубу. Видимость была не боль-ше полукабельтова. «Алеша Попович» двигался самым малым, каждые две минуты сигнала туманной сиреной. Трое парней готовили к спуску за борт двухсотлитровый батометр.

Вдруг распахнулась дверь радиорубки, и на пороге появился радист Витя Половинчатый.

— Где капитан?! — гаркнул он, округляя глаза до пол-ной шаровидности. Он перепрыгнул через комингс и побежал к капитанской каюте.

— Николай Ефимович! В эфире СОС! СОС!

... Весь командный состав «Алеша Поповича» сгу-дился в тесной радиорубке. Витя Половинчатый возбуж-денно говорил и писал на кусочках бумаги.

— Очень слабые сигналы... СОС... Запрашиваю: кто терпит бедствие? ... Молчат... Я советское судно «Алеша Попович», 11 координаты... молчат... вот, товарищи... тише! Передают международным кодом... шлюпку с пассажирского теплохода «Ван-Дейк» преследует неиз-вестная подводная лодка. Пользуясь туманом и пуская дымовые шапки, пытается скрыться... В шлюпку 63 че-ловека, есть женщины и дети... СОС... наши коорди-наты... ..

— Они в двух милях отсюда! — воскликнул Рикшетников.

— Что за подводная лодка? Неужели эти газетные сен-сации с пиратами... — пробормотал глава экспедиции Шлиер-Довейко. — Какое принимаем решение, Николай Ефимович?

Несколько секунд Рикшетников молчал, опустив го-лову. Рисковать кораблем? Что это за беззастенчивая су-бурина? Шестнадцать три человека, женщины, дети... Осме-ляться ли бандиты напасть на советское судно?

Все собравшиеся в радиорубке затаяли дыхание. Ни-кто не смотрел на капитана. Все ждали его решения. В море каждое слово капитана — непреложный закон.

— Идем на сближение, — тихо сказал Рикшетников и бросился к дверям.

...Туманная сирена «Алеша Поповича» выла теперь без перерыва. Судно шло средним ходом. Все свобод-ные от вахты моряки и ученые толпились на баке. Снова уже совсем близко дважды бухнула пушка. Словно ого-нет сигареты, повисла в тумане красная парашютная ра-кета. Послышались резкие свистки, желтый глазок сла-бого шлюпочного прожектора выплыл из тумана, и скоро появились очертания большой спасательной шлюпки под изломаченным, никчемно висящим парусом. Каза-лось, не расстояние, а туман приглушает крики лю-дей, зовущих на помощь. Шлюпка была переполнена. Ясно было, что даже при волнении в четыре балла она неминуемо пошла бы ко дну. Сейчас люди, забыв об опасности, встали во весь рост и размахивали руками, но криков их не было слышно, рев туманной сирены «Алеша Поповича» прорезали только свистки рулевого. «Алеша Попович», подчиняясь приказам капитана, осторожно маневрировал и сближался со шлюпкой. Си-рена вскоре была выключена, и до слуха сковаанных на-пряжением людей доносился хриплый голос со шлюпки:

— Help us! Russian ship, help us!

И сразу же после этого крика в тумане возникли очертания большой подводной лодки. На мостике лодки замелькал огонек. Международным кодом было пере-дано приказание:

— Остановить двигатели!

Николай Рикшетников, не вынимая изо рта трубки, отдал команду. «Алеша По-пович» просигналил:

— Кто приказывает?

Лодка в свою очередь запросила:

— Чье судно?

— Советский научный корабль «Алеша Попович», — ответил Рикшетников. — Кто вы?

Несколько минут лодка хранила молчание, развора-чиваясь носом к «Алеше Поповичу». На мостике ее было видно движение. Спасательная шлюпка раскачивалась уже не более чем в пятидесяти метрах от судна. Слы-шен был даже женский плач.

— Повторяю — остановите машины! — засигналила лод-ка. — Через пять минут открываем огонь!

— Прекратите пиратские действия, — ответил Ри-кшетников и яростно заорал:

— Спустите штурм-трап, примите людей со шлюпки!

В тот момент, когда первые измученные люди со шлюпки упали на руки моряков «Алеша Поповича», не-известная подводная лодка дважды плюнула огнем. Многоопытный Шлиер-Довейко сразу определил по го-лосу скорострельную пушку «Расти шарк» («Ржавая акула») времен второй мировой войны. Снаряды упали в воду возле самого борта и перевернули шлюпку с «Ван-Дейка». Ужасные крики прорезали туман. Гена опомился только в воде, куда почти безотчетно бро-сился на помощь несчастным. Многие моряки с «Алеша Поповича» последовали его примеру.

Вынырнув из теплой воды, Гена увидел прямо перед собой торжественно идущую ко дну старую лед с виз-жащим молсом в руках. Сильной рукой мальчик обхва-тил костявое тело и по всем правилам спасения на во-де переворачивал на спину. Вода возле правого борта бурлила.

Два сильных прожектора с «Алеша Поповича» рассе-яли туман и уперлись в рубку подводной лодки. Никаких знаков различия на ее корпусе не было. На мостике лод-ки видно было несколько мужских фигур в синих курт-ках. Двое мужчин присели возле турпорулы «Расти шарк».

Шли томительные минуты. Моряки «Алеша Поповича» продолжали спасение людей с «Ван-Дейка». Геннадий помогал старей леди уцепиться за канат штурм-трапа и бросился на помощь бороздачу, за шею которого уце-пились двое визжащих карапузов.

Витя Половинчатый без устали передавал в эфир:

— Всем! Всем! Всем! Я — советское научно-исследо-вательское судно «Алеша Попович», спасаю людей с те-плохода «Ван-Дейк». Незнающая подводная лодка ведет артиллерийский огонь. Наши координаты...

Первым откликнулся учебный корвет индийских воен-но-морских сил, но он находился на расстоянии не менее пяти ходовых часов. Помощи от республики Большие Эмпирии и Карбункул ждать было нечего. Насколько знал Рикшетников, военно-морские силы этой страны состояли из таможенно-погранично-карантинного катера «Гольфи» и корабля-музея «Рыцари ночи».

— Похоже на то, что наше дело табак, — проговорил умудренный опытом Шлиер-Довейко.

— Мне кажется, что бандиты сами оказались в не-приятном положении, — сказал Рикшетников. — Конеч-но, они могут уничтожить нас в два счета, но они уже обнаружили себя...

— Разве они не обнаружили себя при нападении на «Ван-Дейк»?

Рикшетников пожал плечами.

— Панамский сухогруз и яхта шейха Абу-Дабби исче-зли, не подав о себе никаких сигналов. Как произошло на-падение на «Ван-Дейк», мы пока не знаем...

— Вы думаете... — начал было Шлиер-Довейко, но в это время рулевой Барабанчиков закричал:

— Они погружаются!

Пушка пиратской субмарины быстро ух-дила в глубь корпуса. Люди с мостика ис-чезли. Лодка погрузилась.

¹ Помогите нам! Русский корабль, помо-гите! (англ.).

МОЙ ДЕДУШКА- ПАМЯТНИК

ПОВЕСТЬ

Василий Аксенов
Рисунки М. Беломлинского

В КОТОРОЙ СЛЫШИТСЯ НЕРВНЫЙ
СМЕХ, СЛЕТАЮТ СЛЕЗЫ
БЛАГОДАРНОСТИ, А В КОНЦЕ
ЗВУЧИТ БРАВУРНАЯ МУЗЫКА

Нервный смех сотрясал капитана теплохода «Ван-Дея» Питера Ван-Гроота. Огромный голландец, облаченный в свитер самого массивного члена экипажа «Алеша Поповича» стармеха Калипсо Яна Оskarовича, на три четверти уже осушил бутылку «Столичной» и все не мог успокоиться.

Продолжение. См. «Костер» № 7, 1970 г.

— Нет, это невероятно, господа! — грохотал голландец. — Пираты! Пираты шестидесяти годов двадцатого века! Презабавно! Ваши аптекарты, господа, садятся на Луну, каждую секунду сто тысяч человек дышат над землей в мягких креслах воздушных лайнеров, из своего дома в Утрехте я разговариваю с новозеландской тетей так, словно она у меня в саду подстригает тюльпаны! Я понимаю — идеологические разногласия... атомная угроза... столкновения различных государств... но... но пираты, господа! Элементарный морской грабеж! Джентльмены удачи! Нет, это невероятно! Это просто ши-кар-но!

Ван-Гроот вдруг оборвал смех. Круглое лицо его обрело углы. Остановившийся взгляд уперся в матовый светильник на дубовой стене кают-компании.

— Я потерял свое судно, почти всех пассажиров, весь экипаж. Если бы не вы... Зачем вы меня спасли!

— Успокойтесь, сэр, — мягко сказал ему Шлиер-Довейко.

— Известно ли вам было, капитан, об исчезновении панамского судна и яхты шейха Абу Дабй? — спросил первый помощник Хрящиков.

— Что-то слышали по радио...

Капитаны, Шлиер-Довейко, первый помощник, стармех и старпом сидели за круглым столом в кают-компании. Солнечные блики трепетали на ворсистом ковре и полированной поверхности стола: туман рассеялся. «Алеша Попович» полным ходом шел к столице Больших Эмпиреев Оук-Порту.

— Связь с панамским сухогрузом оборвалась в ста милях от Гонконга, — задумчиво сказал Рикшеттени, — Яхта шейха пропала к югу от Цейлона. «Ван-Дейк» ограблен и потоплен в ста пятидесяти милях от Больших Эмпиреев. Слишком большой диапазон для одной подводной лодки.

Он положил руку на плечо Ван-Грооту и мягко сказал:

— Расскажите, как было дело, капитан. Возьмите эту сигару. Курите и рассказывайте.

— Настоящая «Гавана», как я вижу! — несколько оживился Ван-Гроот, закуривая сигару. — Недурно!

Он откинулся в кресле, окутался сигарным дымом и начал свой рассказ.

— «Ван-Дейк», джентльмены, был прочной комфортабельной посудиною, но, конечно, уже не для экспрессных линий. Фирма использует, вернее — использовала нас на круизных рейсах. Мы катали старичков-рантье, влюбленных молодоженов, разочарованных дамочек, короче — чеховые книжки средней толщины, впрочем, были и толстосумы. Оук-Порт оказался вторым после Сингапура пунктом круиза. Там мы стояли больше недели. Пассажиры наслаждались. Природа там, господа, великолепная, а население — уму непостижимое, сами увидите. К концу недели мы получили отличную метеосводку и снялись из Оук-Порта на Зурбаган. Трое суток шли по лагуну, как стекло, морю. Старички гоняли шары, молодежь играла в теннис, танцевала, от этой американской трясучки у меня, господа, уже в глазах стало рябить. Бары работали до утра, боялись даже, что джину до Зурбагана не хватит.

И вот в один прекрасный вечер, в 19.00 ровно, в рулевую рубку вошли два эдаких франта и шикарная девица, вроде бы какая-то эстрадная певичка, все трое в масках, господа, и с автоматами. Руки на голову, говорят, и всем в угол! Спокойно, детки, говорю я, насчет киоскемоек мы не договаривались. И тут девица шарханула длинной очередью по приборам — только стекла лопнули! Сразу после этого послышались выстрелы из радиорубки. Вахтенный радист убежал весь в крови и упал замертво. Нас выгнали на палубу, и тут мы увидели, что в двух кабельтовых от «Ван-Дейка» всплывает эта проклятая лодка и сразу же открывает огонь, сбивает нам грот-мачту. Гангстеры, их было человек десять на судне, уже гонят всех пассажиров на бак, а от лодки идут два моторных вельбота им на подмогу.

Я, господа, во время войны служил в союзном флоте, ходил с караванами в ваш Мурманск, видал всякое... но здесь, сознаюсь честно, растерялся, я ничего не понимал... какой-то бред...

Кто-то из этих мерзавцев выпустил воду из главного бассейна, всех пассажиров загнали туда, как овец в тюм, а экипаж окрутили тросом на баке. Малейшая попытка к сопротивлению — сразу автоматная очередь и... труп на палубе. Крики, стоны, плач, а вокруг безмятежное море, закатное солнце и полная пуста. Правда, раз над нами прошел межконтинентальный «бонинг». Какой-нибудь пассажир небось посмотрел вниз и сказал: посмотрите, какой пароход беленький...

Короче, начался самый безобразный грабеж. Часть бандитов пошла по каютам, другие выворачивали карманы, срывали с дам кольца, серьги, остальные держали нас под прицелом. Из глубины судна иногда доносились выстрелы — в машинном отделении, видимо, шла схватка.

Все это продолжалось не меньше двух часов. Наконец, нам было приказано спустить шлюпки и занять в них места. Три шлюпки были продрыганы пулями, и оставшиеся, конечно, оказались переполненными. Лодка взяла все шлюпки на буксир, встала в позицию и одной торпедой развалила старину «Ван-Дейка» надвое.

Всю ночь лодка шла в надводном положении и тащила шлюпки за собой. Какую судьбу они нам готовили? Почему не уничтожили вместе с судном?

К утру стихнул туман, и я приказал обрубить буксир. Я хотел попытаться добраться до острова Кьюри, потому что понимал: свидетелей такого дела вряд ли оставят в живых. Должно быть, я был прав. Лодка отошла нас с нами с упорством гончей. Если бы не вы...

На «Поповиче» тем временем помогали спасенным: вправляли вывихнутые конечности, накладывали шины, делали инъекции, поили бромом, валерьянкой, чаем с малиной, кофе с коньяком, молоком и водкой, кому что нравилось.

Старая леди, уже подсохшая и взбившая надлежащим образом седые буки, отыскала своего спасителя.

— What's your name, my young hero? — со скрипучей нежностью спросила она Геннадия.

— My name is Геннадий Стратофонов, madam, — вежливо ответил мальчик.

— Боже! — леди подняла к небу глаза цвета увядших незабудок. — Теперь у меня есть два любимых существа! Прежде у меня был один лишь Винстон... — она поцеловала своего молса. — Теперь у нас есть вы! — Геннадий Страто... О, это слишком трудно для меня. Я буду называть вас Джин Стрейфонд... Я включу вас в свое завещание! Винстон получит шестьдесят процентов, а вы, Джин, — сорок процентов.

— Благодарю вас, мэм, но это не требуется, — сдержанно поклонился Геннадий.

— Никаких «но»! — категорически заявила дама. — Мой покойный супруг скопил достаточную сумму на моделировании вставных челюстей. На мои фунты, Джин, вы сможете получить приличное образование.

— Мне не нужны ваши фунты, мэм. Я и так получу приличное образование, — ответил Геннадий, слегка задетый за живое.

— Невероятно! — воскликнула дама. — Почему вы отказываетесь от денег? Ведь вы же спасли нас с Винстоном!

— Я советский пионер, мэм, и этим все сказано, — суховаато сказал Геннадий.

— О боже! — воскликнула дама. — Не значит ли это, что вы отказываетесь от нашей с Винстоном дружбы?

С глаз ее слетели две-три зеленоватых старческих слезинки, и одна из слезинок упала на загорелое плечо мальчика. Геннадий был тронут искренностью дамы, и

он, конечно, учел особенности человека, выросшего и состарившегося в капиталистическом мире.

— Деньги могут только испортить дружбу, мэм, а от дружбы я не отказываюсь.

— Вы святой мальчик, Джин, — на грани рыдания промолвила старушка. — Запишите мой лондонский адрес и телефон. Мы с Винстоном будем ждать вас весь остаток наших дней.

Едва Геннадий записал адрес почтенной леди Сюзан Леконсфильд, как по судовой трансляции раздался голос первого помощника Хрящикова:

— Всем свободным от вахты членам экипажа и научным сотрудникам собраться в помещении столовой на информацию.

Геннадий сунул адрес в карман, не подозревая о том, что этот клочок бумаги в скором времени спасет ему жизнь.

В помещении столовой висела карта республики Большие Эмпирии и Карбункул. Архипелаг напоминал перевернутую вниз головой запятую. Десятки крошечных необитаемых островов грядой-загогулиной тянулись к югу, к голове, к сравнительно большому острову Эмпирии со столицей Оук-Портом и ко второму по величине острову Карбункул. Перед картой стоял с указкой первый помощник Хрящиков.

— Ну вот, товарищи, — сказал он, откашлявшись, — сегодня мы лицом к лицу столкнулись с парадоксами мира чистогана, где каждый мазурик, купив подводную лодку, может превратить законный отдых в чистый ад. Теперь главное. Мы идем с дружеским визитом в город Оук-Порт. Никогда прежде нога советского человека не ступала на эту отдаленную территорию.

— Вообще-то ступала, — сказал вдруг из третьего ря-

¹ Как вас зовут, мой юный герой? (англ.)

да плотник Телескопов. — Моя нога и ступала, Лев Африканович.

— А с вами, Телескопов, разговор будет особенный, — прервал его Хряциков и сделал какую-то пометку в своем блокноте. — Итак, продолжаю. Нога туда, товарищи, — он метнул суровый взгляд на невинную физиономию Телескопова, — не ступала. Население там, товарищи, очень неопределенной нации и имеет неопределенный язык, население мы должны уважать, что стало уже хорошей традицией. Еще за сутки до сегодняшних возмутительных событий мы запросили у властей Оук-Порта разрешение на заход. В ответ получено сообщение: «Разрешаю заход в порт при условии вашего согласия на футбольный матч со сборной республики». Я считаю этот вызов суровым испытанием наших моральных и физических качеств. Надеюсь, что наши судовые спортсмены не ударят в грязь лицом и проведут состязание с присутствующим им огоньком и задором. Кто бы ни победил, победит дружба. Все, товарищи. Телескопов, останьтесь.

Утром следующего дня с «Алеша Поповича» увидели первый остров архипелага под смешным для русского уха названием Фухс. Весь день шли вдоль гряды островов, и они возникали один за другим, похожие на кумбы, а некоторые с сахарными головками острокопечных гор.

Солнце стало уже клониться к закату, когда показались отвесные базальтовые стены острова Карбункул. «Алеша Попович» вошел в пролив между Карбункулом и Эмпиреем. На горизонте, как сказочное видение, возник Оук-Порт.

Гена стоял на ходовом мостике и завороченными глазами смотрел на приближающиеся стены древней крепости, на некогда мощные, то круглые, то острые, как нос корабля, башни, на красные черепичные крыши, на купола и шпили соборов, ракетоподобные башни минаретов, на лагоды, похожие на гигантские ели.

— Невероятный город, Гена, правда! — сказал за его спиной капитан Рикшотетников.

— Он похож на сказку, — прошептал Геннадий.

— Скорее на сновидение, — сказал капитан.

Древний центр Оук-Порта был расположен на небольшом круглом полуострове, соединенном с Эмпиреем узкой перемычкой. Когда-то его мощные башни прикрывали две бухты, на набережных которых, сразу за причалами, высились теперь пяти- и шестизэтажные дома с зеркальными окнами и лепными украшениями, построенные, по всей вероятности, в конце прошлого века.

В одну из этих бухт заворачивал теперь самым малым «Алеша Попович».

Вдоль всей набережной под пальмами, под сводами гигантских дубов и пиний стояли, глядя на приближающийся советский корабль, толпы эмпирейцев. Толпы людей, загорелых и орды жестоких, усеяли крепостные стены и башни. Но... и это было странно, крайне странно... толпы молчали. В полной тишине дизель-электроход оглашал узкий гранитный волнолом. Слышен был только слабый шум турбин. Вода была прозрачна до самого дна, как и во времена адмирала Стратофоновта. Перегибались камни на дне, ветвились кораллы, колыхались растения.

— В чем дело? Почему они молчат? — Рикшотетников поднес к глазам бинокль. — Все молчат. Некоторые улыбаются... Странные улыбки.

«Алеша Попович» уже обогнул волнолом, когда из-за круглого бастиона с диким ревом вырвался глиссер. С чудовищной скоростью он несся прямо на судно, подобно ослепшему от ярости насорогу. Ни о каком маневре нельзя было уже и думать. Глиссер целился прямо в середину правого борта, словно хотел протаранить «Поповича». В глиссере сидели несколько обнаженных по пояс мускулистых парней, а на самом кончике его носа стоял, расставив колоннообразные ноги, гигант в плавках, похожих на кусок леопардовой шкуры. Пятьдесят метров, тридцать, двадцать...

— Что они делают?! Самоубийцы! — закричал не своим голосом выдавший виды Шлиер-Довейко.

В самый последний момент гигант на носу глиссера мощно оттолкнулся от борта «Поповича», рулевой резко взял влево. Глиссер ушел к вину, проскочил прямо под кормой, пролетел вдоль левого борта «Поповича», выскочил в бухту, в снежно-белом вихре описал круг и закатился на волнах.

Парни в глиссере хотели, держась за животы, а гигант на носу размахивал вестью откуда взявшийся красным флагом.

Сразу же после этого загрохотали оркестры на набережной и на стенах, сотни рук взмахнули красными советскими и разноцветными эмпирейскими флагами — оранжевый, зеленый и белый круги на аквариумном фоне. Усиленный динамиком голос прогремел над бухтой:

— Вилькамис совет легионор бу легионор Эмпирей!

— Привет советским футболистам от футболистов Эмпирей, — перевел Телескопов и спокойно добавил: — Эти психи каждое судно так встречают. Скучно им тут.

ГЛАВА V

В КОТОРОЙ СЛЫШАТСЯ
ПРИГЛАШЕННЫЕ СТОЛЕТИЯМИ
И ТЫСЯЧЕЛЕТИЯМИ КРИКИ
ОРОСТИ, ПОБЕДНЫЕ ВОЛЛИ, ЛЯЗГ
ОРУЖИЯ, ПРЕДСМЕРТНЫЕ КРИКИ,
СЛЕЗЫ РЕВНОСТИ И ШЕПОТ ЛЮБВИ

За несколько тысячелетий до нашей эры малазийский рыбак Ион увидел со своего катамарана симпатичный архипелаг. Ион и его сыновья возликовали. Наконец-то после долгого плавания можно будет обшуститься!

На берегу путешественники были окружены толпой местных жителей. Ион знаками показал, что хотел бы познакомиться с их культурой.

Туземцы, прыгая друг через друга, что напоминало современную чехарду, повели его к подножию вулкана, над которым в те времена всегда колыхался султан розового ароматного дыма. У подножия вулкана изумленный Ион увидел гигантскую ржавую башню из еще неизвестных ему металлических сплавов. В мистическом ужасе туземцы упали ниц перед башней. Молниеносная догадка осенила Иона.

Дождавшись ночи, Ион показал туземцам на ярко горевшее в черном небе созвездие Кассиопеи. Туземцы утвердительно закричали. Ночь огласилась нечленораздельными стенаниями, полными тоски по столь далекой родине. И тогда Ион понял все.

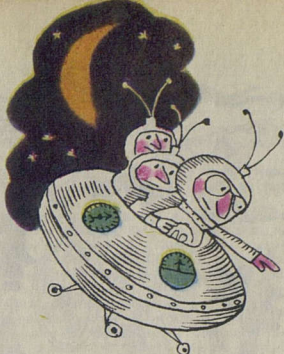
Он понял, что далекие, очень далекие предки этих существ прибыли к нам на землю из пучин космоса. Впоследствии под влиянием благостного климата и огромных количеств вкусной дикорастущей еды астронавты обленелись и забыли математику. Борьбы за существование на архипелаге по сути дела не было никакой, и в течение тысячелетий кассиопейцы стали просто травоядным племенем.

Жизнь на благодатном архипелаге пришлось Иону и его семье по душе. Вскоре они тоже забыли математику и растворились в местном населении. Когда в Китае был изобретен уже порох, а в Европе повсюду пылали костры инквизиции, островитяне еще не научились добывать огонь.

«Зачем, — думали они, — зачем нам тереть палку о палку, бить кремнем по кресалу, мудрить над паровой машиной, когда черепаши яйца прекрасно выпекаются в прибрежном песке, а рыба варится в горячих лужах на склонах вулкана? Зачем нам, собственно говоря, порох, когда не с кем воевать?»

Однажды в III веке до нашей эры островитяне проснулись от страшного скрипа. В океане качался гигантский деревянный корабль. Это был таранный корабль, построенный по приказу египетского фараона Птолемея Филафотора. Вот уже десять лет двести весел, к которым было приковано полторы тысячи рабов, несли этот жутко скрипящий корабль по мировым водам, и все эти десять лет три тысячи воинов-десантников, разделившись на партии носа и кормы, вели на палубе братоубийственную войну. Война была очень жестокая и увлекательная, с небольшими перерывами для приема пищи, которые происходили в общей трапезной в центре судна. Корабль, разумеется, во время войны не управлялся. Только этим и можно объяснить, что его занесло так далеко и он сел на мель в виду нашего блаженного архипелага.

Здесь на мели произошло решительное сражение, в ходе которого «партия носа» перебила «партию кор-

мы!» до последнего человека. Впрочем, «кормовики» не остались в долгу и ответили «иносовикам» тем же.

Оставшиеся без дела рабы стянули ржавые цепи и быстро растворились среди местного населения.

Дорогое убранство чудовищного дрезднута древности: колонны из кипариса, изделия из слоновой кости и паросского мрамора долгое время украшали незатейливые жилища островитян, а сейчас являются достоянием городской управы.

В другой раз, а именно в VII веке уже нашей эры, во вторник после обеда, островитяне были разбужены звоном железа и диким зубным скрежетом.

В прибрежный песок врезалось острым носом небольшое суденышко. Изломаченный полосатый парус пологался под ласковым ветром, а на песке стояли, растянувшись в цепочку, двадцать четыре свирепых мужика в звериных шкурах, с круглыми щитами и длинными мечами.

Это были скандинавские викинги, ограбившие уже берега множества стран. После последнего погрома они вышли в море и много недель плыли в северо-юго-западно-восточном направлении. Вокруг была одна вода, воевать не с кем, на ладье — теснотища, викинги скучали, ругались друг с другом, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не наткнулись они на наш блаженный архипелаг.

Подняв мечи и исторгая воинственные клики, они бросились на удивленных спростоня островитян. Ясно было, что пощады не будет никому.

Островитяне, как пугливые лани, взлетели на свой любимый вулкан, а тяжелого викинги вдруг остановились, увидев котел с вареными крабами, лангустами и омарами, связки копченой рыбы и гирлянды бесплатных фруктов.

«Сперва закусим, — подумали они. — Сперва как следует подзаправимся, а потом уже пограбим, побесчинствуем за милую душу».

Двенадцать викингов с жутким хрустом и чавканьем взялись за еду, а двенадцать других заняли колючевую оборону. Островитяне красивыми оленьими глазами наблюдали за викингами, редяясь их хорошему аппетиту. Насытившаяся половина шайки сменила охрану, но тут же заснула. Вскоре заснули и остальные.

Проснувшись, викинги увидели над собой шелестящие ветви вечнозеленых дубов и пальмовые листья, а еще выше ласково поднимающее созвездие Кассиопеи, услышали шорох волн и дивное пение местных девушек. Воткнув в песок свои мечи, викинги быстро растворились среди местного населения.

Были и другие гости. Индийские купцы и полинезийские рыбаки находили спасение на архипелаге во время штормов. Иной раз любопытства ради приплывали африканцы на плотах из папируса и персидские конюкрады. Море порой выбрасывало на берег людей совершенно неизвестных наций, и не было иноземца, который, разобравшись в обстановке, не растворился бы мигом среди местного населения.

Так шли века. Так формировалась нация нынешней республики Эмпиреи и Карбункул. Мирная элэгическая жизнь царила на архипелаге многие столетия, пока не началась эпоха великих открытий и великого разбоя.

Первым профессиональным пиратом, появившимся на архипелаг, была, как ни странно, женщина.

Известно, что в начале XIV века баронесса де Клиссон из Нанта, мстя королю Франции за казнь своего мужа, снарядила три корабля и взялась за разбой. Пылали города и корабли. У короля Франции было отвратительное настроение. — Шерше ля фам! Ищите женщину! — орал он своим капитанам.

И вдруг разбой прекратился. Пиратская эскадра как в воду канула. Собственно говоря, все так считали, воображая, что страшный Бискайский залив сделал то, чего не могли сделать корабли французского флота.

На самом же деле мадам де Клиссон неожиданно направила свою эскадру к югу. Ее вдруг охватили мучительные угрызения совести, и она решила навсегда покинуть наказанную ею Францию.

Задолго до знаменитого Васко да Гама мадам де Клиссон обогнула мыс Доброй Надежды, не обратив на него особого внимания. Долгие месяцы, пока корабли шли через Индийский океан, женщина-чудовище стояла на коленях в своей каюте и замаливала грехи.

Однажды с гребня рекордно высокой волны рыдающая дама увидела цветущие острова с белыми сахарными головками гор. Ее осенила идея, что архипелаг этот послан ей как искупление грехов, и она воскликнула: — Вот они, блаженные Эмпиреи!

Здесь же разбойники несколько дней бунили и безобразничали, а потом, успокоившись, растворились среди местного населения. На небольшом круглом полуостро-

ве раскаявшаяся грешница построила часовню, заложив тем самым основу будущего города Оук-Порта.

Еще одно столетие прошлолетело в тихом блаженстве. Затем, в субботу перед обедом, островитяне были разбужены громом пушек. В нескольких кабельтовых от берега на озорных веселых волнах приплывали галеоны свирепого португальского адмирала Жоас-Нуньеса да Гаэтано.

Закованные в сталь португальцы водрузили на потухшем уже вулкане свой флаг, воздвигли путем нещадной эксплуатации островитян мощные крепостные стены, и архипелаг превратился в португальскую провинцию, а Жоас-Нуньес да Гаэтано стал губернатором.

Казалось бы, начался жестокий колониальный режим, но... годы прошли, и мрачные аркебузики растворились среди местного населения, флаг изжевали любопытные горные козлы, а грозный губернатор превратился в обыкновенного пьянчугу.

Архипелаг стал настоящим прибежищем «джентльменов удачи» всех наций. Здесь бросали якоря пираты, флибустьеры всех мастей. Все цивилизованные страны проклинали дьявольское разбойничье гнездо, не догадываясь, впрочем, об одном весьма важном и странном обстоятельстве.

Дело в том, что блаженный архипелаг не плодил пиратов, а как раз наоборот — сокращал их число. Множество отъявленных мерзавцев под влиянием красоты и свободы забавлялись на своем преступном прошлом и растворялись среди местного населения. Вот вам пример. Однажды в XVIII веке перед ужином часовые на башнях были разбужены диким голосом Бархатного Чарли, грозы южных морей.

Бригантина негоддя под идилическим именем «Уайт Сасон» (Белый Лебедь) барражировала вдоль крепостных стен. Капитан, расставив ноги в драных ботфортах, стоял на юте и орал в рупор своим нехорошим диким голосом:

— Отдавайте красавицу Марго!

Вдоль правого борта с дымящимися фитилями в руках

стояли его канониры, и все, как замечено было с башен, в плохом настроении.

— Какую еще вам красавицу Марго! — крикнул долговязый Маркус Джереми Ион, представитель одной из старейших семей архипелага.

— Сами знаете какую! — зорал Бархатный Чарли. — Отдавайте немедленно! Открываю огонь всем правым бортом.

Впоследствии выяснилось, что его любезная красавица Марго, сбегавшая с «Белого Лебедя» на Ямайке, нашла себе пристанище на островах Кьюри, где и одичала вместе со своим возлюбленным Хьюлетом Бандерогой. Бандерога же перед бегством сумел ввести в заблуждение Бархатного Чарли, чем навлек на черепичные крыши Оук-Порта град каленых ядер.

Битва продолжалась около трех часов. Островитяне, кое-чему научившиеся за истекшие столетия, смогли дать наглецам достойный отпор. Когда Бархатный Чарли очнулся в развороченном им до неузнаваемости трактире «Синька», он увидел юную Юю-Паулину Ион, племянницу Маркуса Джереми.

— Не та ли это, кого вы искали, храбрый моряк?

— Собственно говоря, ничего общего, — прорычал Бархатный Чарли, потирая ушибленную рукояткой пистолета голову. — Да, собственно говоря, это и не имеет значения...

Вот вам пример. Негодяи Бархатного Чарли, которые могли бы причинить столько горя жителям Цейлона, Бенгалии, Австралии и Чили (а именно такие были у негодовья планы), превратились на нашем архипелаге в мирных виноградарей, рыбаков или просто в бездельников, а страшлище южных морей «Белый Лебедь» стал «прогуливать» в своих тромах местное вино «Горный дубняк» для придания ему должного вкуса.

Больше того, сам Бархатный Чарли, для которого в Британском Адмиралтействе давно была свята пенковая веревка, стал почетным гражданином Оук-Порта, а впоследствии первым президентом республики Большие Эмпирен и Карбункул. Именно он, Чарли-Велюр, завез на архипелаг любимую игру лондонской гольфы, известную теперь всему миру под названием «футбол».

и именно эта игра принесла ему неслыханную популярность.

Любый мизантроп, попав на архипелаг, становился оптимистом и шутником и растворялся в добродушном, веселом, немного ленивом, но талантливом местном населении. И только лишь самые отвратительные негодяи и мрачные скопидомы не могли прижиться на красивых островах. Они пересекали пролив и высаживались на базальтовые скалы единственного непригласительного острова во всем архипелаге, острова Карбункул. Их влекла туда дурацкая живая легенда, которая и дала имя этому острову.

Легенда гласила, что Хьюлет Бандерога, перед тем как скрыться и одичать на островах Кьюри, штормовой ночью высадился на этом острове и закопал где-то там невероятнейший драгоценный камень — карбункул величиной со страусиное яйцо. Где мог достать свистун Бандерога такой ценный предмет, легенда не объясняла, да это и не нужно было тупым маньякам-кладоискателям. Пошлые призраки богатства и власти влекли этих людей на остров. Более полувека шли поиски несуществующего «страусиново яйца», и за это время на острове возникло некрасивое поселение, где, казалось, сам воздух был пропитан подозрительностью и злобой. Жители этого городка, носящего непривлекательное имя Стамак (Желудок), отличались большой физической силой, но были тупы и раздражительны. С веселыми и беззаботными эмпирейцами они не поддерживали почти никаких отношений, хотя и соглашались войти в республику на правах автономной единицы.

Тем временем наступил просвещенный XX век.

Большие Эмпирей, расположенные в зоне пассатов, оказались удобным перевалочным пунктом для парусных караванов. Архипелаг торговал с Европой, Азией, Африкой, Америкой и Австралией. Везде находили спрос эмпирейские товары: перья райских птичек, вино «Горный дубняк», пробковое дерево, копра, жемчуг, ароматические масла.

Тогда-то и появился у берегов архипелага кровожадный Рокер Буги, последний, если можно так выразиться, пират классического типа.

Наглость негодяя дошла до того, что, явившись со своими головорезами в сенат, он низложил республику и объявил себя императором архипелага. И тогда беззаботные островитяне восстали. Единственный военный корабль — десятипушечный бриг «Рыцари ночи», ныне ставший кораблем-музеем, — открыл огонь по пиратской эскадре, однако весь его экипаж был беспощадно вырезан в abordажном бою. Рокер Буги предал Оук-Порт огню и мечу. Столб пламени стоял над городом, когда на горизонте появились паруса русского клипера «Безупречный», направившегося на отдых в Оук-Порт после картографической разведки островов Кьюри. Остальное известно уважаемому читателю.

Но вот наступили времена, когда паровые машины окончательно вытеснили парус. Новые суда, не зависящие от пассатных ветров и течений, проложили в океане другие пути, и Большие Эмпирей оказались в стороне. Открытие Суэцкого, а потом и Панамского каналов усугубило изоляцию архипелага от большого мира. Мода на перья райских птиц в Европе прошла, капиталистические монополии перехватили рецепт знаменитого «Горного дубняка», в Европе занялись мировыми войнами и совершенно забыли о Больших Эмпирейх. Редко-редко швартовались теперь суда в удобных гаванях Оук-Порта.

Однако эмпирейцы не тужили. Да и чего им было тужить? Ведь море по-прежнему было прозрачным и рыба в нем не переводилась, фруктовые деревья плодоносили по-прежнему, дубы, пинии и пальмы шелестели так же ласково, как и в прежние времена, и так же ласково подмигивало по ночам созвездие Кассиопеи.

Может быть, Волода Телескопов был отчасти и прав, может быть, эмпирейцам действительно было немного скучновато, но у них была большая и всепоглощающая страсть — футбол, завезенный, если помните, сюда еще Бархатини Чарли. Они называли свою любимую игру «булоногом», а игроков «легоперами». Они были убеждены, что обладают самой мощной командой мира, но у них никогда не хватало денег, чтобы съездить в Европу или в Южную Америку проверить свои силы, да они и не знали толком, что такое деньги.

Заманивая в свои гавани корабли разных стран, эмпирейцы вызывали их экипажи на футбольные «булоножные» поединки и обыгрывали с ужасающим счетом. Последний, например, матч с командой несчастного «Ван-Дейка» закончился со счетом 44:0 в пользу местных «легоперов».

Нынешний президент этой республики Токтомуран Джечикин вот уже много лет является бессменным вратарем («булоховатом») сборной футбольной команды страны.

Так шла жизнь, и никто из потомков облившихся астронавтов, предпринимателей малайзийцев, африканцев, индийцев, обещавших викингов и расквашенных пиратов не подозревал о том, какие тучи собираются над их небольшой страной, никто не мог вообразить себе событий, о которых пойдет речь в следующих главах.

В КОТОРОЙ ВЕСЕЛЫЕ ГОЛОСА ПЕРЕМЕЖАЮТСЯ ЗАЛОБНЫМИ ВЫКРИКАМИ, ТРЕЩАТ МОТОЦИКЛЫ И НЕВНЯТНО БУБНИТ „РЕЗИНЩИК“

— Странное дело, Николай, — сказал Геннадий Страфонтон капитану Рикосетинкову. (Оставаясь наедине, Геннадий позволял себе называть своего старшего друга

просто по имени). — Происходит поистине какое-то чудо, Николай. Мне кажется, что я начинаю понимать эмпирейский язык.

Друзья в густой толпе шли по вытертым до блеска мраморным плитам старого Оук-Порта. В бесчисленных магазинчиках, лавчонках, барах и кафе главной улицы Пикокабануэй кипела говорливая возбужденная жизнь. Казалось, воздух наэлектризован ожиданием завтрашнего футбольного поединка.

— Знаете, Гена, это очень странно, — сказал капитан, — но мне тоже кажется, что я что-то понимаю, а ведь этот язык не похож ни на один из знакомых мне языков.

— Давайте попробуем поговорить с кем-нибудь на нем, — предложил Геннадий.

Друзья сквозь bambukovuyu занавеску вошли в полутемную прохладную лавчонку. Толстый хозяин в красной майке с цифрой 9 на спине тут же закрылся возле них.

— Вилькамис, вилькамис, ящите немо!

— Пуззо, гай ле саитохлади, — попросил его Геннадий, и тут же получил брусок мороженого в шоколаде.

— Пуззо, гай ло тубака пюр писса, — попросил капитан и тут же получил коробку трубачного табака «Летучий голландец».

— Хава миста саитохлади ри тубак! — спросили друзья, имея в виду стоимость купленных предметов.

— Фуна велюр саитохлади, фуна велюр тубака, — сияя от счастья, ответил толстак.

Капитан протянул ему две огромных местных банкноты с башнями, парусами, амурами, пушками и арбалетами.

— Вилькамис, вилькамис. Грэтто сенькьюрал

Друзья двинулись дальше. Они шли к зданию сената, где, как объяснили им в порту, должны были сегодня состояться большие дебаты по вопросу завтрашнего матча.

— Джин! Мой юный герой! — услышал вдруг Геннадий за спиной, и на плечо ему легла легкая, как куриная лапка, рука.

Пожилая леди Сюзен Леконсфильд выглядела самым невероятным образом. Шея ее была унижена местными глубоководными жемчугами, мочки ушей были украшены пуццовыми серьгами, над седыми бьюлами колыхались перья райских птиц, а костлявые бедра были обтянуты ярчайшей эмпирейской мини-юбкой.

— Джин, сокровище мое, спасенные тобой создания сегодня через час улетают домой, в свою уютную квартиру, — лепетала старая леди. — Позволь мне поцеловать тебя, мой мальчик, мой рыцарь, мой хрустальный дельфинчик, мой...

Потрясенный «хрустальным дельфинчиком» Геннадий подставил щеку и получил поцелуй.

Капитан Рикошетников с галантностью поцеловал даме ручку.

— На местном дирижабле мы доберемся до Зурбагана, а там пересядем на «комету», — продолжала старушка. — Поцелуй же своего нареченного братца, мой мальчик.

Содрогаясь от отвращения, Геннадий поцеловал Винстона в слюнявую пасть.

Мопп вяло лизнул его в ухо.

Прощавшись с леди Леконсфильд, друзья двинулись дальше. Извилистая Пикокабануэй вдруг вытекла на довольно широкую площадь, в глубине которой высилось здание сената с коринфскими колоннами, готическими шпилями и лепкой рококо.

Перед сенатом высился величественный памятник предку ленинградского пioniра «Адмиралу Серхо Филлимоны Страттофуду», как его именovali благодарные островитяне. Скронный мужественный путешественник был изображен скульптором как бы на капитанском мостике, но одновременно и на коне. Его гордую голову, с лицом, исполненным благородного гнева, венчал крылатый шлем. Правой рукой Страттофуду поражал акулоподобного Рокера Буги, а левой защищал пышную улыбающуюся деву, символизирующую эмпирейскую свободу.

— О ужас! И это мой прапрапра... — прошептал Геннадий, вспомнив до-бродушный и даже несколько застенчивый взгляд фамильного портрета.

Друзья поднялись по мраморной лестнице и скрылись в здании сената. Они уже не видели, как через пять минут на площадь с грохотом ворвались два десятка мрачных, затянутых в черную кожу хулиганов на мотоциклах. Они не видели, как хулиганы начали злоеющее кружение вокруг памятника, поливая его желтой краской и отаратительной хулой, забрасывая яйцами и тухлыми крабами. Они не видели, как толпы возмущенных эмпирейцев пресекли эту неожиданную вылазку жителей Карбункула (а это были именно они) и по-крыли их головы позором.

В чем же была суть этого странного инцидента? Оказалось, что на Карбункуле вдруг вспыхнула яростная кампания против футбольного матча с советскими спортсменами. Жители Карбункула, которые до сего утра не слышали даже имен Пеле и Гершковича, вдруг выступили с яростными нападениями на футболистов советского судна «Алеша Попович» и послали лучших своих хулиганов для осквернения памятника русскому адмиралу.

А Геннадий и капитан Рикшетников сидели тем временем в галерее для гостей и наблюдали заседание сената республики Большие Эмпирей и Карбункул.

Спикер сената возвышался над всем собранием, сидя по традиции на огромной бочке знаменитого «Горного дубняка». Одет он был также традици-онно: бархатный камзол, драные ботфорты, красная пиратская косынка на голове. Оба его глаза крест-накрест закрывали традиционные черные по-вязки. В руке он держал кремневый пистолет XVIII века, выстрелами из кото-рого пресекал шум в зале.

Сенаторы же, их было ровно две дюжины, одеты были кое-как. Правая оппозиция, шесть представителей Карбункула, все были в черных суконных тройках, а остальные — в расстегнутых жилетах, в рубашках, иные так просто в майках. Президент республики Токтомуран Джечкин, явившийся на заседа-ние прямо с тренировки, был в доспехах футбольного вратаря.

Среди этого странного общества изысканность и строгостью наряда выде-лялась красивая статная дама с длинными черными волосами и лицом словно вырезанным из слоновой кости.

— Кто эта дама, месье? — спросил Рикшетников оказавшегося по сосед-ству вертлявого француза.

— Эта женщина — сенатор, мадам Накамура-Бранчковска, — зашептал со-сед. — Поверьте, месье, такой обаятельной и импозантной дамы не встретишь ни в Лондоне, ни даже в Париже. Говорят, что она происходит из рода де Клиссон...

Спикер выстрелил в потолок, вынул изо рта традиционный кляп и глухим го-лосом возгласил:

— Слово предоставляется господину президенту.

Токтомуран Джечкин, подтягивая черно-бело-лиловые трусы, поднимался на трибуну.

— Господин спикер, господа сенаторы, господа! Вчера народ Эмпиреев приветствовал в своем порту советский фрегат «Алеша Попович». Любимец нашего народа, лучший футболист вселенной Рикко Сила первым коснулся борта этой бригантини.

Советская каравелла, господа, занимается в океане наукой, но это нас, слава богу, не касается. Мы будем счастливы встретиться с леоперами этой далекой и, как утверждают, большой страны, команда которой заняла чет-вертое место на так называемом первенстве мира в Лондоне.

— От себя лично, господа, — продолжал президент, — я заявляю: в за-втрашнем матче я парюрю восемь пенальти и вытасчу столько же мячей из «девятки». Уверен, что сенат единогласно одобрит встречу наших леоперо-в с советскими футболистами, прибывшими к нам на галеоне «Алеша Попович». Я кончил, господа!

Спикер снова пальнул в потолок.

— Слово имеет старейшина Совета Копальщиков острова Карбункул достопочтенный кавалер ордена Счастливой Лопаты полковник Бастардо Мизераблес да Порк-и-Гусано.

На трибуну поднялся высокий мощный мужчина лет сорока с бананообраз-ным носом, лохматыми гусеницами бровей, похожим на утюг подбородком и странными на этом фоне тоненькими усами. Лицо этого господина показало-сь знакомым Геннадию и Рикшетникову, но вспомнить его они не смогли. Как-то очень уж не связывались между собой сенат далекой неведомой страны и милый сердцу, проступающий сквозь снег вид Ленинграда... Ки-ровский мост... Петропавловка... памятник Суворову...

Бастардо Мизераблес да Порк-и-Гусано грохнул страшными кулаками по трибуне и завопил на карбункулском наречии эмпирейского языка:

— Выхил жыз всплхис силстлоу! Черчелянтю ри фларт! Газзо азаф Карбун-кул жрав Эмпирейя гам, га фула, брагадл!

Грубая речь его была полна непонятна советским морякам. Уловить можно было лишь отдельные бранные слова: трусы, предатели, лентяи, идиоты...

Ясно было одно: кавалер ордена Счастливой Лопаты яростно протестовал против дружеского спортивного поединка с советскими моряками.

Никто не ожидал такого поворота дела. Изумленные сенаторы левых крыла и центра вскопили, размахивая руками. Шум на галереях для публики поднялся невообразимый. Круглый, как мяч, седовласый сенатор в красной футболке с цифрой 3 одним прыжком взлетел на трибуну и закричал:

— Позор недостойным копалящикам Карбункула! Вам не поссорить нас со славными ребятами, не дегнувшими даже перед лицом бандитской подлодки! Да здравствует дружба! Да здравствуют посланцы страны нашего героя СерGIO Филимоныч Стратофудой!

Шум усилился еще больше. Подложкины черных сирипуток сиплыми глотками рвали какую-то гадость. Спикер папал уже из двух пистолетов. И тогда, слегка поправив свои длинные волосы, встала мадам Накамура-Бранчовска. Все мгновенно затихло. Видимо, вес этой женщины в эмпирейском обществе во много тысяч раз превышал ее собственный вес, вполне соответствующий изящным парижским стандартам.

— Господа, — мягким, глубоким голосом сказала женщина-сенатор. — Никто из присутствующих не упрекнет меня в презрении к футболу. Все помнят, что именно я открыла счет в матче с командой австралийского авианосца «Кукбурре». В то же время остров Карбункул отлично знает, с каким уважением я отношусь к его трудолюбивому мужественному населению. По этим двум причинам я воздерживаюсь от голосования и приглашаю всех присутствующих на мой сегодняшний вечер «Вальс незнакомых цветов».

Очаровательно улыбнувшись, она села. В зале царило недоуменное молчание. Позиция влиятельной дамы явно всех озадачила.

— Начнем голосование! — сквозь традиционный кляп еле слышно произнес спикер.

— Начнем! Начнем! — послышались неуверенные голоса.

Президент Токтомуран Джекин крикнул со своего места:

— Господа, я забыл добавить: Рикко Силла сегодня ударом головы выво-
ротил штангу!

Взрыв энтузиазма погасил последние сомнения.

— Голосуем и дело с концом!

И тогда правая оппозиция прибегла к последнему коварному способу погасить волю народа. Она выпустила на трибуну так называемого «резинщика». Все в зале поняли, что это значит, когда «резинщик» начал с первой страницы читать «Хартию вольностей» толщиной в мраморную плиту, а под рукой у него еще были «Ветхий завет», «Коран» и «Антология мирового фольклора». Увы, таков был закон эмпирейского сената — оратор мог выступать столько, сколько хотел, а «резинщик» с Карбункула, видимо, собирался выступать не меньше четырех дней. Сенат же не мог проголосовать, пока он не кончит.

Прошел час. В зале уже слышалось носовое посапывание засыпающих сенаторов. Спикер, свернувшись в клубок, спал на своей бочке. А «резинщик» все бубнил и бубнил:

— ... итак, параграф седьмой пятого подпункта установления о торговле гласит, что производство пуговиц разрешается при предъявлении определенного числа доказательств о возможности такого производства, обусловленных пунктом «А»...

— Пойдемте в порт, Геннадий, — сказал Риккошетников. — Дело ясное, что дело туманное.

Он обернулся и увидел, что мальчика рядом с ним нет.

ИЗ КОТОРОЙ ДОНОСИТСЯ
ДО НАС СТУК
ТЕННИСНОГО МЯЧА
И СТРАШНЫЙ ХРУСТ,
С КОТОРЫМ МОШНЫЕ
ЧЕЛЮСТИ РАЗГРЫЗАЮТ
КЛЕШНИ ОМАРА

ГЛАВА VII

Первое, что услышал Геннадий, очнувшись, был звук, похожий на грохот работающего рядом отбойного молотка. Потом лопатки его ощутили холод каменного пола. Глаза устремились вверх, и мальчику показалось, что он лежит на дне глубокого каменного колодца. Голова кружилась.

Геннадий приподнялся на локтях и осмотрелся. Нет, это был не колодец, скорее, старая узкая крепостная башня. Стены грубой кладки уходили вверх. Сквозь стрельчатое окно на самом верху, скорее похожее не на окно, а на

бойницу для мушкета, узкая полоса яркого солнечного света косо шла вниз и падала на привалившегося к стене дюжего детину в штанах военного образца и в белой майке со штампованными автографами кинозвезд. На коленях детины лежал тупорыльный автомат. Дитина храпел, и именно этот храп создавал впечатление работающего рядом отбойного молотка.

Через секунду Геннадий вспомнил все. Он вспомнил, как, утомленный нудным завыванием «резинщика», тихо покинул галерею для гостей и решил прогуляться по зданию эмпирейского сената.

Он шел гулкими сводчатыми коридорами, разглядывал стоящие в нишах фигуры средневековых воинов, входил в пустые залы и смотрел на огромные картины, поразительно напоминающие эмпирейскую банкноту «велюр».

Открыл очередную дверь, Геннадий запутался в каких-то тяжелых шторах. Пытаясь выбраться из парчовых складок, он услышал негромкие мужские голоса и, наконец, увидел в щелку трех джентльменов, развалившихся в креслах и прихлебывающих из высоких стаканов янтарного виски.

Он хотел было уже с извинениями удалиться, как вдруг услышал...

— Этот идиотский футбольный матч не должен состояться ни в коем случае, — сказал тихо голубоглазый блондин с очень странным утиным носом. — И вообще советскому кораблю нечего делать возле архипелага. Вы здесь, на своем архипелаге, совсем оторваны от мировой политики! Именно из-за этого памятника, именно из-за популярности русских и оттого, что они обязательны парни, нужно выдворить их вон. Мясо, господа, нужно сначала отмочить в соусе, прежде чем нализать на вертел!

Джентльмены гулко расхохотались и подняли стаканы.

— За мистера Кингсли Брейневина Мамиса из страны, которая ценит юмор, но не любит шутить! — провозгласил голубоглазый.

В это время стальные пальцы сзади обхватили горло Геннадия, и не успел он опомниться, как был атачен внутрь кабинета.

— Мне пришла нужда прогуляться, господа, — прогудел над Геннадием грубый голос. — Возвращаюсь, сморю — пацан...

— Кто ты такой, щенок? — завизжал не своим голосом голубоглазый, суя под нос Геннадию кулак, усеянный огромными перстнями.

— Здесь не место разбираться, Латтифудо, — быстро проговорил Мамис, открыл черный портфельчик «атташе» и, зажав себе нос, брызнул из какой-то стеклянной трубочки едкой жидкостью в лицо Геннадия.

Последнее, что слышал мальчик как сквозь вату, были слова:

— Отправьте его куда следует...

«Сколько же времени я был без сознания? — подумал сейчас Геннадий. — Час, два, может, — сутки!»

Он осторожно встал и подошел к храпящему охраннику. Тот не шелохнулся. Тяжелый дух дешевого джинна витал над ним. Геннадий попробовал плечом низкую дубовую дверь — она не поддавалась, видимо, была заперта. Геннадий снул с колен парного автомата, перекинул его через плечо и посмотрел вверх. В стене кое-где намечались выступы, видимо, остатки винтовой лестницы, которая вела на боевую площадку.

Вспомнив уроки скалолазания, которые когда-то в Крыму преподавал ему папа Эдуард, Геннадий стал карабкаться вверх. К счастью, на ногах у него были легкие туфли на каучуковой подметке. Прошло несколько мучительных минут, прежде чем он оказался перед бойницей. Прямо над ним висит головой мешочками несколько летучих мышей.

Протиснувшись в бойницу было делом нелегким, но и оно оказалось по плечу мальчугану. Он выбрался наружу и встал, прижавшись спиной к стене, на каком-то витиеватом изогнутом выступе, видимо, остатке орнамента, некогда венчавшего башню. Огромное пространство открылось перед ним. Окунув его взглядом, Геннадий чуть не кричал от ужаса. Шпили Оук-Порта едва виднелись на горизонте. Сверкающий на солнце пролив шириной в несколько миль частично был скрыт близким, невысоким, но устрашающе мрачным хребтом, похожим на спину динозавра. Мальчик понял, что он находится на острове Карбункул.

Головокружительные секунды отчаяния... Как далек от него сейчас родной «Алеша Попович», капитан Рикшетников, Шлиер-Довейко, Хрящиков, Верестичев, Барабанчиков, Телескопов, Калипсо, люди, с которыми любая беда — не беда... И они ничего не знают о нем! Они даже не могут предположить, где он сейчас.

Башня была высотой не меньше двадцати пяти метров. Внизу клубилась какая-то зелень, но под зеленою, возможно, были скрыты острые камни. Прыгать прямо вниз было безумием. Попытаться соскользнуть вниз по стене? Стена была отполирована многовековыми ветрами. Вот метрах в пяти-шести верхушка мощного дерева, с ветвей свисают лианы. Попробовать по-тарзаньи? Единственный выход, несколько шансов из ста.

Сильно оттолкнувшись, Геннадий полетел вниз. Вот замелькали мимо рук спасительные лианы. Неужели конец! Р-раз! Руки обожгло огнем. Геннадий закачался на лиане. Автомат больно ударил по крестцу. Проклятый автомат, надо было его сбросить к чертам подальше.

Под тяжестью мальчика лиана стала растягиваться, и Геннадий, словно с парашютом, вспоминая уроки мамы, опустился на пружинящий дерн. Вокруг была тишина, только птицы кричали на разные голоса.

Геннадий отвалил от подножия башни какой-то камень, положил

автомат в ямку и забросал его сухими ветками и листвою. Кто знает, что ждет впереди?

Осторожно пробираясь сквозь кусты, мальчик направился в сторону пролива. Он рассчитывал пересечь хребет, спуститься к морю, найти там какую-нибудь лодку и попытаться добраться до Оук-Порта. Несколько раз ему пришлось проходить под замшелыми каменными арками, сбегать по ступенькам заброшенных лестниц, но ни разу ему не встретилось ни души.

Вдруг до слуха его донеслись гулкие звуки, похожие на удары по теннисному мячу. Кто мог играть в теннис в этом логове темных и подозрительных людей? Геннадий уже знал, что единственный спорт на Карбункуле — это копание ям. Кто быстрее выкопает яму, тот и чемпион.

Прячась за валунами, короткими перебежками, чуть ли не ползком Гена направился на эти звуки. Звуки становились все громче. Сомнений не оставалось — это был теннис. Внедвигавшись в кусты азалли, мальчик подполз вплотную к проволочной загородке идеального травяного корта, расчерченного по всем правилам и с туго натянутой сеткой.

На корте в полном одиночестве девочка его лет была мячом в стенку. Удары были резкие, частые, и реакция у девочки была что надо. Но вот она промахнулась, мяч пролетел мимо ракетки и подкатился чуть ли не к Гениному носу.

Геннадий хотел было уже ящерницей скользнуть в азалли, глянул и остолбенел. Прямо на него бежала вприпрыжку румяная и надменная... Наташа Вертопрахова.

Право же, это была она: тот же «конский хвостик», болтающийся на затылке, и та же стройность большеглазого морского конька.

Она нагнулась за мячом и вдруг увидела лицо Геннадия. Несколько секунд мальчик и девочка, не отрываясь, смотрели друг на друга.

— Ну, чего? — спросила, наконец, Наташа, сдвинув брови к переносице. Говорила она по-эмпирейски.

— Ничего, — ответил Геннадий. Греха таить нечего, он был растерян.

— В теннис-то небось не играешь? — спросила Наташа.

— Играю, — пробормотал Геннадий.

Наташа вдруг звонко рассмеялась.

— В теннис он играет! Ах ты, крошечный! А ну-ка лезь сюда.

Геннадий, совершенно забыв об опасности, которая подстерегала его здесь на каждом шагу, перелез через заборчик. Наташа бросила ему ракетку. Он поймал ее на лету и встал на правой половине площадки.

— Ну держи, крош! — крикнула Наташа, слабая от смеха, и сделала легкую подачу. Геннадий мощным драйвом погасил мяч.

Девочка подошла к сетке. Геннадий тоже приблизился. Он уже понял, что это не Наташа, а лишь ее копия, совершенно точная копия.

— Ты разве не из кротов? — спросила девочка.

— То есть? — удивился Геннадий.

— Ну что, не понимаешь? Разве ты не с Карбункула? Впрочем, конечно, ты не с Карбункула. У тебя странный выговор... — она наморщила лоб. — Иностранец, что ли?

— Я... — пробормотал Геннадий, — англичанин.

Девочка протянула ему свою руку:

— Доллис.

— Джин, — представился Геннадий, вспомнив леди Леконсфильд.

— У вас в Англии все так играют?

— Через одного, — улыбнулся Геннадий.

— Слушай, Джин, как ты все-таки здесь оказался?

Геннадий внимательно посмотрел на девочку. Ему показалось, что ей можно открыть правду, что она может ему помочь, но все же решил быть осторожным.

— Я... я заблудился...

— Тебе нужно в Стамак! — спросила Доллис. — Пойдем, покажу дорогу.

— Покажи мне лучше кратчайший спуск к морю, — сказал Геннадий. — Мне нужно попасть в Оук-Порт.

Они уже говорили по-английски. Вот где пригодились мальчику его усердные занятия этим языком.

— Не собираешься ли ты переплыть пролив? — со смехом спросила Доллис.

— Вот именно.

— У тебя есть знакомые среди акул?

— Мне нужно переплыть пролив, Доллис, — тихо и серьезно сказал Геннадий.

— Из Стамака каждые два часа ходит паром.

— Мне нельзя в Стамак, Доллис...

Девочка снова весело рассмеялась.

— Какая таинственность! Таинственный англичанин!

— Доллис, я не шучу...

— Ну, пойдем, пойдем! Я покажу тебе спуск к морю,

она вдруг хлопнула себя ладошкой по лбу. — А хочешь — вместе переплывем в Оук-Порт на каное! Блестящая идея! То-то зовешься моя мамочка! Бежим.

Сердце Геннадия глубоко забилося. Каное! О чем еще он мог мечтать?!

— Чей это парк, Доллис? — на бегу спросил Геннадий Стратофонов. Его поразило то, что во всем этом огромном парке они не встретили ни одного человека.

— Наш, — ответила девочка.

— Чей?

— Наш. Ну, моей мамы.

— Весь парк ваш? А экскурсии сюда приезжают?

— Еще чего! — презрительно фыркнула Доллис. — Экскурсии!

Несмотря на напряженность момента, Геннадий подумал:

«Вот она, капиталистическая система! Кучка людей владеет огромными ресурсами природы!»

Они нырнули под красивую арку, пробежали полутемным тоннельчиком, и перед ними сразу же за балюстрадой распахнулось пространство: скалы, море, приближавшийся изломанный гребень Оук-Порта. Пролив пересекало белое судно, верхняя палуба которого была покрыта ярким тентом.

— Мама возражает, — махнула Доллис рукой в сторону судна. — Вчера она давала в столице прием. — Доллис напыщенно и жеманно произнесла, словно переразная кого-то: — Валс незнакомых цветов, господа! Не правда ли, прелестно? Валс незнакомых цветов!

Так вот оно что! Геннадий едва смог скрыть свое изумление. Он вспомнил длинные черные волосы и, словно выточенное из слоеновой кости, лицо женщины-сенатора. Бал был вчера! Значит, он валялся без сознания чуть ли не сутки!

— Я слышал вчера про этот прием, — сказал он. — Твоя мама — мадам Накамура-Бранковская?

— Ну, да. Как ты догадался, Джин?

— Я видел ее в сенате.

— Ты не думай, что она всегда такая важная, она хорошая, только... — Доллис быстро посмотрела на него. — Красивая, а?

— Не хуже Софи Лорен, — сказал он.

Девочка расхохоталась.

— Ну, ты, я вижу, — знаток! Ладно... — она показала с балюстрады вниз. — Видишь тропинку между скал? Спустишься по ней, там будет маленькая бухта. Разбойничья бухта. Жди меня там, а я подгоню каноэ. Идет? Не успел Геннадий кинуться, как за спиной его раздался страшный вопль.

— Вот он! Вот он, ребята!

Геннадий стремительно обернулся. Из тоннельчика прямо на него бежал детина в майке с автографами кинозвезд, а за ним еще трое узлобланных квадратных парней.

Изумленная Доллис увидела, как юный англичанин молниеносным приемом дзюдо сбил с ног огромного парня, вскочил на барьер и упал вниз лицом под ударом пистолетной рукоятки. Два грузных тела навалились на мальчика. В мгновение ока руки его были скручены мотком проволоки.

Доллис вскрикнула и влепила пощечину одному из громил.

— Как вы смеете, кроты?! Кроты несчастные! Кто вам разрешил врываться в наш парк?! Отпустите его немедленно!

Детина, сбитый Геннадием, кряхтя поднялся. На тугом его лице застыла кривая хулиганская улыбка.

— Этот парень, молодая госпожа, задержан по приказу совета. Он сбжал сегодня из Мухкетной башни. Люгер мой спер, молодая госпожа.

Он обернулся к связанному Геннадию:

— Где моя пушка, гадиныш!

Доллис и его огрела пощечиной.

— Ручка у вас тяжелая, молодая госпожа, — ухмыльнулся детина.

— У моей мамы рука потяжелее! — крикнула Доллис и вдруг заплакала в три ручья. — Джин, Джин, что это такое?

— Я не знаю, что они от меня хотят, Доллис, — проговорил Геннадий. — Это какое-то дикое недоразумение...

— Наше дело маленькое, — ухмыльнулся битюг. — Приказ есть приказ.

Подталкивая Геннадия в спину автоматами, они повели его через парк. По дороге они шумно обсуждали подробности погони и схватки. Должно быть, они показались себе героями. Детина в майке с автографами хлопнул мальчика по плечу даже с некоторым добродушием:

— А здорово ты меня с катушек сбил, малец!

— Ай донт андерстэнд, — сказал Геннадий. — Я не понимаю вашего языка.

— Ладно, ладно, топай!

Его вывели из парка и повели по покрытой щербенкой дороге, петляющей среди рыжих унылых скал. Шагая этой раскаленной дорогой, Геннадий лихорадочно обдумывал ситуацию.

Ясно одно — он в руках какой-то банды. Ясно тоже, что эта банда плетет заговор против эмпирейцев и против советского корабля. «Мясно надо смонить в соусе, прежде чем нализать на вертел...» «Советскому кораблю нечего делать возле архипелага...» «Нужно покончить с этим кумиром Серхо Филимоныч Страттофудо...» Ясно, что главарь банды боится, что он подслушал их секреты.

Если он откроется им и скажет, что он советский пионер, потребует, чтобы его отправили на «Алешу Поповича», если они еще догадаются, что он потомок эмпирейского памятника... Это может кончиться плохо.

Надо попытаться обмануть их. Он англичанин Джин Стрейтфонд, он ни слова не понимает по-эмпирейски, он ничего не слышал. Ему нужно добраться до Оук-Порта, чтобы...

— Эй, стой! — грубым голосом прервал размышления Геннадия один из конвоиров. Он взял Геннадия за плечи и залепил ему глаза широким пластырем.

После этого он двинулся в полнейшей темноте. Он слышал, как скрипели какие-то двери, ему казалось, что

его ведут по узкому сырому коридорчику, потом был долгий спуск по скользким ступенькам, толчок в спину... Пластырь содрали, и Геннадий увидел выбеленные стены, окно, забранное стальной решеткой, за которым виднелись только море и небо. В кресле сидел, развалился, глыбоподобный господин Латтифудо. Солнце играло в массивных перстнях на его руке, тонкий лучик шел от уха, от золотой серьги.

— Кто ты такой, мальчишка? — спросил Латтифудо с некоторой томоностью и усталостью.

— Ай донт андерстэнд, сэр, — ответил Геннадий. — Ай эм инглишмен, сэр, житель Лондона, турист...

— Вона-а, — вяло удивился Латтифудо, поморщился, словно от головной боли, и снял телефонную трубку. — Але, Фук, пацан-то англичанин, по-нашему ни бельмеса не понимает... Чего? Э? Так? — он бросил трубку и вдруг заорал на Геннадия, наливаясь кровью: — Притворяешься, паразит! На архипелаге сейчас нет ни одного английского туриста!

Орал он по-английски с грубым акцентом.

— Видите ли, сэр, я с того самого несчастного теплота «Ван-Дейка», нас спасли русские...

— Что-о? — Латтифудо даже приподнялся от изумления. — Ты, значит, с «Ван-Дейка»?

— Я путешествовал со своей бабушкой леди Сьюзен Лекокфильд. Бабушка улетела на родину, а я остался. На русском судне, сэр, мой багаж...

— Эге-ге, — проговорил Латтифудо и заглянул мальчику в глаза с веселостью, от которой повеяло какой-то жутью. Потом снял трубку. — Фук, мальчик-то с «Ван-Дейка». Ага. Так. Ну, ясно!

— Грумло! — гаркнул он, и в дверях вырос детина в майке с автографами. — Кончай с этим пацаном.

Грумло поставил автомат на боевой взвод и кивнул Геннадию.

— Пошли.

«Неужели конец?» — подумал Геннадий. Страха не было, он словно одеревенел.

Завонил телефон. Латтифудо вяло снял трубку и вдруг вскопился, выткнулся во фронт.

— Слушаюсь! Так! Так точно, здесь! Грумло, отставь! Так, все понятно.

Он подошел к мальчику, развязал ему руки, посадил в кресло, погладил по голове и ласково прожурчал:

— Хлопот с тобой полно рот, малыш...

После этого, что-то шепнув Грумло, он вышел из комнаты. Теперь все тело казалось Геннадию ватным. Страшная усталость и апатия охватили его.

Грумло поставил автомат на предохранитель, подмигнул Геннадию и глупо заржал.

— Ну, ты меня здорово сбил с катушек, пареный! Как прием называется?

— Пошел к черту, — сказал Геннадий этому человеку, этому получеловеку, который несколько минут назад мог влететь ему пулю в затылок.

Усталость брала свое. Геннадий начал было уже дремать, когда открылась дверь и вежливый голос позвал его:

— Мистер Стрейтфонд, пожалуйста сюда!

Несколько маршей узкой сырой лестницы, все глубже и глубже, два еле освещенных перехода. Открылась кованая дверь, и Геннадий оказался в обширном помещении, освещенном мягким светом неоновых трубок. В помещении стояли мягкие кожаные кресла, стены украшали дубовые панели. Это было бы похоже на салон пассажирского судна, если бы не пульт радиостанции, за которым сидели двое мужчин.

Навстречу Геннадию шел с протянутой рукой любезно улыбающийся мистер Кингли Брейнвейн Мамис.

— Ах, дорогой мистер Стрейтфонд, какая получилась чепуха, какое недоразумение, — сказал он. — Ну, просто скандал...

— Я сам ничего не понимаю, сэр, — сказал Геннадий.

— Эта дурацкая охрана, мистер Стрейтфонд, — прожурчал Мамис. — Вы должны нас извинить. Нравы этой страны, понимаете ли...

— Да-да, — кивнул Геннадий.

— Но зачем вам понадобилось бежать, мой друг? Объясните бы все и...

— Я ничего не понимал, сэр, — пробормотал Геннадий. — Я не понимаю этого языка. Я не знал, в чьих я руках, сэр.

Вошел запыхавшийся Латтифудо и доложил Мамису. — Все в точку. На «Ван-Дейке» была зарегистрирована леди Сюзен Леконсфильд с внуком.

— Хорошо, — кивнул Мамис, пылливо глядясь в лицо Геннадия, видимо, пытаясь разгадать, понимает ли он по-эмпирейски.

Усилиями воли Геннадий удалось сохранить безучастное выражение лица, хотя он был поражен — леди Леконсфильд была зарегистрирована на «Ван-Дейке» с внуком?! В следующий момент Геннадий догадался — старая чудачка называла своим внуком мопса Вивальда, его она и внесла в списки пассажиров. Какая удача!

— Мне показалось, сэр, что джентльмен назвал имя моей бабушки, — вежливо обратилась он к Мамису.

— Наведите справки, мистер Стрейтфонд, — Кингли Б. Мамис лучезарно улыбнулся. —

Ваша бабушка благополучно прибыла в Лондон. Вы можете сейчас поговорить с ней по телефону.

— Как? Прямо отсюда? — удивился Геннадий.

— Да, наши радисты мигом соединят вас с вашей лондонской бабушкой. Не забыли телефончик, мистер Стрейтфонд?

Геннадий понял, что его подвергают последней проверке. К счастью, он помнил номер леди Леконсфильд, но старуха, сама того не зная, могла его запросто выдать.

— Благодарю вас, сэр, но в этом нет нужды, — небрежно махнул он рукой. Ничего, мол, с бабушкой не случится.

— В этом есть нужда, мистер Стрейтфонд, — сказал Мамис, глубоко заглянув в глаза мальчику, словно пытаясь по-змеиному проползти в его сущность. — Это просто необходимо, юный мистер Стрейтфонд.

Да, в чем нельзя отказать моему герою — это в присутствии волевых качеств.

— Ну, если вы настаиваете... — улыбнулся он. — Наш телефон Виктория 3-27-38.

Прошло несколько минут, прежде чем один из радистов протянул Геннадию трубку. В трубке очень отчетливо слышался дребезжащий голосок:

— Сюзен Леконсфильд у телефона...

— Бабушка! — закричал Геннадий. — Это говорит твой внук Джим. Твой... «хрустальный дельфинчик». Не волнуйся, я звоню тебе с Эмпирейских островов... Как себя чувствуешь, милая бабушка?

Последовала пауза, потом в трубке послышались хлопющие звуки, перерастающие в рыдание, сквозь которые едва можно было разобрать отдельные слова:

— Джинни, мой мальчик!.. Внучек!.. Да, твой бабушка слушает тебя... рыдаю с Винстоном... дитя мое... хрустальный мой дельфинчик!..

Геннадий зорил изо всех сил:

— Бабушка, не волнуйся за меня! Я попал здесь в какую-то странную историю...

Расчет его оправдался. Мамис после этих слов немедленно прервал разговор.

— Связь оборвалась, мистер Стрейтфонд, — развел он руками. — Немудрено, такое огромное расстояние...

— Большое вам спасибо, сэр, — прочувствованно сказал Геннадий. — Честно говоря, я очень волновался за бабушку. Честно говоря, сэр, ведь я в последний момент выскочил из дирижабля...

— То есть попросту... — Мамис изобразил пальцами бегущего человека. Видно было, что он полностью поверил в «легенду» Геннадия.

— Попросту драпанул, сэр, — весело расхохотался мальчик. — Знаете, я был потрясен вашим архипелагом, мне захотелось подольше побить здесь... Эти Бастионы Оук-Порта, Карбункул, сам похожий на крепость... легенды о бесстрашных пиратах...

— Увлекаешься пиратами, малыш? — снисходительно усмехнулся Мамис.

— Есть немного, сэр. С детства мой кумир — великий адмирал Рокер Буги.

— Вот что, — Мамис загадочно улыбнулся. В голубых глазах его мелькнул огонек. — В Оук-Порте его не очень-то любят...

— Правда? — наивно удивился Геннадий.

Завонил телефон. Мамис снял трубку.

— Да. Все сошлось. По-моему, наивный дурачок. Есть, Фук, не волнуйся. Пока.

Он повесил трубку и хлопнул Геннадия по плечу.

— А ты, оказывается, ловкий паренек, Джинни-бой! Уже успел познакомиться с Доллиси Мадам Наказоу-Бранчковская разосит сейчас из-за тебя наше начальство. Требуется, чтобы тебя немедленно доставили на ее виллу. Поехали.

В шесть часов вечера отдохнувший элегантный юный дэнди Джим Стрейтфонд явился в сопровождении слуги

к ужину на открытую веранду виллы Накамура-Бранчковской.

Веранда висела прямо над морем на стометровой высоте. В центре ее был сервирован стол на четыре персоны. Вокруг стола хлопотали три подтянутых официанта в белых куртках с золотыми пуговицами. Особый столик в углу веранды сверкал хрусталем, серебром, кубиками льда. На роскошном ложе из зелени распластался гигантский омар.

Официанты молча вытянулись перед Геннадием, а Геннадий вздрогнул, вновь увидев перед собой Наташу Вертопрахову. Ну до чего же была на нее похожа Доллис Накамура-Бранчковская!

Девочка, сменившая свой любимый наряд — белые шорты и гавайскую рубашку — на строгое платье, подбежала к нему.

— Привет, Джин! Проклятые кроты! Чего они хотели от тебя?

— Послушай, Доллис, — тихо сказал Геннадий. — Ты никому не говорила, что я понимаю по-эмпирейски?

— Нет, а что?

— Просту тебя никому об этом не говорить...

Глаза Доллис сузились, она зашептала:

— Какая-то тайна, Джин, да? Расскажи мне, не бойся...

— Я все тебе расскажу позднее, — сказал Геннадий. — Сейчас важно хранить молчание.

К веранде приближалась мадам Накамура-Бранчковская под руку с высоким мужчиной, в котором Геннадий узнал свирепого сенатора Бастардо Мизераблес да Порк-и-Гусано. Теперь он был сама благовоспитанность и любезность.

— Терпеть не могу этого типа, — сказала Доллис, ммуро глядя на приближающегося председателя совета Копальщиков острова Карбункул, кавалера ордена Счастливой Лопаты и полковника. — Худший из всех кротов. Ишь ты, повадился к нам.

Мадам одарила мальчика ослепительной улыбкой и протянула руку. Мгновенье поколебавшись, Геннадий поцеловал изящную конечность.

— Мы очень рады видеть вас гостем, Джин, — сказала мадам. — Ваш покойный дед и его фирма зубных протезов известна всему деловому миру.

Ужин прошел в остроумной светской беседе, легко и приятно, если не считать странного хрюста, с которым полковник разгрызал клешни омара, да злых шуточек Доллис. Мадам Накамура-Бранчковская была очень предупредительна к своему гостю из Лондона.

— Ах, Лондон, Лондон, — проговорила она, когда они с Геннадием отошли к барьеру веранды. — Помните, как сказал поэт... «Все города похожи, как два пенса, но не похож на них, как шиллинг, Лондон...»

За столом Бастардо Мизераблес, сильно чавкая, добирал все, что осталось, пил огромное количество вина, рывал в ответ на колкости Доллис, а Геннадий с хозяйкой дома стояли над морем — она пила коктейль «дайкири», он — анаанасный сок.

— Вы погостите у нас, Джин?

— Боюсь, мадам, что мне нужно возвращаться домой. Бабушка сегодня так плакала в телефон...

— Печально, — вздохнула хозяйка. — Мне кажется, что наши отношения могли бы перерasti в настоящую дружбу...

Она смотрела на него с мягкой доброй улыбкой. «Какая приятная женщина, — подумал мальчик. — Приятная женщина, несмотря на то, что капиталистка. Смотрит на меня как мама Элла».

— Мадам, — сказал он взволнованно, — вы спасли меня сегодня от смерти.

— О, Джин, не надо преувеличивать, — улыбнулась она.

— Я не преувеличиваю, мадам. Мне кажется, что я был в руках какой-то страшной банды. Когда толстак узнал, что я с «Ван-Дейка», он приказал меня застрелить. Я уверен, что только ваше вмешательство спасло меня. Мне кажется, что те люди связаны с пиратами, напавшими на «Ван-Дейк».

— Пираты! — усмехнулась мадам. — В вашем возрасте, Джин, еще можно видеть пиратов...

— Но «Ван-Дейк» потоплен, мадам!

— Возмутительный бандитизм! — воскликнула мадам. — Уверена, что великие державы не оставят этого без внимания! — она прикоснулась к плечу Геннадия. — Что касается местных солдафонов, то вы ошиблись. У вас очень напряжены нервы, мой мальчик. Хорошо бы вам отдохнуть у нас несколько дней. Самолет моей фирмы скоро летит в Зурбаган, откуда вы сможете отправиться прямо в Лондон. В Европе снова входят в моду перья райских птиц, и мы получили заказ.

— Еще раз большое спасибо, мадам, но мне нужно утром быть в Оук-Порте. На русском судне мои вещи и... бабушка волнуется, мадам.

— Хорошо, завтра поедем вместе на мой яхте. Возьмем Доллис с собой, она покажет вам город. Наш дом в Оук-Порте, мы эмпирейцы, Джин. Здесь мы только спасаемся от жары...

Он глянул вниз и остолбенел от ужаса. По проливу, оставляя за собой светлый след, двигался «Алеша Попович». Они уходили из Оук-Порта! Куда? Почему? Они уходат без него!

«Алеша Попович» проходил прямо под ними. Палубы были пусты. Медленно вращалась антенна лоатора. Геннадий показалось, что он видит в стекле ходовой рубки каменное лицо капитана Рикшетишкова. Как он мог бросить его?

За его спиной гулко захохотал Бастардо Мизераблес.

— Гляди! — заорал он мадам Накамура-Бранчковской. — Сматываются коммунисты! Наша взяла!

Мадам обожгла его резким и неожиданным, как удар хлыста, взглядом.

— До сих пор не научились вести себя в обществе, полковник!

Она повернулась к Геннадию и, пораженная его взглядом, воскликнула:

— Что с вами, мой мальчик?

— Там! — в ужасе закричал Геннадий, показывая на удаляющийся «Алеша Попович», — там осталась моя коллекция марок!

Да, в чем нельзя отказать моему герою — так это в присутствии духа и находчивости!

ДЕДУШКА-ПАМЯТНИК

ПОВЕСТЬ

Василий Аксенов
Рисунки М. Беломлиниского

КОТОРАЯ НА СВОЕМ
УБЕДИТЕЛЬНОМ ПРИМЕРЕ
ПОКАЗЫВАЕТ,

ЧТО ГОЛОСА ЛОГИКИ И РАЗУМА
ПОРОЙ МОГУТ ПОТОНУТЬ
В НЕИСТОВОМ ШУМЕ
СБИТОЙ С ТОЛКУ ТОЛПЫ

Что же произошло? Почему «Алеша Попович» неожиданно покинул гавань Оук-Порта? Можно ли представить себе, чтобы советские моряки бросили в беде товарища?

Продолжение. См. «Костер» № 7—8, 1970 г

Николай Рикшетников, обойдя все помещения сената в поисках Геннадия, выбежал на площадь и оказался в центре событий, развязанных мрачными хулиганами с Карбункула.

Площадь кишела людьми. Местами возникали стычки, переходящие в кулачный бой. Десятки ораторов, взобравшись на фонарные столбы, что-то кричали в толпу. Ревели моторы мотоциклов. Группа мужественных горожан, взявшись за руки, защищала свою святыню — памятник Серго Филимонычу Страттофуду.

Рикшетников помчался на судно, миглом собрал совещание. Половина экипажа была направлена в город на поиски пропавшего мальчика. Всем морякам было строго запрещено высказываться о мальчике у местных жителей и тем более называть его имя. Рикшетников боялся, и не без основания, что провокаторы могут узнать о пребывании в городе потомка благородного русского адмирала и устроить на него настоящую охоту.

Поиски Геннадия продолжались несколько часов и не дали никаких результатов. Потрясенный Рикшетников решил тогда на крайний шаг — он снова отправился в сенат.

В сенате уже все спали. Семижилный «резиночки», похрапывая, таял свое:

— В свете изложенного, опираясь на параграф 90 пункта «д» отдела 18 можно категорически заявить, что производство пуговиц на территории республики может быть разрешено только лицам, доказавшим свою способность к оному...

Рикшетников разбудил того сенатора, который дал резкую отповедь проiskам полковника Бастардо Мизераблс да Порк-и-Гусано. Толстяк в футбольной майке под номером 3 повел его в свой кабинет для конфиденциальных переговоров.

Имя сенатора было Нафнути Куче. Рикшетников рассказал ему все. Нафнути Куче выслушал его с крайним вниманием.

— Видите ли, капитан, — сказал он, — в других условиях приезд потомка адмирала Серго Филимонычу Страттофуду мог бы превратиться в национальный праздник. Сейчас, увы, мы не можем предугадать развитие событий. Эмпирицы слишком доверчивы и простодушны. Это дети, сэр. Я обещаю вам, что я и мои люди — скажу по секрету, их не мало — предпримут все усилия для поиска мальчика. Я не исключаю возможности того, что он попал в лапы негодиев, но... — Нафнути Куче стал перед Рикшетниковым на одно колено и торжественно провозгласил: — Клянусь созвездием Кассиопеи, катамараном старого Йона, цепями египетских рабов, ржавыми мечами викингов и аркебузами португальцев, клянусь бархатным камзолом нашего первого президента и нашим священным «булоногом» — Джинадо Эдуардо Страттофуду будет спасен! Аминь!

Капитан Рикшетников сразу понял, что этому человеку можно доверять. В глазах его он увидел намек на незаурядный ум.

— Согласитесь, Нафнути, мы, мирные ученые и моряки, оказались в весьма даусмысленном положении...

— Мистер Рикшетников, я не коммунист, — сказал Нафнути Куче. — Я всего лишь левый либерал, филуменист и правый защитник, но я вам скажу: мне кажется, что все беспорядки на архипелаге направляет какая-то мощная рука.

О дальнейшем развитии событий можно догадаться по заголовкам и высказываниям местных газет.

„ЕЖЕДНЕВНЫЙ ФОНТАН“ (Оук-Порт)

НТО МЕШАЕТ НАШИМ ПАРНЯМ НАКАЛИВАТЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ?

„СЫТНАЯ ПИЩА БЕЗ ОБМАНА“
(г. Стамак, о. Карбункул):

ФУТБОЛ — ПУТЬ К НИЩЕТЕ И ПОЗОРУ!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ „ЛЕСТНИЦА“
(специальный выпуск):

Сегодня мы помещаем стихи нескольких наших известных граждан:

Токтомуран Джечкин

Прекрасен миг — в ужасном гвалте
Ваш президент берет пенальти!
Быть может, кто-то скажет — поза?!
Нет! Это ловкость виртуоза!

Нафнуты Куче

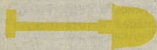
Легонер-эмпиреец, по знаку судьбы выходи
На зеленое поле, как прежде простой
и веселый
Кожаный мяч, управляемый ловкой ногою,
Дружбы традиции пусть возродит с моряками
бержавы далекой!

Накамура-Бранчовска

Был парк пронизан лунным светом,
Благоухал розарий мой...
Ко мне явился за ответом
Король души моей больной...

Кафра Латтифудо

Честный гражданин, конечно,
Будет русских презирать
И по-прежнему, конечно,
Всё карбункулы копать!

„СЧАСТЛИВАЯ ЛОПАТА“
(г. Стаман)

Куча жалких слизняков, вдохновляемая отпеты-
ми мерзавцами и свиньями, под прикрытием лживо-
го и коварного булюножного братства с русскими
пиратами стремится разбить нашу родину и сделать
ее добычей иностранцев. К черту Европу, Америку,
Австралию, Антарктиду, Африку и Луну!

„ЗЕРКАЛО“ (Оук-Порт):
Хотелось бы призвать коллег
из „Счастливой лопаты“ к более
джентльменским способам
полемики...

„УТРЕННИЙ РАЗГОВОР“
(Оук-Порт):

Гостеприимность, одна из
главных черт нации,
поставлена под сомнение

„ВЫСТРЕЛ“
(г. Стаман):

Полночики Бастардо Мизераблес
да Порк-и-Гусано заявляют:
„ЧЕЛЮСТИ НАЦИИ, ЗА РАБОТУ!“

Вечером того дня, когда был похищен Геннадий, уличные споры и стычки усилились. «Кроты», обычно не показывавшие носа в Оук-Порт, теперь заполнили улицы, бары, кафе. На причале возле «Алешки Поповича» волновалась большая толпа.

— Надо прощупать русских! — кричали «кроты».

Поговаривали, что каждый из них получил за свои хулиганские выходы по двадцать клуксов и по бутылке «Горного дубняка».

Ночью страсти не утихли, а напротив — разгорелись. Воя, носились по узким улочкам мотоциклы «кротов» со снятыми глушителями. На стенах крепости, отражаясь в черной воде, колыхались факелы. Никто из приглашенных не явился на грандиозно задуманный вечер «Вальс незнакомых цветов». Мадам Накамура-Бранчковская в одиночестве скользя по парку, тревожно вглядываясь в темноту парка, принюхиваясь к розам и орхидеям.

Утром горожане стали находить в почтовых ящиках, на ступенях лестниц, на столиках кафе желтые листочки. Неизвестные провокаторы за ночь распространили «Обращение капитана Рикшетникова к народу республики Большие Эмпирии и Карбункула».

«Вы, несчастные лежебоки, — гласило обращение, — набрались наглости вызвать нас на соревнование по футболу. На что же вы рассчитываете со своей черепашной медлительностью и ослиной тупостью? С презрением мы отвергаем ваш вызов, кроты и крабы! Капитан Рикшетников».

Оскорбленные горожане направились в порт. Напрасно Нафнути Куче, Рикко Силла, Токтомуран Джечкин и другие прогрессивные деятели пытались убедить их, что «обращение» — фальшивка. Простодушные, как дети, впервые столкнувшиеся с такой грязной игрой, они верили всему. Почти каждый горожанин тащил с собой футбольный мяч.

В порту горожане устроили перед советским кораблем неслыханное футбольное представление. Сотни мячей летали в воздухе. Все, от мала до велика, включая женщин, демонстрировали усомнившимся русским свое умение играть в футбол, технику обработки мяча, финты, обводку, пасы...

Рикшетников несколько раз пытался со спардека обратиться к народу, но его всякий раз встречали свистом. Как? Мы — медлительные черепахи, тупые ослы? Мы не умеем играть в футбол? А вот — смотрите-ка!

Моряки и ученые мрачно зарили на футбольную вакханалию, охватившую город. Первый помощник Хрячков проводил среди экипажа разъярительную работу. Видавший виды Шлиер-Довейко почесывал в затылке. Капитан Рикшетников не выпускал изо рта трубку.

Надо ли говорить о том, как волновался капитан за судьбу своего юного друга? Конечно, можно заявить официальный протест, начать розыски через газеты, но не будет ли это стоить жизни его другу? Бандиты с Карбункула не дремлют, а эмпирейцы... Эх, эмпирейцы!...

С горечью смотрел капитан на так легко обманутых горожан.

Час уходил за часом, а Геннадий все не появлялся. Между тем футбольные страсти стали затихать. Утомленные гражданами кучками рассаживались на набережной и приступали к обеду. Собственно говоря, зла к капитану Рикшетникову они не испытывали. Показали, на что способны, и ладно. Они были неспособны долго злиться, эти чудачки-эмпирейцы.

Вдруг с крепостных стен послышались крики. Около дюжины «кротов» развораживали на площадке башни «Толстая Эльза» чугунное корабельное орудие, снятое еще в XVIII веке с поверженного «Белого Лебеда». Жерло дурацкого пушки поворачивалось в сторону «Алешки Поповича».

— Русские! Отдавайте швартов!

В толпе на набережной начался ропот.

— Эй, кроты, вы это уже слишком!

— Оставьте в покое нашу пушку!

«Кроты» не шутили. Один из них вкатил в орудие ядро, второй взялся за фитиль. Наступила тишина, в которой слышался только хохот Володи Телескопова.

— Ой, умру! Ой, сейчас лопну!

Не понимал Владимир серьезности момента.

И вдруг на башне появилась гигантская обнаженная фигура Рикко Силла. Растолкав «кротов», великий леопер снял пушку с лафета и поднял ее себе на плечи. «Кроты», взвывая от обиды, бросились на кумира нации. Рикко Силла с пушкой на плечах прыгнул с башни в воды бухты.

Что тут началось! «Кроты» стали прыгать за ним. Эмпирейцы целыми семьями тоже ринулись в воду. Рикко Силла, отдуваясь, плыл к берегу, спасая историческую ценность и собственную жизнь.

Вокруг в прозрачных водах кипела борьба. Гвалт стоял невообразимый. Кое-где в узких улочках затрещали автоматные очереди. И тогда на борт «Алешки Поповича» взбежал сенатор Нафнути Куче.

— Капитан, вы видите, что устроили эти негодяи? Выхода нет — вам нужно на два-три дня покинуть порт. Капитан, нам кажется, что на архипелаге действует мафия или что-то в этом роде. Патриоты наheckу, капитан. Следы мальчика, как я и предполагал, ведут на Карбункул. Сегодня ночью мы высадимся на острове.

Вот при каких обстоятельствах капитану Рикшетникову пришлось выйти из гавани Оук-Порта.

В КОТОРОЙ ВПЕРВЫЕ КАК СРЕДСТВО СВЯЗИ ПОЯВЛЯЕТСЯ УЛЬТРАЗВУК И СЛЫШАТСЯ ЗВУКИ НОЧНОГО ОУК-ПОРТА

Часовой с оуко-западной сторожевой вышки острова Карбункул, осмотрев пролив и не заметив ничего подозрительного, опустил бинокль.

Широкая лунная дорога пересекла пролив. Маленькие волны беспорядочно плясали в лунной полосе, и в этом

мелькании тени и света даже самый зоркий взгляд не заметил бы крохотной черной точки — головы одинокого пловца.

Геннадий Стратофонов, мерно дыша, плыл вольным стилем в сторону Оук-Порта. Движения его были точно рассчитаны на большой заплыв, а в голове царила сумятица: он все еще не мог прийти в себя от всего того, что ему довелось увидеть и услышать немногим более часа назад.

Около девяти часов вечера мадам и полковник куда-то исчезли. Дописав потащил Геннадия в спортзал играть в пинг-понг. Мальчик нервничал, играл плохо. Сославшись на усталость, он ушел в отведенную для него комнату.

Стеклянная дверь комнаты выходила на длинную крытую галерею. По галерее этой взад и вперед прогуливался дождливый слуга. В тишине мерно постукивали кованные каблук. Всякий раз, проходя мимо двери, слуга как бы ненадолго заглядывал в комнату. Сомнений не было — это часовой, и он приставлен к нему, к Геннадию.

Около часа мальчик лежал в темноте, притворяясь спящим, глядя на висющую на стене фехтовальную маску и скрепленные рапиры. Надо было действовать, надо узнать, что произошло в Оук-Порте.

Дождавшись, когда шаги соглядателя удалились в конце галереи, Геннадий вскочил с кровати, сорвал со стены маску, положил ее на подушку и прикрыл простыней. Под одеяло он засунул два фехтовальных жилета, придал им форму человеческого тела и нырнул под кровать. Слуга возвращался. Он заглянул в комнату и спокойно пошел дальше.

Геннадий выскользнул за дверь.

Пробежав по мягкому ковру через весь коридор, он вошел в темную комнату, открыл окно. Во внутреннем дворе виллы было пустынно. Только под аркой двое парней играли в кости.

Тяжелые ветки ливанского кедра были совсем рядом. Геннадий из окна перелез на кедр... и в этот момент услышал нарастающий шум моторов. Парни под аркой вскочили, один из них отворил ворота, и через минуту во внутренний двор ворвались на полной скорости две машины: низкий двухместный «феррари» и затянутый брезентом джип.

Из «феррари» вылез полковник Мизераблес, а с места водителя высочила Накамура-Бранчовска. Она была в кожаной куртке и кожаных ботинках и напоминала в этот момент какое-то сильное животное с пружинистой легкой поступью. Не оглядываясь, она вошла в дом. Полковник, поспыставая, двинулся вслед за ней. Он слегка спотыкался. Из джипа вывалились Латтифудо, Мамис и какой-то неизвестный Геннадию тип в широкополой шляпе.

Прошла минута, не больше, и осветилось окно перед его носом. Он увидел богато обставленный кабинет, огромный письменный стол с телефонами и селекторами, круглый стол для заседаний, кожаные кресла, карты на стенах и большую модель парусного брига с медными буквами на корме: «Голубка».

«Так, кажется, назывался флагманский корабль мадам де Криссон», — вспомнил Гена.

Над всем в кабинете доминировал огромный портрет баронессы. Она была очень похожа на Накамура-Бранчовскую, в левой руке держала подзорную трубу, в правой — четки.

Накамура-Бранчовска нервно ходила взад-вперед по кабинету, сжимая в руках длинные кожаные перчатки. Лицо ее было неузнаваемым — напряженное, мрачное, решительное.

Бастардо Мизераблес развалился в кресле и сразу наполнил стакан джином «Палата лордов». Меланхолически прошлепал и бухнулся в кресло грузный Латтифудо. Голубоглазый утконосный мистер Кингсли Б. Мамис со своей неизменной блуждающей улыбкой проследовал в угол и скрылся из поля зрения Геннадия. Четвертый, странный тип с тяжелой челюстью и раскосыми

глазами, сел к столу, открыл папку и погрузился в какие-то бумаги. Воцарилось молчание, слышны были только шаги Накамура-Бранчовской.

Внезапно мадам резко повернулась и своими длинными перчатками, словно плеткой, огрела по физиономии сначала кавалера ордена «Счастливой Лопаты», а потом Латтифудо.

«Так их, мадам!» — чуть не воскликнул Геннадий. Надежно скрытый хвост кедра, он притиснулся возле полуоткрытого окна, готовясь в любую минуту прыгнуть на помощь своей любезной хозяйке.

— Это за что же, дорогая? — спросил полковник, притирая обоюбенную ударом щеку.

— За идею с пушкой! — криво улыбаясь, проговорила дама. — А тебе, Латтифудо, ничтожество, проспиртованное чучело, за общую тупость, за всю твою бездарную возню с этим маленьким англичанином аристократом! Мальчик сразу догадался, что ты связан с делом «Ван-Дейка». Вот что значит голубая кровь! Мне едва удалось его разубедить. Сотню плетей ты заслуживаешь, кретин.

Латтифудо беспомощно моргал белесыми ресницами. — Впрочем, тебе уже ничего не поможет, — махнула на него рукой мадам. Она повернулась, и Геннадий увидел дрожащие от ярости пунцовые губы и горящие глаза.

— Видите, Мамис, с кем приходится работать! — крикнула она в угол. Оттуда послышался смехок.

ных домов. Двери амбаров и магазинов были закрыты. Геннадий быстрым, но спокойным шагом пересек площадь, скрылся в тени длинной колоннады. Здесь он снял рубашку и выжал ее. Он взялся было уже и за штаны, когда услышал звон гитары и молодые голоса. На площадь из таинственного мрака боковой улочки вышли три парня и две девушки. Красивые, ладные фигуры, ленивая походка — типичные эмпирейцы, беспечные, как птицы.

Под сосной Монтезумы
Танцевали две пумы...

— Эй, прекратить пень! — послышался грубый голос, и на площадь вышли четверо квадратных парнюг с карабинами.

— С каких это пор в Оук-Порте нельзя петь? — крикнул гитарист.

— Марш по домам! — рявкнули квадраты.

— Катитесь, кроты, в свои ямы! — захохотали эмпирейцы.

Геннадий пробежал под колоннадой и нырнул в узкую улочку, из которой только что вышли «кроты». Некоторое время он еще слышал шум перебранки, потом все затихло.

Больше часу Геннадий наугад петлял по извилистым улочкам, поднимался по мраморным лестницам, прятался за скульптурами. Иногда он видел костры, возле которых сутулились мрачные типы, замечал на стенах желтые листочки со зловещими угрозами.

И, несмотря на тревожное, опасное положение, Геннадий с его отзывчивой и впечатлительной натурой не мог не поддаваться очарованию ночного Оук-Порта. Таинственная игра теней на мраморных плитах и барельефах, на витражах и мозаиках, тихая разноголосица листьев, все звуки ночи, то глухие, то неожиданно звонкие, надолго, может быть, на всю жизнь, ленили мальчика.

На одном из старых домов, возле подъезда со скрипящей на слабых петлях дверью, Геннадий вдруг увидел мемориальную доску с полустертым золотым тиснением: «В этом доме часто останавливались русский писатель Александр Грин (по пути из Зурбагана в Гель-Гью), английский писатель Джонатан Свифт (из Лилипутии в Лапуту), французский писатель Жюль Верн (из пушки на Луну)».

Едва он успел прочесть эту поразившую его надпись, как дверь резко распахнулась и на пороге дома появилась высокий худой незнакомец в старомодной криватке песочного цвета и в широкополой шляпе.

— Вы ищете друзей? — спросил незнакомец Геннадия, мягко — глазами — улыбаясь.

Мальчик молча кивнул.

— Пойдемте со мной, — сказал незнакомец и дви-

нулся вдоль витой чугунной решетки, за которой тренькал фонтантик.

Шаги незнакомца были легки, трость мерно постукивала по мостовой. У него был вид спокойного, чуть грустного, но и не лишено юмора человека, который никогда никуда не спешит, но никуда никогда не опаздывает. Легкий бриз шевелил его длинные седые волосы. За ухом незнакомца Геннадий заметил очиненное гусиное перо.

Возле круглой афишной тумбы он остановился.

— Поворачивайте за угол. Сюда, — он показал палькой. — Пройдете спокойно и не таясь три дома, увидите освещенное окно на третьем этаже. Можно подняться по лестнице, но вы, конечно, предпочтете водосточную трубу.

— А вы! — тихо спросил Геннадий. Ему почему-то не очень хотелось расставаться с этим любезным незнакомцем.

— К сожалению, дружище, у меня свои дела, — улыбнулся тот, приподнял шляпу и пошел по крутой улочке вниз, к морю, в прозрачную, словно пронизанную серебряной сетью, темноту. Геннадий смотрел ему вслед, пока тот не исчез.

Он повернул за угол в улочку, косо разделенную луной на темную и светлую части. Чувства полное доверие к незнакомцу, он пошел, не таясь, по освещенной стороне, взобрался на балкон по водосточной трубе и увидел перед собой обширную, ярко освещенную комнату, заполненную атлетически сложенными мужчинами.

ГЛАВА X

В КОТОРОЙ НА ЗЕМЛЕ
И В ВОЗДУХЕ
РЕВУТ МОТОРЫ
СИСТЕМЫ «РОЛЛС-РОЙС»,
ЗВУЧАТ ДИФИРАМБЫ
И КЛЯТВЫ В ВЕРНОСТИ

Гигантский «боинг-747» компании «Пан-Ам», миновав воздушные пространства Южной Америки, Океании, Юго-Восточной Азии, Индии и Ближнего Востока, летел теперь над Европой.

Командир экипажа Бенджамин Ф. Аллигейтер брils и смотрел вниз на проплывающие малые страны, на мо-

лочные реки и кисельные берега густонаселенного континента. Б. Ф. Аллигейтеру не особенно нравилось это дрожжащее желе неопределенного цвета, именуемое Европой.

Он больше любил красноватое свечение Сахары, темно-зеленый с коричневыми прожилками колер Индии, чередование белых и темных пятен разной глубины и резкости в Гималаях и Кордильерах. Больше же всего мистери Аллигейтеру был по душе простой, без всяких хитростей, синий цвет стратосферы, под которой он воли свое судо.

Вошла стюардесса гаваянка Омара.

— Как там дела, Омара? — спросил командир, хотя и так знал, что все в порядке, что пассажиры первого класса, надрывая животники, смотрят фильм «Живешь только дважды», а пассажиры второго класса скорее всего дрыхнут.

— Вас хочет видеть какой-то господин, — сказала Омара. — Он назвался Румпельштильхеном.

— Пусть войдет, — сказал командир, ничем не выдав своего удивления. Что занесло сюда старого Румпелья? Не будет он по пустякам совершать межконтинентальные рейсы.

Вошел пожилой полноватый господинчик, инспектор могущественного Интерпола, междунарочной уголовной полиции.

Аллигейтер и Румпельштильхен встречались не чаще одного раза в год, а знали друг друга давно: ведь бравый летчик вот уже много лет считался одной из самых опытных ишек Интерпола.

— Привет, Бен.

— Привет, Румпель.

— Старешь, Бен. Не заметил меня.

— Где ты сол?

— В Бангкоке, но наши ребята провожают тебя еще с Монтевидео. Руководство опасалось за твою колымагу, Бен.

— Даже так?

— Ты слышал о нападении на теплоход «Ван-Дейк»? Здесь в самолете типы из той же компании.

— Героиш?

— И золотю.

— Через час тридцать пять минут будет Лондон, — сказал Аллигейтер.

— Слава богу, — вздохнул Румпельштильхен. — Надеясь, теперь они уже не поднимут бучи. У наших судороги начинаются от напряжения. Слушай, Бен, пройди-ка не спеша по своей колымаге. Может быть, что-нибудь заметишь.

— Сейчас, доброе...

Пока электробритва очищала правую щеку капитана, миновала Австрию. Аллигейтер подтянул галстук, нацепил профессионально-приветливую улыбку и вошел в салон.

Так и есть. В первом классе пассажиры кисли от смеха. На экране Шон Конноры молотили бронзовую статуэтку по голове гиганта-борца «смо». Кто из этих вылощенных богатеов может оказаться гангстером? Да любой.

Командир прошел в салон второго класса. Больше сотни людей самых разных наций томилась в креслах. Все уже устало от столь долгого полета. Спортсмены, туристы, монахи, бизнесмены средней руки, компания «хиппи»... Вот, пожалуй, один подозрительный тип — узкоглазый, с тяжелой челюстью... Что-то почти неуловимое в облике сблизжает его с теми холоднокровными гадами, с которыми жизнь не раз сталкивала Б. Ф. Аллигейтера. Но рядом с ним сидит какой-то славный мальчишка, лобастый зногласный крепыш, и они мирно беседуют. Вряд ли этот паренек из мафии...

Командир пошел через весь салон и остановился в багажном отделении. Туда же скользя старший стюард Карриген, похожий на дрессированного павиана.

— Кажется, все в порядке, чиф! — сказал он, широко улыбаясь.

Командир заглянул в рыжие глаза своего старшего стюарда. Вот самая темная личность на борту. Кто он — агент Интерпола, гангстер, человек ЦРУ, контрабандист? Черт бы побрал этот шпионский, шпионский, шпионский мир! То ли дело простой голубой цвет стратосферы.

— Все в порядке, Карриген, — буркнул командир. Между тем «лобастый зногласный крепыш» (читатель, конечно, уже догадался, кто это) обратился к своему спутнику:

— Я, пожалуй, сосну часок перед прилетом, мистер Чанг.

— Не возражаю, Джин, — ответил спутник и вдруг подмигнул обоими глазами, перевернул неподвижную маску своего лица. — А сколько миллиончиков в сумке у твоей бабки, Джинни-бой?

Эта странная судорожная ухмылка и шутка, которую Джерри Чанг повторил, по меньшей мере, раз пятьдесят за многочасовой полет, вконец опротивели Геннадью. Однако он вежливо в пятидесятый раз ответил:

— Я не посвящен в финансовые дела своей бабушки, мистер Чанг.

Он закрыл глаза и вновь, в который раз, перед ним закружились события последних суток, лунные пятна и солнечный блеск Больших Эмпиреев.

... За балконную дверь он увидел толстого сенатора, президента, Рикко Силлу и других атлетов. Массиру мыщцы и хохоча, они куда-то собирались, осматривали свое оружие — абсордажные сабли, кремневые пистолеты, пики. Мальчик распахнул дверь. Легоперы устались на него.

— Да ведь это же он! — воскликнул сенатор Куче. — Потомок нашего памятника!

... Легоперы, не проронив ни слова, выслушали расказ мальчишка.

— Теперь они набирают какую-то команду в Европе. Это будет делать некий Эр Би... — сказал Гена.

— Уж не тот ли это тип, который в здешних кабаках выдавал себя за потомка Рокера Буги? Его немало били у нас... — проговорил сенатор.

— Я лично его бил, — сказал Рикко Силла.

— Вы понимаете, друзья, как важно было бы проникнуть в эту команду! — сказал Геннадий. — Мы узнали бы планы негодяев и разрушили бы их.

— И сыграли бы, наконец, матч с «Алешей Поповичем», — важно сказал президент.

— Леди и джентльмены, внимание, — послышался нежный голос стюардессы. — Просим прекратить куренье и пристегнуть ремни. Через пятнадцать минут наш самолет произведет посадку в Лондонском аэропорту.

Геннадий заглянул в уже потемневшее окно. Внизу до самого горизонта извивались, пересекаясь, цепочки оранжевых бестеневых фонарей. Самолет кружил вокруг Лондона, дожидаясь очереди на посадку.

... Немыслимо дерзкая мысль лететь в Лондон вместе с Джерри Чангом пришла Геннадью в голову не сразу. Несколько дней он жил на вилле Накамура-Бранчовской, играл в теннис с Доллис, мило беседовал с хозяйкой, а ночью тайно спускался к проливу и условным свистом вызывал верного Чаби. За эти дни он узнал многое, но главное открылось ему только в предпоследний день. Из разговора подвыпивших Мизераблеса и Латтфудо он понял, о каких «парнях из Европы» говорила мадам в ту памятную ночь. Это были не кто иные, как белые наемники, «рыцари» Конго, Йемена, Нигерии, современные ландскнехты, мастера войны, способные за «приличное вознаграждение» стрелять в любую сторону, куда поймают. Именно из этих профессиональных убийц набирал в Лондоне команду неизвестный Эр Би. Попытаться проникнуть в эту команду, узнать их дьявольские планы? Как это сделать? Нужно лететь в Лондон вместе с Джерри Чангом.

— Мадам, — сказал он как-то Накамура-Бранчовской, — к сожалению, я вынужден покинуть ваш дом. Могу ли я позвонить в Лондон, чтобы попросить у бабушки денег на билет?

— О, Джин! — всплеснула руками очаровательная дама. — Как вы можете говорить о деньгах?! Мы с вами люди одного круга, мой мальчик. Нам ли не помогать друг другу! Как раз завтра вылетает в Зурбаган, а оттуда в Лондон служащий моей фирмы мистер Чанг. Вы сможете лететь с ним, я дам соответствующие указания. Ах, Джин, — Накамура-Бранчовска притронулась к его руке и вздохнула, — поверьте, мне нелегко расстаться с вами, но я надеюсь скоро быть в Лондоне, и, может быть, леди Леконсфильд... — голос дамы слегка дрогнул.

— Бабушка будет рада принять вас у себя, — сказал Геннадий. — Она и ее брат...

— Сэр Ламюэль Кроссли-Датчмен? — округлила глаза Накамура-Бранчовска. — Тот самый, внука которого Сюзен в прошлом году поврала с Ирвингом Диблатоу, девятым баронетом...

— Да-да, — небрежно подхватил Геннадий, — с тем самым Ирвингом по кличке Памфи, который приходится кузеном баронессе Шампунь-Собаккиной, той, что в сентябре прошлого года в родовом поместье «Йеллоу-Кэтс-Хаус» брала о помолвке с гонимым графом Хидеркутта, братом и хорошим товарищем известного своим конюшнями виконта Бромураля де Гольденберга, отец которого магараджа Аждарагам этой весной купил остро Силии-Иллис у его матери княжны Патриции Уайт-Гордаде, коринн которой, как вам, конечно, известно, мадам, уходят к славному роду Паддингтон-Сен-Лазар-Савеловских...

— О, да, о, да... — еле слышно прошептала Накамура-Бранчовска. Со священным трепетом смотрела она на юного аристократа. На ее щеках пылал нервический румянец.

Геннадий давно уже заметил, что эта страшная женщина со стальными нервами и холодной кровью совершенно теряла голову перед аристократическими именами и титулами. Ей так хотелось войти в тот круг бездельников и хлыщей, что называется «высшим светом»! Не лишенный воображения мальчик болтал, что в голову придет, о своих «светских» связях, и мадам в такие минуты смотрела на него, как кролик на удава...

«Как проникнуть в логово наемных солдат?» — думал Геннадий, идя по стеклянным коридору Лондонского аэропорта рядом с мистером Чангом, движения которого отличались каким-то особым механическим свойством. Он казался плохо отлаженным роботом.

В последнюю ночь на Больших Эмпиреях сенатор Куче, Рикко Силла и президент Джекинн дали мальчику множество советов, как вести себя. Рикко Силла раздобыл где-то толстенный путеводитель. Геннадий изучил

его от корки до корки, и ему казалось, что он может с закрытыми глазами пройти от Паддингтонского, к примеру, вокзала до Белгрейвсквер, где жила его «бабушка» леди Леконсфильд.

Сейчас он шагал в толпе пассажиров, внешне спокойный, держа под мышкой портфель с эмпирейскими сувенирами.

— Ну, Джин, где твоя золотая бабушка? — проскрипел мистер Чанг, бурная глазами толпу встречающих.

— Меня никто не встречает, мистер Чанг. Я решил не беспокоить бабушку телеграммой.

— Как же ты доберешься?

— Ну... Геннадий искоса взглянул на Чанга, — хотя бы на такси, или... вы меня подвезете, мистер Чанг... Ведь вас встречают?

— Мальчик с вами? — спросил у Чанга полицейский чиновник, сидящий на высоком табурете у турникета, за которым начиналась территория Великобритании.

— Да, мальчик со мной.

Чанг и Геннадий прошли через турникет. Чанг махнул кому-то рукой, осклабился с какой-то подобострастной наглостью. Геннадий повернулся и увидел не кого иного, как полковника Бастардо Мизераблеса де Порк-и-Гусано. Да, это был несомненно он — бананообразный нос, гусеницы бровей, подбородок уютном... но что-то в нем изменилось — исчезла тупая мрачность из глаз, а со щек пропали синие алкобольные паучки. Мизераблес был подтянут, гладок, элегантен, на губах его блуждала улыбка, полная добродушно-коварного юмора, столь свойственного властным натурам.

— Полковник, каким образом вы смогли опередить нас? — воскликнул Геннадий.

— Мистер Стрейтфонд? — усмехнулся встречающий. — Очень рад. Мадам сообщила мне о вас. Должен вас огорчить, мистер Стрейтфонд, перед вами всего лишь брат блестящего полковника, зеркальная копия кавалера ордена Счастливой Лопаты. Я лишь скромный коммерсант, Ричард Буги, к вашим услугам.

— Ричард Буги?! — вскричал с неподдельным изумлением Геннадий. — Уж не потомок ли вы, сэр, знаменитого адмирала Рокера Буги?

В глазах Эр Би (теперь Геннадий понял, кто это такой) появилась заинтересованность.

— Приятно удивлен, мой мальчик, что вы хотя бы слышали это имя. Соотечественники редко ценят своих истинных героев. Слава часто достается дутым фигурам.

— Слышал это имя! — воскликнул с горячностью Геннадий. — Да ведь это мой кумир, сэр! Я преклоняюсь перед памятью адмирала Буги. Но почему ваш брат, сэр, носит другое имя?

Ричард Буги снисходительно усмехнулся.

— Фу! всегда испытывал тягу к пышным титулам и именам...

— Разве может быть имя прекраснее имени Буги! — вскричал Геннадий. Он продолжал разыгрывать восторг.

— Да я бы отдал полжизни за это имя!

Тяжелая рука с перстнем опустилась на плечо мальчика, клавиатура челюстей обнажилась в довольной улыбке, низкий голос прогудел:

— О'кей, мальчик!

Чанг занялся оформлением своего багажа, кованых сундуков с перьями райских птиц и благовониями, а Геннадий и Ричард Буги медленно направились к выходу из здания аэропорта. Геннадий не умолкал ни на минуту. Он видел, что Ричарду Буги чрезвычайно приятно выслушивать дифирамбы в адрес своего предка. Если бы знал потомок кровавого пирата, что рядом с ним идет прапрапраправнук капитана Стратофонтова, пустившего на дно сумасшедшего императора Рокера I!

Они вышли на площадь, заполненную сотнями разномастных автомобилей и автобусов. Огни реклам дрожали на лакированных крышах и стеклах машин. Гудки, крики, обрывки музыки, близкий вой авиадвигателей... Зарев

Лондона освещало половину небосклона. Геннадий стало немного не по себе. Что может сделать здесь он один, в незнакомом огромном городе?

Ричард Буги остановился возле огромного черного «роллс-ройса».

— Вот моя тележка, — сказал он с плохо скрытой гордостью.

— Отличная машина, сэр, — похвалил Геннадий. — Очень похожа на автомобиль моего двоюродного дедушки Лемюэля Кроссли-Датчмена.

— Верно, — подтвердил Буги. — С той лишь разницей, что я вожу ее сам. Мне нравится чувствовать свою власть над этой большой штукой.

— Понимаю, сэр, — кивнул Геннадий. — Что может быть приятнее для настоящего мужчины, чем чувство власти?

Буги захохотал:

— Эге, паренек, я вижу, ты не так прост.

Подождал Чанг и прокрипел:

— С багажом все в порядке, Дик.

После этого он вдруг перешел на карбункуловское наречие эмпирейского языка. Геннадий, делая вид, что осматривает машину, насторожился.

— Слушай, Дик, ты знаешь, сколько миллиончиков в сундуке у бабки этого щенка?

— Думаю, не мало, — буркнул Буги. — А тебе-то какое дело?

— Есть идея, Дик. Давай-ка спрячем мальчишку в твоей берлоге, а бабуле пошлем письмо от двух доброджелей. Можно огрести по сотне тысяч.

Сердце Геннадия заколотилось. Браво, Чанг! Пробраться в берлогу Эр Би — это уже удача! Впрочем, бабушка может проговориться, что он русский... Страшный риск, но без риска...

Ричард Буги печально вздохнул.

— Эх, Джерри Чанг... Как ты был мелкой шпаной из Коулун-сити, так и остался. Ни размаха в тебе, ни воображения...

Он повернулся к Геннадию и приподнял шляпу.

— К сожалению, мистер Стрейтфонд, мы вынуждены сейчас с вами проститься. Вам нужно в центр города по Большому Юго-Западному, Белгрэив-сквер, 12, не так ли? А мы, — он бесцеремонно ткнул Чанга пальцем в живот, — направимся в противоположную сторону по Хиллингдон-роуд. Прошу меня простить, Джин. Здесь масса такси и вы легко...

— Неужели мы больше не увидимся, мистер Буги? Сэр! — воскликнул Геннадий. — Мне хотелось бы еще поговорить с вами о вашем славном предке. Может быть, вы дадите мне телефон или адрес?

— Обязательно увидимся. — Буги протянул руку. — Я позвоню вам сам.

Геннадий ничего не оставалось, как направиться к стоянке такси.

Возле стоянки он оглянулся. Буги и Чанг расправлялись погрузкой в «роллс-ройс» кованых сундуков с перьями.

— Выезжай из ряда, — услышал он за спиной знакомый голос. — Главное, не прозевать, когда они тронутся с места.

Он обернулся и увидел, что из ближайшего такси за Буги и Чангом напряженно следят суженные глаза старшего стюарда самолета «Пан-Ам». Рядом с ним сидел еще какой-то мужчина, но лица его в темноте не было видно.

Огромный желто-красный автобус с надписью на боку «Польский бекон — лучший в мире» медленно въехал в коридорчик между стоянкой такси и машиной Буги. Геннадий мгновенно принял решение. Он юркнул за автобус, подбежал к «роллс-ройсу» и быстро проговорил:

— Мистер Буги, там против вас затевается что-то недоброе.

Словно испуганный хвощик, Буги отпрыгнул в сторону и мгновенно сунул руку за пазуху.

— Что? Что ты говоришь?

— Там... трое в такси... хотят вас преследовать, — сказал Геннадий.

— Анаконда! — взвизгнул несмазанными шестеренками Чанг.

— Молчать! Быстро в машину! — скомандовал Буги. Он бросился за руль. Чанг obeжал «роллс-ройс» с другой стороны. Ни секунды не раздумывая, Геннадий открыл заднюю дверь и упал на пол автомобиля.

Геннадий не знал, видел ли Буги с Чангом, как он прыгнул в «роллс-ройс». Лежа на полу, он не слышал ни одного их слова; переднее сиденье было отделено от заднего перегородкой из толстого стекла. Он чувствовал, что «роллс-ройс» идет на сумасшедшей скорости, не меньше 150 километров в час. Следовательно, они едут в сторону от Лондона, по большому городу так

не поедешь. Оторвались ли они от погони? Во всяком случае, дело принимало неплохой оборот. «Решил быть с вами до конца, мистер Буги, — скажет он. — Спина к спине у мачты, сэр...»

Скорость вдруг резко упала. Машина сделала поворот и поехала по боковой дороге. Блики большой автострады перестали мелькать по стенкам. Машина остановилась, открылась передняя дверь, голос Буги прогудел: — Слышал, Чанг? Они проскочили мимо. Сейчас мы сможем, а потом расправимся с ними.

Он захлопнул дверь, развернул машину и поехал назад к автостраде. Перед выездом был небольшой подъем. Буги включил вторую передачу, и вдруг машина дернулась, взревел мотор.

Почувствовав неладное, Геннадий поднял голову и увидел, что передний отсек «роллс-ройса» наполнился голубоватым светящимся дымом, в котором, словно падающие, бились Буги и Чанг. Судороги продолжались несколько мгновений, потом Буги и Чанг уронили головы. Геннадий увидел двух подбегающих мужчин в странных масках. В руках одного из них было короткое ружье с широким, будто бы стеклянным стволом. Второй распахнул дверку машины, нажал на тормоз, выключил зажигание. Светящийся газ мгновенно испарился. Нападавшие сняли маски, деловито приступили к обыску бесчувственных Буги и Чанга. Геннадий заметил, что широкоствольное оружие лежит рядом с машиной на асфальте. Он выскочил из машины, схватил ружье и, увидев изумленные физиономии старшего стюарда и его дружка, нажал спусковой крючок. Мелькнул узенький язычок огня, «роллс-ройс» вновь наполнился голубым дымом. Геннадий бросился прочь и упал в кювет, — носом в мокрую траву.

Когда потомок великого императора Рокера Первого очнулся, он увидел над собой ясные доброжелательные глаза Джина Стрейтфонда.

— Что произошло? — спраляющимися языком пробормотал Буги.

— Все в порядке, сэр. Они связаны, — бодро ответил мальчик.

— Откуда ты взялся?

— Всегда с вами, сэр. До конца. Спина к спине у мачты.

Ричард Буги со стоном приподнялся, увидел связанных врагов, икающего Чанга и расхохотался.

— Эй-ей, ты мне по душе, мальчик!

ГЛАВА XI

В КОТОРОЙ СЛЫШИТСЯ «ПЕСНЯ АВАНТЮРИСТКИ» И ЗВУЧАТ ГОЛОСА УМАЛИШЕННЫХ

После соревнований в Кракове (Польша) в жизни Наташи Вертопраховой произошло значительное событие: ее портрет в полный рост и с обручем был напечатан на обложке журнала «Смена». Неизбежное следствие таких публикаций — поток писем. Наташа даже не представляла, как велик в нашей стране интерес к художественной гимнастике, этому эстетическому виду спорта. Ей писали школьники всех возрастов, юные и зрелые спортсмены, просто любители прекрасного, курсанты суворовских и нахимовских училищ. Большую часть свободного времени Наташа посвящала теперь разбору писем и ответам на них.

Была уже довольно глубокая ночь, когда она приступила к двадцать седьмому за этот день ответу. Она писала пожилую пенсионеру из города Тишинска, книголюбу и рыболову.

«Уважаемый Олег Михайлович! Вы интересуетесь моей жизнью, учебой и успехами в спорте. Вы не пропускаете ни одного соревнования по художественной гимнастике. Большое вам за это спасибо!»

Зазвонил телефон. Удивленная столь поздним звонком, Наташа сняла трубку и услышала усталый голос телефонистки:

— Вертопрахова? Поговорите с Лондоном.

Вслед за этим что-то щелкнуло, немного погудело, потом нечто затараторило на два языка сразу, а потом в тишине женский голос сказал:

— Мисс Вертопрахова? Дождайте момент, плиз!

«Неужели уже до Лондона докатилось, — подумала с некоторым волнением Наташа. — Неужели и в Лондоне заинтересовались художественной гимнастикой?»

И вдруг она услышала тихий и невероятно знакомый голос:

— Наташа, здравствуй. Это я, Гена.
— Кто? — закричала изумленная Наташа.
— Гена Стратофонтос. Я звонил нашим, но никто не ответил. Вероятно, все на даче. Тогда решил... к тебе...
— Откуда ты? Что за глупый розыгрыш? Тоже мне — Лондон, Лондон...

— Я действительно звоню из Лондона.
— Да ну тебя, Генка! Вечно ты что-нибудь выдумашь!
— Послушай, Наташа, — у Геннадия был такой серьезный голос, что Наташа сразу же забыла свое раздражение. — Слушай внимательно и передай все моей бабушке, Марии Спиридоновне. Я сейчас в Лондоне, куда прилетел с Больших Эмпиреев по очень важному делу. Скоро возвращаюсь на архипелаг. Пусть не волнуетесь. Попробуйте письмом. Это все. Запомнила!

— Да, — тихо проговорила Наташа. Она вдруг сквозь весь свой спортивно-популярный туман вспомнила, что Генаша розовым неваским вечером что-то лепетал об архипелаге Большие Эмпирии, о каком-то судне, вообще какой-то вздор. Может быть, все это не такой уж и вздор? Сердце ее вдруг пронзила какая-то неясная тревога.

— Генка! — закричала вдруг она.
— Доллис! — вдруг кричал он.
— Что такое? — поразилась она. — Как ты меня назвал?
— Прости, Наташа! Как было в Кракове?
— Первый приз!

Внизу, в холле, леди Леконсфилд веселым старческим голосом пела романс лорда Биверлибрамса «Черные мысли, как мухи», Винстон фонировал низким утробным воем.

Старая дама была счастлива. Ее юный спаситель, русский «хрустальный дельфинчик», был выше всякой критики. Он называл ее «гранни» и часами вел с ней задушевные серьезные беседы. Она уже подумывала, не отчислить ли ему еще процентов пять из доли Винстона, хотя Геннадий вторично самым категорическим образом отказался от ее капиталов как человек, воспитанный в принципиально другой системе.

Во избежание случайностей Геннадии пришлось приоткрыть старой даме завесу тайны. Леди Леконсфилд еще со времени зубопротезной деятельности своего мужа научилась держать язык за зубами. Надо ли говорить о том, что она была потрясена мужеством и самоотверженностью своего «хрустального дельфинчика».

— О, Джин, ты рискуешь жизнью ради спасения столь малой народности! О, нет-нет, ты — святой! Не спорь, мой мальчик! Я вижу над тобой ореол святости!

Геннадий сдержанно объяснил ей вздорность всяких религиозных предрассудков, а также сказал, что на его месте любой советский пионер повел бы себя так же, ибо советскому пионеру не безразлична судьба как больших, так и малых наций.

Геннадия вольновало то, что Ричард Буги вот уже двое суток не давал о себе знать. После столь чудесного спасения и пылкой клятвы в верности мистер Буги доставил мальчика в Лондон, а сам укатил в неизвестном направлении, пообещав в самое ближайшее время объявиться. Геннадии оставалось теперь только ждать. Он был уверен, что завоевал симпатии Буги и что рано или поздно ему удастся проникнуть в его логово. Но вот прошло уже два дня...

Часы на столе перед потрясенной Наташей Вертопраховой показывали 21.30, часы на столе перед озабоченным Геннадием Стратофонтосом показывали 18.30. Такова разница во времени между Ленинградом и Лондоном. Вдруг Геннадий услышал прямо под своим окном автомобильный сигнал, напоминающий первые такты из оперы Россини «Сорока-воровка».

Вот оно! Геннадий одним прыжком достиг окна, выглянул. Да, под окном в открытом двухместном вишневого цвета «феррари» сидел, ухмыляясь в усы, мистер

Ричард Буги. Большим пальцем правой руки он показывал Геннадии на свободное сиденье, а затем указательным постукал по часам — давай, мол, в темпе!

— Йес, сэри! — весело крикнул Геннадий и кубарем скатился вниз, в холл.

— Бабушка, за мной заехал один из эмпирейских друзей, — сказал он леди Леконсфилд, — Вы понимаете!

Старая леди ахнула, встала из-за фортепьяно и попыталась вооружить Гену огромным ржавым револьвером времен англо-бурской войны. С чувством глубокой признательности мальчик отказался от этого предмета, так же как и от арбалета эпохи Столетней войны, и от кельтского меча времен вторжения норманнов.

Он выскочил из дома и с ходу прыгнул на кожаное сиденье «феррари», пожал каменную ладонь своего нового «друга».

— Ну, аристократиска, — улыбнулся Буги. — Сегодня ты увидишь много интересного. Ничему не удивляйся, парень.

Возле южной границы квартала Сохо, в одной из узких улочек, над маленькой дверью висит ржавая вывеска «Мешок гвоздей». Многие десятилетия это была ничем не примечательная пивнушка.

И вдруг в последний год возле «Мешка гвоздей» стали все чаще останавливаться шикарные «гвары» и «бентли». Элегантные дамы и господа спускались по полустертым ступенькам в подвал, в кисло пахнущий сводчатый зал, чтобы послушать новую разгорающуюся звезду певичку Бубу Флауэр.

Мулат-ударник бешено колотил по барабанам руками и ногами. Саксофонист качался, закрыв глаза. Вдруг наступила пауза и на эстраде появилась девица в широких шелковых брюках и длинной блузе. Она заголосила:

Я — авантюристка Буба!
Рост, лицо, фигура, зубы
Выше всех похвал!
Токио, Нью-Йорк и Дели,
Восьмь стран за две недели!
Риск — мой идеал!
Бокс, дзюдо, борьба каратэ,
Электроды, химикаты,
Алкоголь, кинжал!
Фунты, доллары и йены,
Ловкость барса, нюх гиены,
Все мне дьявол дал!
Я могла бы стать артисткой,
Кулинару, журналисткой,
Но шпионкой-аферисткой,
Хищницей-авантюристкой
Мир меня назвал!

Маленький оркестр зызвал на пределе возможностей человеческого уха. Певичка подняла руки, сделала несколько сумасшедших «па», потом откинула волосы со лба, подмигнула восторженным леди и джентльменам, свистнула в два пальца и улыбнулась откровенно хулиганской улыбкой.

Сквозь толпу танцующих к столику Буги протолкались двое широкоплечих парней среднего роста в одинаковых серых костюмах. Один — блондин с коричневым лицом, другой — узкоглазый, темноволосый. Скрестив руки на груди, они несколько секунд с неопределенными ухмылками смотрели на Буги, а Буги с такой же ухмылкой смотрел на них. Затем Геннадий стал свидетелем любопытного разговора.

— Говорят, сэри, что вы набираете знающих людей в археологическую экспедицию, — сказал первый парень с явно немецким акцентом.

— Присаживайтесь, джентльмены, — пригласил Буги, и когда парни навалились локтями на дубовый стол, улыбнулся. — Я вижу, у вас одинаковый вкус, друзья. Серые костюмы по тридцать фунтов с Олд Бонд-стрит, голубые ластуксы из «Либерти»...

— Только что прибыли, сэри, — сказал темноволосый, — решили приодеться по-человечески.

- Откуда прибыли?
- Из жарких мест, сэр.
- Это я вижу. Точнее.
- Южный Йемен, сэр.
- Инструментами владеете?
- За исключением музыкальных, любимы, сэр.
- Буги повернулся к блондину.
- Ну, а вы — искатель приключений? Идеалист из Мюнхена?

— Обижаете, сэр, — жестко сказал блондин. — Мы вместе отступали из Стенливила. Должно быть, слышали о деревне Касамбе? Вы со своим отрядом тогда...

— Много болтаете для профессионала, — буркнул Буги и сделал жест бармену.

Когда на столе появилось три стаканчика джина, Буги дружески улыбнулся.

— Значит, только вернулись, ребята, и уже снова на работу тянет?

- Точно, сэр.
- А вы знаете, куда мы отправимся?
- Нет, сэр. Но уж наверняка в веселое местечко, а?
- Вот что, — Буги вырвал листок из блокнота. — Завтра явится по этому адресу.
- Условия, сэр?
- Там все скажут. Пока. Мы отчаливаем. Джин, попрощайся с господами археологами.

Солнце уже сильно клонилось к закату, когда темно-вишневый «феррари» устремился на запад по Пикадилли. Яркие пылали стекла красных двухэтажных автобусов и крыши бесчисленных автомобилей. Вот уже третий день Геннадий в Лондоне, а знаменитыми туманами и не пахнет. Солнце с рассвета до заката царит в безоблачном небе.

Они выехали на Кенсингтон-Роуд, проехали мимо Гайд-парка и памятника принцу Альберту.

— Ты мне, парень, нравишься, — сказал Буги. — Сегодня ты увидишь, что род адмирала Буги не оскудел. Увидишь такое, что и не снилось ни одному мальчишке твоих лет.

Через полчаса «феррари» выбрался на магистраль, а еще через десять минут свернул на какую-то узкую ветку, в начале которой стоял щит с надписью «private» — частная дорога. Дорога эта привела к высоким глухим воротам с вывеской: «Частная психиатрическая лечебница доктора Сильвестра Лафоно». Ворота бесшумно раскрылись, и «феррари» въехал в обширный двор с типичным

английским ярко-зеленым газоном, подстриженными кустами, приветливым белым зданием в глубине, за которым виднелись деревья парка. Все здесь было создано для спокойствия, для починки поломавшей нервной системы, все было тихо и смиренно, если не считать кровавого заката, отражающегося в окнах дома.

Едва «феррари» подошел к дому, оттуда высочился рыжеволосый субъект в синей униформе и распахнул двери машины.

— Где больные, Мак? — спросил Буги.

— Все в порядке, сэр. Больные в парке, на занятиях.

— Пойдем через дом, Джин, — пригласил Буги. — Посмотришь, как занимаются наши бедняжки.

Они вошли в дом, прошли по пустому гулкому холлу в длинный темноватый коридор, по которому прогуливался рослый детина с коротким карабином в руках.

— Ну как, Орlando? — спросил Буги.

— За дурачка меня принимаете, босс? — обиженно прогудел детина. — В жизни им не проникнуть сюда. Что вы, меня не знаете? Как-никак...

Большая черная лапа, появившаяся из-за угла коридора, схватила его за лицо. Из-за скульптуры Аполлона мелькнула какая-то тень, и часовой исчез, исчез бесследно, как будто его здесь и не было. Сверху, с потолка, послышался насмешливый голос:

— Привет, босс. Я уже полчаса вишу над Орlando, как летучая мышь. Все вас дожидались.

Геннадий готов был поклясться, что на потолке никого не было, но все-таки оттуда бесшумно прыгнул какой-то человек, а из-за угла появились двое мужчин в странных широких одеждах.

— Эти три парня тренируются по системе «Ниндзя», древних японских разведчиков-невидимок, — объяснил Буги.

Они прошли еще метров двадцать по коридору, и вдруг за одной из дверей Геннадий услышал русскую речь.

— Стой! Руки вверх! — орал диким голос с невероятным акцентом. — Где спрятал оружие?

— Урок русского языка, — объяснил Буги.

— А это зачем, сэр? Уж не собираетесь ли вы воевать с Россией?

— С русскими у меня особые счеты, — буркнул Буги. — Проклятый русский капитан загнал эскадру моего деда в залив Сильвербей. Пару лет назад я был в Ленинграде и узнал, что там еще живут потомки Стратофонта.

Он остановился, вынул сигарету, чиркнул зажигалкой, закурил, и тотчас в памяти Геннадия всплынул снежный вечер на Марсовом поле, памятник Суворову, Кировский мост... Так вот кем был тот неприятный иностранец!

Я уничтожу памятник этому паршивцу Стратофуду Филимонову и на его месте поставлю памятник истинному герою — адмиралу вольного флота и императору Рокеру Буги!

— Бы истинный Буги! — воскликнул Геннадий. Маленький психолог, как уже известно, нащупал слабую струнку своего противника. Ричард при этих словах застыл в монументальной позе, словно сам себя вообразил уже памятником.

— Но все-таки зачем вам русский язык сейчас? — осторожно спросил мальчик.

Буги страшно бронзовое оцепенение: — Понадобится...

«Не замыслил ли он что-нибудь против «Алеша Поповича»?» — подумал Геннадий.

Они вышли из дома и по идиллическим тенистым аллеям углубились в парк. То тут, то там среди деревьев стремительно перемещались короткими перебежками «пациенты» доктора Сильвестра Лафоно. Группа душевнобольных, собравшись под навесом, изучала новенький бронетранспортер марки «мерседес». То тут, то там мирно гукали автоматические винтовки, снабженные глушителями.

Буги вел Геннадия в низкий сарайчик, зажег свет, и Геннадий увидел целый арсенал — десяток автоматов в

гнездах вдоль стены, два гранатомета, пулемет, ящики с патронами, какая-то радиоаппаратура, гирлянда наручников...

— Все самое современное, по знакомству, — горделиво сказал Буги.

На пороге сарайчика вырос рыжеволосый субъект в униформе.

— Босс, вас вызывают на связь! — возбужденно заорал он.

— Сама! — испуганно спросил Буги.

— Кажется, да...

От спокойной величавости императорского потомка не осталось и следа. Он быстро юркнул в дверь и исчез.

В течение четверти часа Геннадий в полном одиночестве усиленно знакомился с оружием. Прервал это занятие приятный мягкий голос:

— Будьте любезны, поставьте на место мой автомат.

Геннадий резко обернулся. В дверях стоял высокий человек довольно странного вида. Волнистые до плеч волосы, тонкие ушки и острая борода делали его похожим на мушкетера, но полосатая майка и вельветовые джинсы с широким поясом сообщали вполне современный вид.

— Прошу прощения, сэр, я просто хотел посмотреть, — сказал Геннадий и представился: — Джин Стрейтфонд.

— Мое имя Джон Грей, — поклонился длинноволосый.

— Меня привел... — начал было Геннадий, но в это время в сарай свалилось девять других наемников во главе с гориллой лет сорока пяти. Все они орали по-русски «стой, стрелять буду, ложись на палубу» и дико хохотали. Геннадий понял, что эта группа явилась с занятием по русскому языку.

— Хватит гоготать! Разобрать оружие! — заорала горилла. — Сначала на ночные стрельбы поперемись! Эй, что тут за щенок болтается? Иди-ка сюда, мальи!

— Повежливей, мистер Горилла! — крикнул ему в ответ Геннадий.

Наемники грохнулись.

— Ай да мальчишко! Верно он Пабста окрестил Гориллой. Горилла она и есть Горилла!

Горилла Пабст ринулся на Геннадия, пытаясь схватить его за шиворот, но мальчик увернулся и сильно ударил Пабста ногой в зад. Пабст взревел и выхватил из гнезда свой автомат.

— Хотите меня застрелить, Горилла? — вежливо спросил Геннадий.

— Попался бы ты мне в Конго, щенок! — прорычал Пабст.

— А вы вообразите, что вы в Конго, сэр. Уверю, что не попадете в меня, даже с десяти метров.

Но на этот раз наемники засмеялись уже над мальчиком.

— Да-да, джентльмены, — серьезно сказал Геннадий. — Никто из вас не попадет в меня с десяти метров при стрельбе одиночными выстрелами.

— Это почему же, бой? — крикнул кто-то.

— Я умею увертываться от пуль, — сказал Геннадий, снял с одного из наемников огромную шляпу, так называемый «кшестигаллонный стетсон», водрузил ее себе на голову и отошел в глубину сарая.

— Попробуйте хотя бы сбить с меня эту шляпу, джентльмены.

— Мальчик издевается над нами! — загудели наемники.

Один из них положил руку на плечо Джону Грею.

— Ну-ка, Силач-Повеса, покажи ему свою руку.

— Я не Вильгельм Тель, — сказал Джон Грей и присел со своим автоматом в угол.

— Если бы он был черномазым, я бы рискнул, — буркнул другой наемник.

— Трусил! — резко крикнул Геннадий.

Сразу же в ответ хлопнул выстрел. Геннадий тряхнул головой — шляпа осталась на месте. Еще один выстрел! Геннадий крутанулся волчком — шляпа осталась на голове. Еще выстрел — та же картина!

— Стрелять разучились, ублюдки! — взревел Пабст. В наступившей тишине Джон Грей вежливо спросил Геннадия:

— Как вам это удается?

— Воля к жизни, — бойко ответил мальчик.

— А-а, понимаю, понимаю, — покивал Джон Грей. — Воля к жизни.

— Воля к жизни и к свободе, — добавил Геннадий.

— И к свободе, — задумчиво проговорил Джон Грей. — Неплохо сказано — воля к жизни и свободе...

— Хватит болтать! Лови-ка пулю! — гаркнул Пабст, подняв автомат одной рукой и выстрелил.

Геннадий отскочил в сторону и подул в ладошки.

— Поймал, сэр! Вот она, горяченькая!

Наступило молчание. Пабст, выпучив глаза, вытирал пот со лба. Геннадий снял целехонькую шляпу и отнес присутствующим шутовской церемонный поклон.

— Вот это мальи! Такого бы в нашу команду! — сказал кто-то.

Джон Грей встал, обняв мальчика за плечи, и отвел его в сторону.

— В мой автомат вы не успели вставить холостую обойму, — тихо сказал он.

— Да, сэр, ваш был последний, я не успел, — признался Геннадий.

— И все-таки вы рискнули затеять эту игру?

— Да, рискнул.

— А если бы выстрелил я?

— Вы бы не выстрелили, сэр.

— Вы уверены?

— Конечно. Ведь вы же тот самый Джон Грей — Силач-Повеса. Очень странно было увидеть вас здесь, но я вас сразу узнал. (Джон-Грей — Силач-Повеса сильнее Геркулеса, храбрый, как Дон-Кихот...)

— А это песенка, — улыбнулся Джон Грей, — в ней много преувеличено. Помните, там какая-то ерунда про ковбоя Гарри!

— Еще бы не помнить! — воскликнул Геннадий.

— Вовсе я не убивал этого прохвоста. Нелли сама его выгнала вазшей... Но все-таки мне очень приятно, что вы помните... да-да, бывало всякое, при свете лунного кружились пары, да-да... Слушайте, а зачем вам понадобилось устраивать этот цирк с холостыми патронами!

Хлопнула дверь, и на пороге появился веселый, энергичный Ричард Буги.

— Эй, леопарды! — закричал он. — Не обидели тут моего гостя? Ну, Джин, познакомился с современными джентльменами удачно?

— Твой гость настоящий бесенок, Дик, — сказал Пабст.

... Эти люди, малыш, беспощадны. Сол земли, они несут из глубины веков то, чем славна белая раса, покорившая все континенты: боевую спайку, авантюризм и великую белую мечту!

Голос Ричарда Буги зашел, глаза пылали, и если бы Геннадий не знал цену этой фальшивой человеконенавистнической расистской романтики, он мог бы, пожалуй, даже увлечься вдохновенными словесами бандита. Нет, он знал всему этому цену и был начеку. Он сидел в мягком кресле в кабинете Буги и изображал немой восторг.

Стены кабинета украшали африканские маски и оружие, под потолком висела большая модель все того же пресловутого «Голубого кита», но главным предметом в комнате был огромный портрет Рокера I: свирепое воплощение лица и обнаженный палаш на плече.

Ричард разглагольствовал, прогуливаясь по кабинету с бокалом шампанского в руке.

— Не в пример своему спящемуся брату по только французское шампанское, — пояснил он. — Всегда возу с собой запас этого благородного напитка. Однажды в Конго забавно кончился. Тогда я со своим отрядом напал на один город под предлогом очистки его от коммунистов и захватил в местном отеле дюжину ящиков «Вдова Клико».

— И, должно быть, переколотили не мало народа, сэръ? — спросил Геннадий.

— Там мы не считали, — хохотнул Буги.

Ненависть к этому ухмыляющемуся убийце сжигала мальчика, но выдержке его мог бы позавидовать любой взрослый мужчина.

— Да, дружище Джин, — продолжал Буги. — Пациенты доктора Сильвестра Лафону видали всякое. Многие парни — из Иностранного легиона...

— А Джон Грей? — спросил Геннадий.

— Силача-Повесу я знаю меньше. Его рекомендовали мне как лучшего стрелка, летчика и парашютиста. Но остальных я знаю почти всех.

— Разрешите вопрос, сэръ? Куда вы направитесь из Англии, каковы ваши планы?

Буги откупорил еще бутылку, ухмыльнулся и, явно рассчитывая на эффект, медленно произнес:

— На Большие Эмпиреи, сынок, на твои любимые Большие Эмпиреи.

— Как? — вскричал Геннадий. — Не ослышался ли я?

— Нет, не ослышался. Мадам уже ждет не дождется.

— Какая мадам?

— Наша хозяйка, — саркастически улыбнулся Буги, — мадам Накамура-Бранчовска.

— Мадам Накамура-Бранчовска ваша хозяйка?! — Геннадий вскочил. — Это шутка, сэръ? Мадам увлекается цветами, пишет стихи!

— Старая бандитка! — захохотал Буги. Приложившись к горлышку, он выпил полбутылки благородного напитка. Уши его налились внутренним огнем. — Джинни-бой, мадам — глава огромной подпольной империи. Начиная она, как и все мы, в Гонконге, в Коулун-сити, где за каждой бамбуковой шторкой можно получить порцию гаша или свинца. Она оказалась ловчее всех, эта ведьма. В Макао она втерлась в доверие к доктору Ло-

ЧАБАНСКИЙ ОГОНЕК

бо, королю золота и опиума. По дешевке мадам где-то купила три ржавых торпедных катера и стала нападать на торговые суда. Я сам служил на одном из этих катеров простым пулеметчиком. Уже тогда она нажила огромные деньги, но потом влипла в историю — ограбила американский военный транспорт. Многих из наших тогда похватали, но мадам быстро нашла общий язык с ЦРУ... Пока судьба носила меня по всему свету, мадам устраивала свои делишки как нельзя лучше. Теперь у нее миллионы и страшная власть.

— Скажите, сэр, а ее дочь Доллис знает о том, кто ее мать?

— Дочь! — захохотал Буги. — У кобры еще никогда не рождались человеческие детеныши. Доллис похищена у каких-то французских аристократов. Мадам помешана на аристократизме. Она и тебя отпустила домой только для того, чтобы пролезть в аристократические круги. Не будь твоя бабка — Леконсфильд, полакомились бы тобой акулы. Теперь по плану мадам мы должны разогнать эмпирейских сенаторов-легоперов и объявить ее королевой Больших Эмпиреев и Карбункула как законную наследницу основательницы Оук-Порта баронессы де Клиссон. Ну, Джин, что ты на это скажешь?

Ричард Буги уперся кулаками в подлокотники Гениного кресла и приблизил к нему свои горячие, пронизывающие глаза.

— Я... я... — бормотал Геннадий, лихорадочно нащупывая правильный ответ, — не могу сказать, чтобы мне это особенно нравилось, сэр...

Буги отпрыгнул, захохотал и воздел к потолку сжатые кулаки.

— Баронесса де Клиссон! Королева! Ее папаша до сих пор торгует лапшой в Йокогаме.

— В то время как вы, сэр, истинный Буги! — вдохновенно подхватил Геннадий. — Стопроцентный, неповторимый Буги!

Ричард опорожнил одним махом еще одну бутылку благородного напитка и засветился изнутри, как китайский фонарь. Он вдруг встал на кончики пальцев, на пуанты, и сделал посреди кабинета медленный балетный поворот.

— Посмотрите на эту фигуру, Джин Стрейтфонд! — почти зашел он. — Разве отсутствует в ней величавость, разве не присутствует в ней державная осанка? Посмотрите на эту шею, Джин Стрейтфонд, на этот мощный и тугий мускулос! Разве не похож он на звенящий винт адмиральского корабля? Посмотрите, Джин Стрейтфонд, на этот гордый чеканный профиль! Разве не достоин он украшать денежные знаки, разменную монету и ассигнации?

Буги слегка подпрыгнул, хлопнул в ладоши и закружился в странном танце под одному ему слышимую чудовищную музыку.

— Крочи, крочи, чурочи рикотуэр! Малази холионон кукубу! Буги не будет на побегушках! В джелях Лабрадора живет принцесса Вуги, он женится на ней, и на Больших Эмпириях воцарится династия Буги-Вуги. Фраомностр чу ра!

Глядя на этот танец, Геннадий подумал, что в «клинике доктора Сильвестра Лафоно» есть, по крайней мере, один человек, нуждающийся в серьезном психиатрическом лечении.

Окончание следует

Подошел к закату
Жаркий день.
На пески легла
Ночная тень.
Где-то пляшет,
Словно мотылек,
Золотой чабанский
Огонек.

Пламенем костра
Озарены,
У огня присели
Чабаны.
Вьется белый пар
Над котелком.
Горьковатый чай
Пропах дымком.

А вокруг —
Ночные голоса;
На шакала твякает
Лиса,
И ночная птица,
Не спеша,
Пролетает,
Крыльями шурша.

Темное молчание
Храня,
Ночь сгустилась
Около огня.
И ночная черная
Ладонь
Погасить старается
Огонь.

Темень все черней
И тяжелей,
А костер —
Все ярче и светлей.
Ночь не в силах
Справиться с огнем —
Со своим сверкающим
Врагом...

Угасают звезды
В вышине,
Спит отара
В синей тишине.
Крылышки сложил,
Как мотылек,
Золотой чабанский
Огонек.

Перевел с туркменского
Владимир Орлов

ДЕДУШКА-ПАМЯТНИК

ПОВЕСТЬ

В. Ансенов

Рисунки М. Белоомитского

В КОТОРОЙ СНОВА
РОКОЧУТ АВИАЦИОННЫЕ МОТОРЫ
И ГРЕМИТ АВТОМАТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Небольшой двухмоторный самолет фирмы «Локхид» медленно полз в огромной тропической ночи, словно невидимый вирус, попавший в бутылку чернил.

— Простите меня, Джон, но шляпа с перьями подошла бы вам больше, чем шлемофон, — сказал Геннадий Силачу-Повесе.

Самолет шел на автопилоте, и поэтому Джон Грей и Геннадий могли свободно болтать. Джон Грей покуривал, мелкокомм взглядывая на приборы: Геннадий сидел рядом в кресле второго пилота. Сзади, в фюзеляже, хвратели на мешках со снаряжением молодчики команды Пабста.

Силач-Повеса поправил длинные свои локоны, выбившиеся из шлемофона, подкрутил усики, погладил бороду.

— А вам, мой друг, — улыбнулся он, — неплохо бы сменить кресло второго пилота на уютный детский горшок.

Оба беззлобно посмеялись. За две недели подготовки в клинику для душевнобольных они успели подружиться. Легендарный Джон Грей Силач-Повеса нравился Геннадию своими вежливыми манерами, мягкостью, странной для наемника задумчивостью. Оружием и техникой он владел действительно безупречно и обладал невероятной, чуть ли не сверхъестественной силой. Непонятной была только вторая половина его прозвища — никаких свойств повесе Геннадий за ним не заметил. Все свободное время Джон Грей проводил на своей койке — за чтением Британской Энциклопедии или стихов Т. С. Эллиота.

Мальчик понравился бывалому Грею своей смелостью, ловкостью и какой-то тайной целеустремленностью, которая не ускользнула от наблюдательного Силача-Повеса.

Из Лондона их команда вылетела рейсовым самолетом в Барселону под видом туристов, интересующихся боем быков. Из Барселоны на странной моторной яхте они отбыли как любители рыбной ловли, члены профсоюза текстильщиков, на крохотный, почти безлюдный островок, имевший там не менее взлетно-посадочную полосу. Там они погрузились в этот самолет, пилотировать который взялся Джон Грей Силач-Повеса. Они сделали несколько посадок в разных странах на тайных аэродромах. И вот теперь с дополнительными баками горючего совершали многочасовой перелет над океаном.

— Джон, я давно хотел задать вам один важный вопрос, — сказал Геннадий.

— Я знаю, — невозмутимо ответил Силач-Повеса. — Вы давно хотели спросить, что у меня общего с людьми вроде Гориллы Пабста.

— Правильно, — удивился Геннадий.

— Видите ли, Джин, — Силач-Повеса пощипал свои усики, — по своей натуре я авантюрист. В Латинской Америке я участвовал по меньшей мере в семи так называемых революциях, связываясь с разными темными личностями, они приходили к власти, а я сматывался. Брось, Джон, говорил я себе, что толку во всех этих переворотах, кому от них польза — народу, тебе, Рите, крошке Нелли? Но, увы, такова моя натура. Тянет меня к авантюрам и все! Да, черт возьми, — Джон Грей пощипал свои усики и вздохнул, — а вот настоящая революция на Кубе прошла без меня. Я тогда на Огненной Земле загорал. Впрочем, Фиделю не нужны такие, как я, авантюристы... Последний раз я ввязался в одно совершенно сумасшедшее дело. Я тогда застрял на Флориде, а Ки-Уэст. Денег ни гроша, от Риты бешеные письма, от Нелли потоки слез. Узнаю: готовится вторжение на Гаити против диктатора Дювалье. Эге, думаю, дело хорошее. Этот папа Док на завтрак жрет человеческую печень, а обед суп из крови клебает, а на ночь ему кровь в нос закапывают. Собралось в тот же вечер восемь человек и я — девятый. Взяли лодку, поплыли, высиделись, то есть торглись. Захватили какой-то автобус, приехали в столицу и сразу к гвардейским казармам. Сняли керулу, вошли в казарму, а там обед. Заходим в столовую. Руки вверх, говорим, господа гвардейцы, сдавайтесь — город занят повстанцами. Сдаемся, отвечаю гвардейцы, дайте только компот докушать. Заперли мы их в столовой и позвонили во дворец папе Доку. Эге, говорим, ты, черная шляпа, гвардия перешла на сторону народа! Или сдайся, или смывайся! Выбираю второе, отвечает кровавая собака, укладываю чемаданы. Представьте себе, милый Джин, переворот едва не осуществился. В неудаче виноват я... Кончилиш у меня сигареты, я вызвал из столовой одного гвардейца, дал ему доллар и послал в табачную лавку. Тот, пока бежал по коридору, смекнул, что наша армия не так уж многочисленна, и дунул прапником во дворец... Короче говоря, нас окружили. Отстреливались мы три часа, пока не вышли патроны. Я выпалил последний в окно, оглушались — все ребята уже были убиты. Я бросил автомат и вышел в коридор. За окном

Окончание. См. «Костер» №№ 7—9, 1970 г.

уже стемнело, я устроил в казарме короткое замыкание и смылся. Дурацкая какая-то, нелепая и горькая история, Джин.

Он замолчал и словно оцепенел.

— Что же было дальше? — осторожно спросил Геннадий.

— В Порт-о-Прэнсе я нанялся матросом на старый пароход, идущий в Европу, а в Европе, э... — Джон Грей махнул рукой, — чем мне только не пришлось заниматься, был мусорщиком, пел в паршивом ресторанчике за тарелку супа, таскал мешки с цементом на товарных станциях, все мне стало безразлично, кто бы мог узнать Джона Грея, который из всех заплатит, который всегда таков. У Риты и крошки Нелли хватило такта оставить меня в покое... Потом мне вдруг повезло. Я поступил в школу парашютистов знаменитого Жака Дюбура. Мы прыгали на Монблан и Килиманджаро. Ребята были все высшего класса, особенно один летчик, швейцарец, царство небесное его отчаянной душе, — Силан-Повеса перекрестился. — Последний год я работал трюкачом на киностудии Лауристини, неплохо зарабатывал, ну, а потом услышал, что собирается новая освободительная экспедиция. Не выдержала моя авантюристическая натура, ну и вот вы видите меня, сэр, за штурвалом этого самолета.

— Вы называете нашу экспедицию освободительной? — спросил Геннадий. — Вы думаете, мистер Буги или Горилла Пабст освободители Больших Эмпиреев?

Джон Грей взглянул на Геннадия.

— Видите ли, мой мальчик, ребята, с которыми я высаживался на Ганти, тоже не были похожи на ангелочков.

— Простите меня, Джон, но вы наивный идеалист, — сказал Геннадий. — Буги и Пабст и все прочие — обыкновенные наемные убийцы, а Буги еще и честолюбивый маньяк. Хотите знать подоплеку всей этой истории?

И Геннадий рассказал Силану-Повесе о Больших Эмпиреех, о мадам Накамура-Бранчовской и о планах Ричарда Буги. Ему необходимо был союзник в команде наемников, а Джон Грей казался ему подходящим человеком.

Когда он кончил, Джон Грей некоторое время молчал, а потом резко повернулся к мальчику.

— А теперь разрешите мне задать вам, Джин, вопрос, который давно уже вертится у меня на языке. Вы действительно англичанин? Вы действительно тот, за кого себя выдаете?

— Я русский, Джон, советский пионер Геннадий Стратофонов. В Оук-Порте стоит памятник моему прапрапра...

За их спинами появился Горилла Пабст. Почесывая волосатую грудь и зевая, он сказал:

— Слушай, Джонни, будь внимательнее при посадке. Здесь взлетно-посадочная полоса насыпная, узкая ленточка в море. Вчера сержант Гамбл промазал и нырнул на самое дно.

— Небось по приборам, садился Гамбл? — спросил Джон.

— Ясно, по приборам, как же еще?

— Ну, а мы на глазок, Пабст, мы на глазок, — усмехнулся Грей и подмигнул Геннадию. — Мы с Джином видим, как коты...

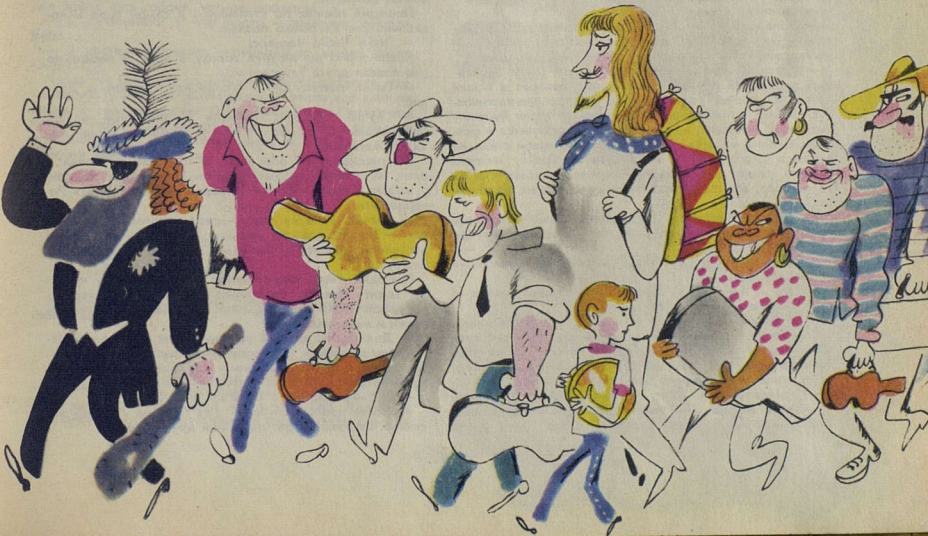
Самолет резко пошел вниз.

БОЛЬШИНСТВО УЧАСТНИКОВ КОТОРОЙ УСТРАИВАЮТ СТРАШНЫЙ ШУМ, НО НЕКОТОРЫЕ РАЗГОВАРИВАЮТ ВПОЛГОЛОСА

В канун ежегодного традиционного праздника Касисопии на Больших Эмпиреех произошла сенсация: в Оук-Порт прибыл без всякого приглашения, проездом

из Зурбагана в Эдинбург, огромный международный симфонический оркестр под руководством дирижера князя Грегори фон Нифирогрег. Странники выхода на

международную арену в сенате ликовали — вот они, результаты последней победы над финским банановозом со счетом 105:31! Если уж прибыли музыканты, значит, жди теперь какую-нибудь знаменитую футбольную команду, «Манчестер Юнайтед» или «Сэнтос», а то и ленинградский «Зенит».

Толпы жителей столицы собрались вокруг отеля «Катанаран», который заселили музыканты. Музыканты всем понравились. Рослые, плечистые, с сизыми носами, с серьгами в ушах, они легко несли в татуированных руках футляры со скрипками, виолончелями, фогатами, контрабасами. Поразила еще внешность дирижера: черная ассирийская борода, рыжие кудри, темные очки, закрывающие пол-лица, треугольная шляпа с плюмажем, фигура десятилетия, огромная узловатая дирижерская палочка величиной с палицу Геракла.

— Рикко, — проговорил Нафтуни и схватил легопера за плечо. — Смотри! Смотри, кто среди них!

От автобуса к отелю шел крепкий загорелый мальчик с целой охапкой медных тарелок в руках. Рядом с ним, нагруженный барабанами разных калибров, двигался высокий стройный мучка с длинными волнистыми волосами, в саах и бородке.

Геннадий уже заметил их. Подойдя ближе, он намеренно уронил тарелки и быстро сказал нагнувшемуся сенатору:

— После захода солнца ждите меня возле памятника дедушке. Ждите столько, сколько понадобится. Рядом со мной — друг.

Едва последние музыканты скрылись в отеле, из окон грянула искрометная музыка России.

— Репетируют, — умиленно говорили в толпе. Послышался мощный хрип, перекрывающий музыку России.

— Спят или репетируют? — недоумевали в толпе. — И спят, и репетируют, — говорили знатоки.

Во второй половине дня Геннадий нанес визит мадам Накамура-Бранчовской.

— О Джин! — протянув руки, сияя своей самой очаровательной улыбкой, воскликнула дама. — Как я рада видеть вас вновь! Мистер Ричард Буги сказал мне, что вы решили посвятить себя борьбе за свободу моего народа. Но не будем о политике, она меня мало интересует...

В это время в комнату вошла Доллис. Она хмуро посмотрела на Геннадия и буркнула:

— Ты снова здесь?

— Доллис, как ты нелюбезна! — пожурила ее мадам. — Джин проделал такой большой путь, чтобы снова увидеть нас. Как здоровье вашей бабушки, Джин?

— Спасибо, мадам. Бабушка и ее брат шлют вам самый сердечный привет. О вас много говорят в наших кругах. О вашем розарию ходят просто фантастические слухи. На последнем уинизде граф Чарли Бартлет-Эстерхази младший, ну тот самый, что отличился в океанской гонке на яхте «Клубника», читал ваши стихи из журнала «Лестница», а несравненная Грейс, княгиня Монако, увидев ваш портрет в журнале, сказала, что, по ее мнению, ваш род восходит к древнейшим французским фамилиям.

Накамура-Бранчовская от волнения даже покраснела красными пятнами и вроде бы закатилась, на секунду потеряла сознание.

— Но как попал в Англию журнал «Лестница»? — пролепетала она.

— Это я привез его, мадам, — внутренне хохоча, с полупоклоном ответил Геннадий.

— О Джин! О мой друг! — совсем уже расплылась в благодатной истоме будущая королева, но в это время в парке послышались мужские голоса, и она пружинисто вскочила, глаза ее сузились, движения приобрели привычную хищную гибкость.

— Извините, мой друг, у меня сейчас заседание правления фирмы. Мы увидимся завтра на празднике Кассиопеи. Вы, конечно, знаете, что это будет очень

интересный праздник, — добавила она многозначительно и вышла.

Посмотрев в окно, Геннадий увидел Буги, Мизерабле-са, Чанга и Латтифудо, идущих по аллее к дому. Собранные вместе, эти господа казались персонажами страшного сна.

— Ненавижу всю эту банду, — сказала за его спиной Доллис. Он обернулся и увидел, что девочка смотрит на него хмурым и злым взглядом.

— Что за чушь ты болтал матери о французских фамилиях? — проговорила она и вдруг схватила Геннадия за руку. — Знаешь, кто моя мать? — Доллис передернулась, как от удара. — Она преступница! Она хочет поработить наш народ, отдать его в кабалу иностранцам! Я все знаю, и если ты из их банды — иди, доноси!

— Здесь нельзя говорить, — сказал Геннадий. — Давай выйдем в парк.

Они ушлись на краю большого круглого бассейна. Ветви азиатской ивы надежно скрывали их. Здесь Доллис, волнуясь и чуть не плача, рассказывала Геннадию все, что он давно уже знал. Оказалось, что она случайно услышала разговор своей матери с Мамисом, а потом и многое другое. Противоречивые чувства раздирали девочку. Еще бы — ведь она привыкла преклоняться перед матерью, перед ее красотой и умом. Что предпринять: высказать ей все в глаза, убежать из дома, может быть, покончить с собой? Она никогда не видела своего отца, погибшего во время цунами капитана дальнего плавания, но была уверена, что если бы он был жив, он не дал бы матери скатиться к преступлению.

С горечью слушал Геннадий исповедь своей маленькой подруги, столь похожей на гордую ленинградскую чемпионку Наташу Вертопрахову. Два мира — две судьбы, невольно думалось ему.

Это был ветреный тревожный вечер. Пятна кроваво-красного заката, сквозящего сквозь ветви агавы и юкки, северных пальм и итальянских сосен, лианового кедра и азуки японской, филодендрона и благородного лавра, колыхались на глади бассейна.

— Этот бассейн сообщается с морем! — спросил Геннадий.

— Да, через подземный тоннель, — машинально ответила Доллис, глядя прямо перед собой остановившимся взглядом.

Геннадий сбежал по ступенькам к самой воде и несколько раз негромко позвал:

— Чабил! Чабил! Чаккерл!

После этого он засунул голову в воду и несколько раз позвал друга ультразвуком.

— Ты не спятил, Джин? — спросила изумленная Доллис.

— Слушай, Доллис, сегодня решительный вечер. Многое зависит от нас, от тебя и от меня. Слушай меня внимательно.

Он рассказал ей обо всем, о том, как он попал в плен, на остров Карбункул, о своей поездке в Лондон, о планах Накамура-Бранчовской и об откровениях Ричарда Буги.

— Значит, я не ее дочь, — тихо проговорила Доллис. — Значит, все эти годы я была для нее только игрушкой. Значит, никакого отца-капитана у меня не было...

Геннадий давно уже заметил, что по бассейну кругами ходит Чаккерс. Врожденная деликатность, вероятно, мешала бывшему сержанту прервать разговор девочки и мальчика.

— Доллис, ты должна узнать, о чем сейчас совещаются заговорщики. Опасность угрожает не только Оук-Порту, но и нашему научному кораблю «Алеша Попович». Готовы ты на это? — спросил Геннадий.

— Да, — решительно ответила девочка.

— После двенадцати ночи жду тебя на Лыной лещнице. Связным будет один мой друг — Чабил!

Доллис вздрогнула: из воды высунулась лукавая круглоблая физиономия дельфина.

— Привет, Геша, — хрипло сказал Чаби по-русски. — Ну, как бабушка, Лондон? Ужас небось, какой шум, а?
— Чаби, познакомься, это Доллис.
— Очень приятно, мисс.
— Будешь связным, Чаби. Тут большие дела начинаются.

— Да, я уже слышал, можешь на меня рассчитывать. Кстати, Генюк, привет тебе от ваших ребят. Я с ними на прошлой неделе болтал.

— Ну, как они? — с волнением спросил Геннадий.
— Да все в порядке, работают по плану. Хорошие мужики. И, что характерно, Генюк, не унижают эти ребята твоего достоинства. Вот что характерно, понимаю нашего брата.

При этих словах Геннадий особенно остро почувствовал, как не хватало ему все это время его друзей, с которыми сам черт не страшен. Однако времени предаваться размышлениям не было. Он встал и сказал:

— Доллис, Чаби, друзья! Готовы ли вы бороться до конца за идеалы свободы и справедливости?
— Готовы! — в один голос ответили дельфин и девочка.

— Давайте скрепим нашу дружбу и клятву рукопожатием! — торжественно сказал Геннадий.

— За неисменением рук предлагаю потерпеться носами, — смущенно проговорил дельфин.

Мальчик и девочка наклонились и потерлись носами о его влажный клюв.

— Ну вас к черту, ребята, — пробормотал Чаби. — В такие минуты плакать хочется...

Луна спряталась за голову Серхо Филимоныч Стратофудо, когда Геннадий по водосточной трубе спустился на площадь. Огромная тень памятника закрывала половину площади, и в этой тени мерцали сигаретки и глаза эмпирейских леопопер, засевших в маленьком кафе.

— Геннадий! — бросились к нему сенатор Куче, Рикко Силла и Токтомуран Джечкин. — Как мы рады снова видеть вас, потомка нашего памятника, в добром здравии!

— Спокойно, друзья, сейчас не время для сантиментов, — жестко сказал мальчик. — Необходимо достать двадцать четыре скрипки, шесть виолончелей, шесть контрабасов, десять труб, семь флейт, три кларнета, две арфы, пять гобоев, четыре валторны...

— С валторнами у нас плохо, — прикинул сенатор Куче.

— Я достану валторны, — решительно заявил Рикко Силла.

Через час Геннадий соскользнул по громоотводу прямо ко входу в отель «Катамаран». В отеле все шло по плану. В зале ресторана Джон Грей Силлач-Повеса накатывал «товарищевой по оружию». Он стоял посредине огромного стола, размахивал большим, как флаг, эмпирейским «велиором» и пел:

Пока на белом свете
Деньжатами разит,
Солдат в лихом берет
Всегда обут и сыт.
Твой нож не дремлет в ножнах,
Кулак твой волосат!
А принципы надежно
В швейцарском банке спят!

Захмелевшие ландскнехты бизоньими глотками восторженно ревели:

А принципы надежно
В швейцарском банке спят!

— Эй, чертенок! — закричал Геннадий Пабст. — Иди сюда! Ну-ка, глотни этого балзана! Завтра ты исполнишь свое соло-пиколо, а, чертенок! — он склонил к Геннадию свою дремучую рожу и вдруг прослезился.

Не зови меня, пожалуйста, Гориллой, Джинни. Очень прошу, не зови. Разве я похож на гориллу? Разве у меня такие руки, как у гориллы? Разве у меня такие надбровные дуги?

— Именно такие, сэр, — сказал Геннадий.

— Ну, хорошо, допускаю... — хныкал Пабст. — Но разве умеет горилла разговаривать, а, Джинни? Ведь не умеет же, а?

— Умеет, — сказал Джин. — Горилла разговаривает не хуже вас, сэр.

— Как! Горилла умеет разговаривать! — взревел Пабст. Он встал и пошел вдоль стола, взывая к товарищам. — Ребята, горилла, оказывается, умеет разговаривать! Слыхали новость! Горилла! Умеет!

В конце стола он свалился.

Через час все музыканты оркестра, включая солистов-виртуозов, были «готовы». Официанты с большим трудом оттащили гастролеров в номера. Начался немислимый концерт. Храп, носовой свист, стоны, дявольский хохот и бредовые выкрики слились в потрясающую «авангардную» симфонию.

Тогда Геннадий и Джон Грей взялись за свое дело. Им нужно было закончить его, пока не явился с советом маэстро Грегори фон Нюфироге.

Во внутреннем дворе гостиницы возле пожарной лестницы уже ждали леоперы во главе с Рикко Силлой. Хозяин гостиницы, левый полузащитник дублирующего состава, был предупрежден. Геннадий и Джон Грей заходили поочередно во все номера и везде делали свое дело.

Работа была уже почти закончена, когда друзей застигли в коридоре звуки быстрых шагов и веселые го-

лоса. Скрыться было негде. Джон Грей прислонил к стене футляр с контрабасом.

Голоса приближались, и вот из-за угла коридора появилась группа людей, впереди которой крупным командирским шагом шла не кто иная, как... родная, личная, неповторимая бабушка Геннадия, подполковник в отставке Мария Спиридоновна Стратофоновна!

Первым желанием Геннадия было, не раздумывая, броситься в объятия родному человеку. Вторым желанием было немедленно спрятаться за футляр контрабаса, что он и сделал. Бабушка! Его бабушка на Больших Эмпирейх! Уму непостижимо, как она сюда попала! Но что это! Рядом с бабушкой, отставая на шаг,

шествует со своей застывшей улыбкой генеральный консул Старжен Фиц, а за ними несколько ленинградских, явно ленинградских, девочек, и среди них Доллис, вернее, не Доллис, а самая настоящая Наташа Вертопрахова, а дальше группа почетных эмпирейских и советских граждан, и отец Наташи доктор геологических наук Вертопрахов, и огромный поэт Борис Хорошин. Уж не снится ли это ему? Уж не галлюцинация ли это? Уж не результат ли это нервного напряжения?

В полном смятении чувств провел Геннадий всю ночь на Львиной лестнице. Тревожно вслушивался он в каждый шорох, выглядываясь в темные воды бухты. Ни Доллис, ни Чабби Чакерс не явились.

ГЛАВА XIV

В КОТОРОЙ НАД КАШЛЕМ, ХЛЮПАНЬЕМ
И ХРУСТОМ КОЛЕННЫХ СУСТАВОВ
ПРЕОБЛАДАЕТ МОЩНЫЙ ГОЛОС МАРИИ СПИРИДОНОВНЫ,
А ТАКЖЕ ЗВУЧАТ СТИХИ ОГРОМНОГО ПОЭТА

Благосклонный читатель должен простить неуклюжему автору то, что в этой главе он вынужден прервать описание напряженных драматических событий, оставить своего героя в сомнениях и тревогах на Львиной лестнице Оук-Порта и совершить не очень-то грациозный скачок в недалекое прошлое, в прохладные июльские дни города Ленинграда.

Было прекрасное дождливое утро, когда Наташа Вертопрахова приехала на дачу Стратофоновых в Лисий Нос. Мария Спиридоновна в это время, напевая песенку «Мы парни brave, brave, brave, но чтоб не спугнули нас кудрявые...», неумелыми пальцами мастерила котлеты, похожие на аэролаты заграждения.

— Мы должны действовать, — коротко сказала она, выслушав сбивчивый рассказ Наташи о вчерашнем лондонском звонке.

— Но как? — пролепетала растерянная девочка. — Мария Спиридоновна, я очень тревожусь за Генку, ведь он такой фантазер. Однажды в турпоходе наша группа столкнулась с огромным стадом. Стадо шло мимо нас очень долго и все дрожало, боясь быка. И вдруг, представьте, мы видим — верхом на быке едет ваш внук, и бык помахивает хвостом, словно обыкновенное домашнее животное...

— Моя школа! — не без гордости сказала подполковник. — Мы должны поехать на Большие Эмпирей! — добавила она.

— Мария Спиридоновна, но это же нереально!

— Нереально? — сверкнула глазами подполковник, смешала в бесформенную массу аэролаты заграждения, вышла и вернулась в ките с орденой колодой и в портупее, и при взгляде на нее Наташа поняла, что все реально, что в мире нет ничего нереального.

Бабушка начала свою деятельность с Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Здесь в кратчайшие сроки она проштудировала все материалы по республике Большие Эмпирей и Карбункул. Помогли и семейные архивы. В частности, в походном сундучке адмирала бабушка обнаружила русско-эмпирейский словарь, составленный врачом клипера «Безупречный» Фогель-Кукушкиным. В результате не прошло и недели, а Мария Спиридоновна уже прекрасно разбиралась в истории, этнографии и экономике далекой, но близкой страны и могла сносно объясняться по-эмпирейски.

После этого бабушка вошла в Союз общества дружбы с зарубежными странами и предложила послать на

Большие Эмпирей культурно-спортивную делегацию.

Консултант по странам Океании с сомнением покачал головой.

— Сложное дело, товарищ гвардии подполковник в отставке. Кое-какие контакты с этой далекой страной у нас есть — обмен книгами, марками, открытками, просто добрым словом, но ведь для того чтобы послать делегацию, нужно снестись с дипломатической службой, а единственный эмпирейский дипломат мистер Старжен Фиц вот уже несколько лет не отвечает на наши телеграммы...

— Все это я беру на себя, — сказала бабушка и вошла в соответствующие организации.

Соответствующие организации встретили ее с одобрением.

— Пусть сокращаются большие расстояния, — сказали они. — А вам, Мария Спиридоновна, спасибо за порохую инициативу. Видим, что есть у вас еще порох в пороховницах.

Бабушка села на телефон. Двое суток она не сомкнула глаз, разыскивая Старжену Фица через муниципалитет и полицейское управление японской столицы. Наконец в трубке послышался кашель.

— Господин Старжен Фиц! С вами говорят от имени Общества СССР — Большие Эмпиреи! — закричала бабушка.

— Очень, очень, очень... — послышалось в трубке. Потом все стихло.

— Господин Старжен Фиц! — кричала бабушка.

— Очень приятно, мисс, — сразу же отозвался приветливый старческий голос.

— Я не мисс! — крикнула бабушка.

— Пардон, мадмуазель, — скрипнул Старжен Фиц.

— Я не мадмуазель!

— Как же мне вас называть?

Бабушка на миг растерялась. Действительно, как же ему ее называть? Ведь не товарищем гвардии подполковником в отставке...

— Зовите меня Марией! — крикнула она.

— Мария! — вскричал Старжен Фиц. — Мария, Мария, Мария...

— Господин генеральный консул, почему вы не отменяли на наши телеграммы? — спросила бабушка.

— Не было средств, — хлопнул носом консул. — Конъюнктура все время падает, Мария. Тресты душат мелкого буржуа.

— Господин Старжен Фиц, мы приглашаем вас на переговоры по вопросу культурных контактов между нашими странами.

— С едой?

— В каком смысле?

— Кроме дороги, гостиницы и карманных денег, еда оплачивается?

— Уж будьте уверены! — теряя терпенье, гаркнула бабушка.

Повесив трубку, она вдруг изумилась — весь разговор с эмпирейским дипломатом шел на чисто русском языке!

Итак, на средства двух коллективных членов Общества (фабрика мягкой игрушки и паровозостроительный завод) старина Старжен Фиц снялся с насиженного места и прибыл самолетом в Ленинград.

Общество встречало почетного гостя почти в полном составе, за исключением огромного поэта Бориса Хорошина.

Дипломат был прекрасен в расшитом золотом мундире и в традиционном головном уборе, отдаленно напоминавшем поварской колпак. С хрустом преклонив колени, он поцеловал бетон аэропорта, обвел руками пространство и воскликнул:

— Узнаю! Все встало в память, господа! Ведь я, господа, старый петербуржец!

В это время радио любезным голосом сказала:

— Господин Северион Феликс Вениаминович, прибывший из Токио, вас встречает ваша сестра Таисия. В руках у Таисии гладиолус.

Вскрикнув от радости, Старжен Фиц заключил в объятия ближайшую старушку с гладиолусом.

Старушка вырывалась до тех пор, пока не подошла настоящая Тасенька, которая тоже за шестьдесят лет «ничуть не изменилась».

По дороге с аэропорта в «Асторию» дипломат проявлял вежливое, но настойчивое любопытство:

— Этот у-ни-вер-маг частный? — спрашивал он Марию Спиридонову.

— У нас, Феликс Вениаминович, все государственное, — пояснила бабушка.

— Да-да, понимаю, — сочувственно кивал Старжен Фиц. — Я все понимаю, Мария. Скажите, а эти «фрукты-овощи» частные?

— Феликс Вениаминович, — немного даже рассердилась бабушка, — вы же русский человек. Неужели не понимаете? Ничего у нас нет частного, и никакие монополии на нас не давят.

В честь высокого гостя Общество устроило обед в ресторане Дома архитектора. Обед прошел на замечательном уровне, если не считать того, что гость то и дело убегал на кухню и совал нос во все кастрюли.

В конце обеда поэт Хорошин, который, конечно же, на сей раз присутствовал, прочел начало новой поэмы:

Эмпирей!

Я немею!

Чую ветер голубой!

Чую, но не очуюмо!

Ближе берег мне родной!

После обеда Старжен Фиц и Мария Спиридонова удалились на деловое совещание.

— Ну вот, господин генеральный консул, вы познакомились с членами нашего Общества дружки, — начала Мария Спиридонова. — Не вертится, пожалуйста, господин генеральный консул.

— Что делается на кухне? — спросил Старжен Фиц, тревожно принохиваясь.

— Моют посуду, — начала сердиться бабушка.

— Чем!! — вскричал дипломат. — Неужели они обходятся без порошка «Сальвола»? Я немедленно берусь доставить пробную партию этого чудо-порошка! Об условиях договоримся.

— Господин генеральный консул! — повысила голос бабушка.

— Дайте вашу руку, Мария! — прошептал дипломат. — Нет, левую. Бугор Венеры, Мария, у вас резко выделен, линия таланта уникальная и пересекается с линией чести. Бойтесь первых двух дней полнолуния, Мария. Эти дни...

— Послушайте, перестаньте пороть вздор! — вскричала бабушка. — Я бывший штурман авиации, прошла всестороннюю подготовку. Понятно? Мы хотим послать в вашу страну культурно-спортивную делегацию. Как вы и ваше правительство посмотрите на это?

— Милости просим! — возопил Старжен Фиц. — Я буду вам сопутствовать, конечно — с едой, и сам с удовольствием познакомлюсь со своей страной.

— Вы хотите сказать, что вы...
— Да, Мария, я никогда не был в своей стране. Увы, Мария, таковы grimасы нашей потусторонней жизни.

Мария Спиридоновна почувствовала сильное головокружение, как будто вошла в пике.

А консул в это время шептал:
— Мужчинам могу предложить чикагские носки и запонки, а вам, дамы... — он заговорщически подмиг-

нул, — ожерелья из почти настоящего жемчуга. За все 11 рублей 90 копеек.

— Эх, Феликс Вениаминович, Феликс Вениаминович... — покачала головой бабушка, — как крепко зашел в вас этот дух наживы.

Итак, в то время, когда наш герой совершал тайный рейс в компании наемников, делегация Общества на совершенно законных основаниях продвигалась к Большим Эмпириям лайнером компании «Пан-Ам». Алигейтор, Румпельштильцхен и другие агенты Интерпола весь рейс до Зурбагана не сводили глаз с светливого Старжена Фица, а также с поэта Хорошина, который брал на карандаш зарубежные впечатления.

Любезный читатель, еще раз прими мои извинения за вынужденное отступление в недалеком прошлом. Дай руку, мой благосклонный друг, и мы вместе, набравшись мужества, подойдем к порогу решительных и яростных событий.

Дело в том, что пока я рассказывал об организации Общества СССР — Большие Эмпирии, в тропической ночи близ атолла Фао в полукабельтове от мирно дремавшего на якоре «Алеша Поповича» всплыла пиратская подлодка.

Чаби Чаккерс, посланный Доллис, опоздал...

И ПОСЛЕДНЯЯ

В КОТОРОЙ

СМЕШАЛИСЬ ВСЕ ЗВУКИ

В канун Дня Кассиопеи популярнейшая на островах газета «Ежедневный фонтан» опубликовала статью:

«С праздником, дорогие друзья!
Мы рады сообщить вам, что в этом году День Кассиопеи будет особенно торжественным. Успехи наших мужественных легионеров, особенно последние победы над финским банановозом, либерийским бензовозом и норвежским жировозом создали нашей маленькой стране международную известность.

Мы рады приветствовать здесь культурно-спортивную делегацию Общества советско-эмпирейской дружбы во главе с госпожой Марией. Кстати, сообщаем, что вчера госпожа Мария (рост 185, вес 90) показала в плавании баттерфляем лучший результат сезона. Bravo, Мария! Так держать! Мы надеемся, что команда ленинградских юных граций под странным названием «Трудовые резервы» полностью устраним последствия печального недоразумения с фрегатом «Алеша Попович». Мы посылаем свой привет экипажу этого научно-го галеона! Не обижайтесь на нас, дорогие друзья! Милости просим!

Гвоздем завтрашней программы безусловно явится выступление огромного международного оркестра под управлением выдающегося мастера Грегори фон Нофирогега. Он исполнит второй концерт для фортепьяно с оркестром Чайковского, а также сиенту известного композитора-авангардиста Джорджа Садовникова «Скандал на центральном вокзале».

Праздник закончится массовым булоногом вокруг памятника спасителю нашей свободы Серхо Филимоныч Стратофоду. Мы надеемся, что даже у наших братьев с острова Карбункул будет в этот день сносное настроение».

И вот перед нами центральная набережная Оук-Порта, запруженная праздничной яркой толпой. На эстра-

де покоряют сердца юные мастерицы художественной гимнастики из общества «Трудовые резервы». На трибуне для почетных гостей, в центре, восседает мадам Накамура-Бранчовска в царственно прекрасном наряде с ожерельями, браслетами и диадемами. На помосте для оркестра, кряхтя, стена, держась за затылки, глотая таблетки, клочок пивом, усаживаются виртуозы.

Легкой пружинистой походкой поднялся мастер фонтанов Нофирогега. Поглаживая ассирийскую борозду, подкручивая огненно-рыжие кудри, постукивая узловатой палицей, блестя сумасшедшим огнем сквозь темные очки, он прошлепал среди своих музыкантов, ободрая их:

— Выше головы, шакалы! Кто хочет опохмелиться, опохмеляйся! Главное, чтобы руки не дрожали!

Геннадий со своей флейтой-пиколо (миниатюрным автоматом «Стенли») прятался в глубине, за футлярами арфы. Он дрожал от возбуждения: пройдет ли все так, как он задумал, не подведут ли простодушные легионеры!

Буги-Нофирогега подсел к нему и зашептал на ухо:

— Смотри, малыш, королева на месте. Только короны пока не хватает, но я уверен, что и корону она уже припасла. Ну, малыш, устрои мы сегодня фестиваль!.. А ведь, правда, неплохая идея с оркестром. Голова у меня пока что работает, а Джин? Только эти олухи разинут рты, чтобы послушать Чайковского, как мы достанем свои игрушки. Только сперва еще один сюрприз будет. Увидишь — закачаешься!

Мастер фонтанов Нофирогега похлопал мальчика по плечу и отправился поднимать боевой дух струнной группы.

Геннадий тревожно обвел взглядом набережную, пеструю толпу, в первых рядах которой сидели на чемаданах легионеры во главе с Рикко Силлой, трибуну

для почетных гостей, среди которых сидела его дорогая бабушка, доцент Вертопрахов и поэт Хорошин. Что это за «сюрприз», о котором сказал Буги? Почему не пришла на Львиную лестницу Доллис? Куда исчез Чаби Чаккерс?

Послышались бешеные аплодисменты и крики «вай-вай», которыми эмпирейцы выражают восторг. Команда «Трудовых резервов» покидала круглую эстраду. По радио объявляли:

— А сейчас выступит юная ленинградская чемпионка Наташа Вертупруго! Вы увидите изящество, скромность и артистизм!

Снова послышались хлопки и крики «вай-вай», но вдруг эти веселые звуки были перекрыты низким угрозым воем судовой сирены.

Из-за углового бастиона появился благородный нос корабля науки «Алеша Поповича». В толпе произошло сильное движение, послышались было приветствия, но потом воцарилось смущенное молчание: эмпирейцам было стыдно за тот ужасающий день, когда «Алеша Поповичу» пришлось покинуть их гавань.

В полном молчании «Алеша Попович» обогнул волнолом, пересек бухту и встал к стенке. Но что это? Вместо симпатичных улыбающихся моряков на палубе орудовали какие-то мрачные типы в тропических комбинезонах!

— Вот он, этот дьявольский сюрприз! — похолодев, догадался Геннадий.

Благосклонный читатель, не обессудь, но сейчас нам с тобой придется вернуться к событиям прошедшей ночи.

Расставшись с Геннадием, Доллис бросилась в кабинет своей «матери». Она едва успела спрятаться в огромной китайской вазе, как в кабинет, поблизкая кубиками льда в бокалах, вошли заговорщики. Не прошло и получаса, как девочка услышала обо всем: и об автоматах в скрипичных футлярах, и о плане захвата с провокационной целью «Поповича», и о том, что завтра ее «мать» станет королевой.

— Ты просто гений, Дик, — волнуящим голосом сказала мадам. — Все так гениально придумано, что неудача быть не может. Ну, а на крайний случай я припасла еще кое-что, — и она сказала такую страшную штуку, что Доллис едва не потеряла сознание.

Едва бандиты покинули кабинет, Доллис ринулась к бассейну, вызвала Чаби и приказала ему мчаться к советскому судну, чтобы предупредить об опасности. Чаби тут же без лишних разговоров ушел в глубину, а Доллис побежала было уже в город, как вдруг была застигнута задыхающимися глыботодобным Каффо Латифуду.

— Эй, девчонка, то есть ваша высочество! — прокричал он. — Приказано вас препроводить в ваши покои и, будь оно проклято, не отходить от вас ни на шаг.

— Это кем же приказано! — закричала Доллис, пытаясь вырваться.

— Мамашей твоей, то есть ее величеством. Вот она, монархия, шутить не любит. — Латифуду икнул, отчего с соседнего дерева сразу поднялось несколько птиц.

— Пустите, чудовище! — крикнула Доллис.

— Не пушу, сокровище, — хмыкнул Латифуду.

Мы уже знаем, что Чаби Чаккерс опоздал. Что подаешь — радиосигналы обгоняют даже дельфинов. Получив по радио приказ, «Голубка» взяла на бордаж мирное научное судно.

Приблизившись к судну, Чаби Чаккерс увидел, что на борту его кипит схватка — безоружные моряки и ученые пытались дать отпор вооруженным до зубов бандитам. Могучий Шлиер-Довейко направо и налево крушил квадратные челюсти «рыцарей Запада». Друг его Володя Телескопов оборонялся плотницким инструментом. Гидробиолог Верещищев фехтовал скальпелем. Капитан Рикшетников, первый помощник Хрящиков и несколько матросов героически защищали радио-

рубку, откуда Витя Половинчатый вещал всему миру о беспрецедентном пиратском нападении на мирный советский корабль. Однако затрещали автоматы, пролилась кровь, и капитан Рикшетников приказал прекратить бессмысленное сопротивление.

Наемники согнали весь экипаж в помещение столовой. Возле каждого иллюминатора встали автоматчики. С подводной лодки на борт «Алеша Поповича» началась спешная погрузка какого-то старого оружия, ржавых винтовок, поломанных минометов и пулеметов. В этом и состоял зловещий план Ричарда Буги: показать наивным эмпирейцам, что «Алеша Попович» набит оружием, что советские моряки вовсе не исследовали прибрежный шельф и владун Юу, а, напротив, готовили захватить их маленькую страну.

Чаби Чаккерс, в ярости от своего бессилия и невозможности помочь друзьям, кружил вокруг «Алеша Поповича». Вдруг он услышал крик:

— Эй, да это никак ты, сержант!

С борта «Поповича» свешивался долговязый татуированный детина. Чаби сразу узнал его и хрипло выругался.

— Это ты, Фрэнки Карбо! Мало тебе Вьетнама, сукин сын!

— Здесь мне побольше платят, чем во Вьетнаме! — хвастливо крикнул Фрэнки.

— Чтоб ты подавился этими деньгами! — гаркнул дельфин.

— Плечет по тебе военно-полевой суд, дезертир! — заорал Фрэнки.

— Пусть плечет! — рывкнул Чаби, выпрыгнул из воды, схватил своими могучими челюстями негодя за чуб и улепек его в пучину. Одним бандитом в мире стало меньше.

Между тем в помещение столовой вошел элегантный господин в светлом костюме, м-р Кингсли Б. Мамис.

— Господин капитан, господа! — вежливо обратился он к экипажу «Поповича». — Вы можете чувствовать себя почти в полной безопасности. От вас требуется очень немного. Нужно, чтобы по приходе в Оук-Порт один из вас, предпочтительно вы, господин капитан, выступил перед населением и рассказал всю правду.

— Какую правду? — спросил, скрестив руки на груди, Рикшетников.

— Нужно снять маску, сэр, — улыбнулся Мамис. — Рассказать народу о военном характере вашей экспедиции, о планах захвата этих живописных островов. Ведь ваше судно напичкано оружием, буквально нафаршировано им, сэр.

Рев возмущения вырвался из десятков глоток. Рикшетников встал.

— Никто из нас никогда не пойдет на это. Ваша провокация обречена на провал.

— В таком случае вас всех придется уничтожить, — печально улыбнулся Мамис.

— Наше правительство этого так не оставит, — спокойно сказал Рикшетников. — Шутите с огнем, мистер.

— Ваше правительство далеко, а наши автоматы близко, — Мамис посмотрел на часы. — Десять минут на размышление, господа. После этого отроем огонь.

Прошло пять минут. Мамису стало не по себе под взглядами этих словно высеченных из камня лиц.

— Начнем с вас, капитан, — пробормотал он.

— Благодаря за честь, — усмехнулся Рикшетников.

— Отдаю должное вашему мужеству, господа, но я тоже выполняю свой долг.

— Грязный долг, — пробасил Шлиер-Довейко.

Прошло десять минут, когда вдруг поднялся плотник Володя Телеспоков.

— Ну, ребята, раз уж никто из вас не хочет рассказать правду, тогда уж мне придется, — сказал он, почесывая в затылке.

Итак, «Алеша Попович» под взглядом тысяч глаз встал к стенке. Еще не были заведены швартовы и спущен трап, когда на палубе появились Кингсли Б. Мамис и Володя Телеспоков. Мамис взял в руку микрофон и сказал:

— С праздником, дорогие друзья-эмпирейцы! В толпе возник ропот.

— Кто этот иностранец? Что это за господин неприятной наружности? Что ему нужно на корабле дружественной страны?

Мамис улыбнулся.

— Господа, я представитель страны, которая ценит юмор, но не любит шутить. Наша довольно-таки мощная держава обожает малые страны. В доказательство этого я приношу на алтарь нашей дружбы этого жирного тельца, — он обвел руками судно, — этот советский военный корабль. Да-да, господа, русские водили вас за нос. Они только делали вид, что исследуют океан, а на самом деле готовили захват Оук-Порта. Но смелые люди помешали проискам коммунистов!.. Вы сами сможете убедиться в том, что «Алеша Попович» буквально нафарширован оружием. Но прежде перед вами выступит псевдо-плотник, а в действительности майор советской разведки Владимир Телеспоков. Он расскажет вам всю правду. Пожалуйста, Владимир Екатеринбург.

Мамис передал микрофон Телеспокову. Володя малость затерся, затормозил, засмущался, но потом откашлялся и заговорил на прекрасном эмпирейском языке.

— Значит, с праздником! Я тут у вас, товарищи, не первый раз гуляю. Еще в 64-м годе проездом из Халигали за рубанком зезавал. Может, кто помнит?

— Еще бы не помнить! — закричали два эмпирейца, слесарь Фирциг и библиотекарь Градус. — Еще бы не помнить Володечку! Смутно припоминаем.

— Это очень даже приятно, что не забыли, — сказал Володя. — Ну, а что касается правды, так этот вот утконосый господинчик, — он показал через плечо большим пальцем на Мамиса, — со своим хулиганьем совершили против нашего корабля науки чистейшую международную провокацию. Никто их не приглашал на наше судно, а тем более с огнестрельным оружием. В таких условиях исследовать океанские глубины довольно-таки трудно, а ведь каждый знает, что океан — это будущее человечества! И насчет майорского звания — брехня, потому что я ефрейтор запаса. Прошу представителей милиции подняться на борт и составить акт. Спасибо за внимание.

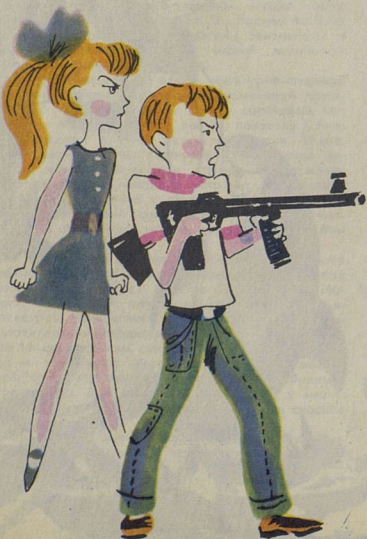
Взбешенный Мамис, не помня себя, выхватил из кармана пистолет и направил на Володю. Володя вытер нос рукавом и, набившись, пошел на Мамиса.

— Стрелять хочешь, позорник! Стрелять? А ну попробуй, стрельни!

Толпа взревели и бросилась по трапу на борт «Алеша Поповича». Ничего не понимающие наемники тут же были разоружены советскими моряками и разгнанными эмпирейцами. Некоторые наемники прыгали за борт на радость Чаби Какерсу. Мамис рыдал в железных объятиях Шлиер-Довейко.

На набережной творилось что-то невообразимое. Геннадий ликовал. Мадам Накамура-Бранковская кусала губы. Покусав некоторое время свои прекрасные пунцовые губы, мадам отбросила перламутровый веер и подошла к микрофону.

— Друзья, — сказала она своим глубоким голосом, и толпа сразу затихла, потому что привыкла прислушиваться к словам обязательной дамы, — забудем все грубое, жуткое, некрасивое и предоставим слово

скрипкам, фортепьяно, арфам, валторнам... Маэстро фон Нифирогерг, вуаля!

В тишине, наступившей после этих слов, четко простучали шаги удивительного дирижера. Он встал перед пультом, резко взмахнул своей палицей и рявкнул:

— Открыть футляр!

Наемники бросились к футлярам и стали извлекать оттуда на свет божий скрипки, контрабасы, виолончели, валторны... Изумлению их не было пределов; и оно еще усилилось, когда они увидели, что из толпы на них смотрят их любимые игрушки — автоматы, гранатометы и даже маленькая безоткатная пушка.

Маэстро фон Нифирогерг не верил своим глазам. Все закружилось перед ним, когда он увидел, что к нему приближаются, наставляя автоматы, его верный паж Джин Стрейтфонд и Джон Грей Силач-Повеса.

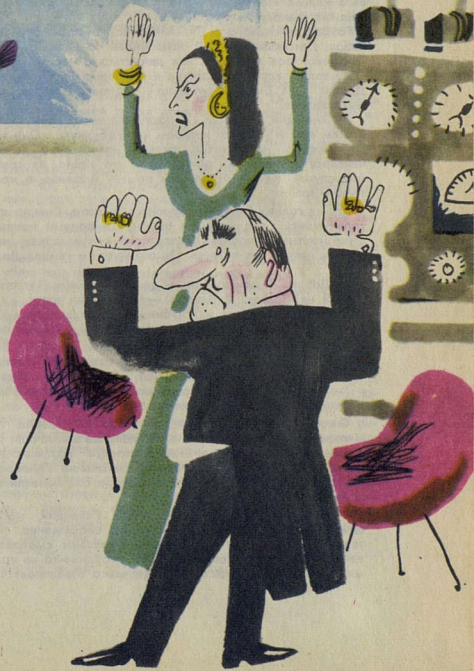
— Эй, шакалы, в чем дело? — заорал дирижер.

— Руки вверх! — крикнул ему Силач-Повеса, а Геннадий сорвал рыжий парик и ассирийскую бороду.

— Братцы, да это же Дик Буги! — закричали в толпе. — Ишь, пройдоха! Мало его били в трактире «Синь-ка»!

Перекрывая весь шум, над набережной прокатился голос народного любимца Рикко Силлы:

— Наемные убийцы, сдавайтесь! Вы все под прицелом!

В оркестре руки поползли вверх, послышались рыдания, кое-кто, в том числе Горилла Пабст, потерял сознание. На эстраду мячиком вспрыгнул сенатор Нафнутти Куче в своей неизменной майке с цифрой 3.

— Друзья! — закричал он. — Наш народ едва не стал жертвой заговора этой недостойной дамы Накамура-Бранчковской, известного всем нам мошенника Ричарда, а также черных сил мирового империализма! Заговор сорван, дорогие друзья, и сорван он благодаря вот этому храброму мальчику! — Нафнутти Куче положил руку на плечо Геннадия. — Этот мальчик, друзья, советский пионер Геннадий Стратофонтон, прямой потомок нашего памятника, русского адмирала Серго Филимоныча Стратофудон!

Восторженный рев потряс набережную. В воздух взлетели шляпы. Радостно загоуд «Алеша Попович».

Геннадий стоял, вытянувшись в струнку, и, что греха таить, слезы застыли у него в глазах. Сквозь эти слезы он видел только свою дорогую бабушку, которая широкими плечами прокладывала к нему путь в толпе. Движения ее, как всегда, напоминали баттерфляй.

— Мы награждаем Геннадия Стратофонтонца «Знаком Почетного Эмпирейца», — торжественно провозгласил сенатор и повесил на шею Геннадию якорек с припаянной к нему старинной монетой.

— Проклятый ценю! Предатель! — вдруг возопил не своим голосом Ричард Буги. Отпрыгнув в сторону, он метнул прямо в Геннадия свою паллицу, на конце которой свернуло в лучах солнца стальное жало. С горатым криком наперевез паллице бросился Джон Грей Силан-Повеса и рухнул к ногам Геннадия, пораженный в грудь.

Геннадий упал на колени рядом с другом. Мгновенно поблывавший как полотно Джон Грей улынулся:

— Прощай, Гена, — проговорил он. — Ты парень первого класса. Послушай, может, я не совсем правильно жил, но умираю я правильно.

Голова легендарного Силана-Повеса бессильно упала набок. Потрясенный этой мгновенной трагедией мальчик некоторое время не мог двинуться с места.

Из толпы вдруг вынырнула и подбежала к Геннадию Доллис. Она была в купальном костюме, мокрая, задыхающаяся.

— Геннадий, быстрее!.. Я проплыла через тоннель... Мадам и Буги удирают катером на Карбункулу... Они хотят взорвать наш вулкан, вызвать извержение, чтобы началась паника. Они приготовили это давно, на крайний случай. Кабель проложен по дну пролива, в кресте — тротил...

Сломав голову Геннадий бросился к бухте. Сильно оттолкнувшись от стенки, он прыгнул в воду и поплыл стремительным кролем. Вскоре он почувствовал, что за ним плывет кто-то еще. Он оглянулся и увидел Доллис.

— Доллис, — крикнул он. — Где сейчас Чабби Чаккерс?

— Я не Доллис! Я Наташка! — последовал ответ.

Дельфин вынырнул из глубины в воротах порта.

— Забирайтесь на меня! — крикнул он. — Держитесь крепче!

Чабби достиг берега Карбункула в тот момент, когда Накамура-Бранчковская, подобрав королевское платье, и Ричард Буги с развевающимися фалдами фрака карабкались по крутой тропинке вверх.

Сквозь колючие заросли, по дорожкам парка, по мягкому мху и песку мальчик и девочка выскочили на холмистое плоскогорье, над которым возвышалась старинная башня, место первого заточения Геннадия. Мадам и Буги бежали к башне. Вскоре они исчезли из виду.

— Стой, Наташка! — скомандовал Геннадий, когда они оказались у подножия мрачного сооружения. Наташа расширенными от изумления глазами смотрела, как Гена Стратофонтон, этот ничем особенно-то не примечательный ее одноклассник, деловито отваливает ка-

кой-то валун, вынимает из ямки тяжелый автомат и ставит его на боевой взвод.

— Ты со мной не пойдешь, — сказал Гена. — Это опасно.

— Я от тебя не отстану! — сердито сказала Наташка. — Чем я хуже этой твоей Доллис?

— Времени нет спорить! Пошли!

Они осторожно обогнули башню и увидели, что входная дверь не заперта. Геннадий шагнул первым и чуть не вскрикнул: нога его повисла в воздухе — пола в башне не было.

Геннадий понял, что каменный пол башни опускается и поднимается наподобие лифта. Он осмотрелся и увидел, что одна из щелей между камнями кладки шире других. Просунув в эту щель палец, он нащупал две кнопки и нажал верхнюю. Послышался тихий гул — из тьмы колодца поднялся пол. Мальчик и девочка бежали в башню. Нажатие нижней кнопки, и пол пошел вниз. Он остановился перед входом в длинный, слабо освещенный туннель. Геннадий и Наташа ринулись вперед.

Поворот, поворот, еще, еще и вдруг перед ними открылась картина невыносимой красоты. За распахнутой стальной дверью был большой зал с огромной стеклянной стеной, и за этой стеной втекали кораллы, колышались стебли подводных растений, проплывали стайки рыб. Вот повис на своих крыльях, выпучив маленькие глазки, желтобрюхий скат. Из расселины показались щупальца осьминога.

Наташа и Геннадий, ошеломленные, стояли на пороге этого подводного зала. В зеленоватых сумерках, в фантастической игре света и тени они не сразу заметили тех, за кем гнались. Те в свою очередь тоже не видели их. Невозвращавшаяся королева Больших Эмпиреев и Карбункула и незадачливый основатель династии Буги-Буги сидели в кресле перед каким-то сложным пультам и устало курили.

— Ты меня не бросишь, Дик, не предашь? — хриплым голосом спросила Накамура-Бранчковска. — Учти, у меня еще остались зубы.

— Включай, устрой им фейерверк к празднику, — усмехнулся Буги.

— Включаю первый заряд! — резко сказала мадам и повернула какой-то рубильник.

В следующую минуту Геннадий длинной очередью из автомата превратил пульт в дымящуюся искореженную кучу металла.

Мальчик и девочка вбежали в зал.

— Руки вверх, преступники! — крикнул Геннадий.

Подняв руки над головой, с искаженными от страха и ненависти лицами, мадам и Буги отступали к дверям.

— Опять это ты, дьяволенок, русский гадеыш, — шипел Буги.

— А это ты, моя доченька, ты, мое сокровище, — проговорила мадам, гипнотизируя Наташу огромными страшными глазами. — Ты тоже с ним заодно... Ну, так получай же! — она вдруг дико вскрикнула, закинула правую руку за спину и резко выбросила ее вперед.

В воздухе просвистел аргентинский пружинный нож. Геннадий едва успел вскинуть руку перед Наташиным лицом. Нож пробил ему ладонь.

Буги бросился вперед, как бешеный зверь, но, нагнувшись на пулю, упал лицом вперед. Мадам скользнула в коридор. Тяжелая бронированная дверь хлопнулась за ней.

— Гена, Геночка, — плакала Наташа, пытаясь вытащить нож из ладони мальчика. Вскоре ей это удалось. Хлынула кровь.

— Разорви мою рубашку и затампонируй рану, — сказал Геннадий. — Сейчас главное придумать, как выбраться отсюда...

— Сейчас нам всем будет конец, — вдруг прохрипел Буги.

— А вы еще живы, император, — усмехнулся Геннадий. — Почему же нам всем конец?

— Сейчас увидишь, — странным тоном сказал Буги и приподнялся на локтях.

Он смотрел прямо на стеклянную стену, отделяющую зал от дна океана.

Минуту спустя стена стала медленно подниматься.

Вода хлынула в зал и сразу поднялась до колен. Буги жутко захохотал.

— У этой бабы все здесь предусмотрено. Так что, Дикин, пиши пропало... Глубина семьдесят пять метров... Ты меня победил, но и сам пойдешь акалам в зубы. Встретимся в аду, разберемся. Или ты рассчитываешь попасть в рай?

Вода, бурно хлопоча, вливалась в зал. Вот она уже поднялась до груди.

— Никакого ада ирая нет! — крикнул Геннадий. — Все это бредни.

Раскинув руки и ноги, Ричард Буги лежал в воде на спине и продолжал дико хохотать.

— Нету и не надо! Нету и тем лучше!

Ясно было, что он окончательно спятил.

— Кажется, погубим, Наташа, — шепнул Геннадий.

— Кажется, да, — ответила девочка. Геннадий был поражен ее спокойствием. Наташа только закусила губы, чтобы не закричать от ужаса.

— Плыви за мной! — отчаянно крикнул Геннадий и поднырнул под стеклянную стену.

Они успели проплыть через заросли кораллов. Теперь под ними была бездонная черная бездна, а наверху, очень высоко, безнадежно высоко разливало солнечное сияние.

— Ооооооуууууууууу! — позвал Геннадий, и все закружилось перед ним, страшная тяжесть со всех сторон давила тело. Последнее, что он увидел, было раздутое пунцовое чудовище с огромными трагическими глазами, поднимающееся из глубины.

Доктор геологических наук Вертопрахов сиял от редкого счастья, выпавшего на его долю. Он стоял, обняв за плечи левой рукой дочь свою Наташу, а правой ее зеркальную копию Доллис. Многочисленные корреспонденты эмпирических газет окружили красивую трою, красивую потому, что ученый тоже не был лишен своеобразной мужской красоты.

— Да, господа, Доллис — моя дочь, и ее настоящее имя Даша, то есть Дарья. Даша и Наташа — близнецы, родившиеся в Ленинграде с интервалом в четыре минуты. Неопровержимым доказательством являются своеобразные родинки, расположенные у Дашки под правым, а у Наташи под левым ухом. В этом легко убедиться, откинув соответствующие пряди.

Девочки охотно откинули соответствующие пряди и показали изумленным корреспондентам совершенно одинаковые родинки.

— А дело было так, — продолжал Вертопрахов. — В середине пятидесятых годов мы с моей женой, крупным теоретиком и практиком, возглавили геологическую экспедицию в дружественной нейтральной Бирме. Наши малютки были с нами и, представьте себе, господа, тропики ничуть не вредили их развитию. Целыми днями крошки играли среди бурной бирманской растительности, забавлялись с мангустами, желтопузиками, шакалятами... Однажды из джунглей выскочил бешеный слон с несколькими бандитами на спине. Бандиты пытались разрушить наш лагерь, но получили достойный отпор и скрылись. Увы, вместе с ними исчезла в джунглях одна из наших дочек... Пропала Даша... — сказал он неуверенно, и, помолчав, добавил: — А может быть, Наташа...

— Как, папка! — воскликнула изумленная Наташа. — Значит, может быть, это я пропала!

— А я, может быть, осталась?! — вскричала Доллис-Даша.

— Да-да, вполне возможно... — пробормотал ученый муж.

— А как же родинки? — спросил один из журналистов.

— Дело в том, что мы с женой все время путали, у кого из дочерей под каким ухом... — Вертопрахов мучительно покраснел. — Геология, господа, в то время поглощала все наши мысли. Сейчас, конечно, другое дело... Наташенька, Дашенька, доченьки мои!

— Вниманию! — сказала радио. — Объявляется посадка на самолет компании «Кассиопея», рейс Оук-Порт—Зурбаган.

Да, дорогой читатель, интервью это происходит на аэродроме. Дрэхленский «Дуглас-Дакота» уже гостеприимно распахнул перед пассажирами свою ненадежную дверь. Значительная группа наших героев должна была улечься на нем в Зурбаган, чтобы там пересечь на какой-нибудь реактивный лайнер.

Читатель, конечно, уже догадался, что Геннадий и Наташа (Даша!) были спасены глубоководной полимфической рыбой намадуз. Именно она (случайно или сознательно) вынесла два небольших тела на поверхность, где они были подхвачены верным и неутомимым Чабм Чакерсом.

Сейчас пришла пора прощаться. Весь Оук-Порт собрался на аэродроме, чтобы проводить на родину своего нового героя Джинадо Эдуардас Страттофудо, его бабушку Марию и других членов культурно-спортивной делегации.

— Ну, Геннадий, — говорили, заключив мальчишка в объятия, президент Токтомуран Джечкин, сенатор Пафнути Куче и лучший леопег авсезенной Рикко Сила. — Мы не говорим тебе прощай.

— Друзья мои, держите порош сухим, — посоветовал на прощание мальчишка, с трудом сдерживая слезы.

— До скорой встречи в Питере, Гена, — сказал капитан Рикхотеников. — Мы еще с вами поплаваем, дружище.

«Алеша Попович» после бандитского нападения должен был встать на малый ремонт в Оук-Порте, и поэтому Геннадий был вынужден избрать воздушный путь, чтобы не опоздать к началу учебного года.

— На «Попович» будет пусто без вас, Геннадий, — пробасил Шлиер-Довейко. — Скорее кончайте образование и идите к нам.

— Привет городу-герою и вашей пионерской организации, — дрогнувшим голосом сказал Хрящиков.

— Пока, Геник, — шлепнул ладошкой Володя Телескопов. — В гости приеду, не выгоним?

— Геннадий, помните, ваша будущность в науке, — сказал Верестичев.

И вот старенькая «Дакота», отчаянно тарахтя, поднялась в закатное небо и взялась описывать прощальный круг над Оук-Портом.

Припав к окну, Геннадий, уже не скрывая слез, смотрел на черепичные крыши, на блестящие мраморные мостовые, на многочисленные памятники, среди которых выделялись памятники его предку, на прозрачные до самого дна бухты, на «Алешу Поповича», на все, что стало ему таким близким и родным.

Самолет лег на курс, и в поле зрения всплыли мрачные базальтовые отвесы острова Карбункул.

— Смотрите! — вдруг в ужасе закричала Доллис-Даша-Наташа. — Смотрите, это она!

Со стороны острова Карбункул к «Дакоте» стремительно приближался остроносый истребитель.

— Она вылетела прямо из той скалы! — крикнула Доллис. — Это мадам, она сейчас будет стрелять!

Накамура-Бранковска не торопилась сбивать беззащитную «Дакоту». Некоторое время она летела ровненько с ней в опасной близости, так что было даже видно ее бледное лицо и мстительно улыбающиеся пуговчатые губы. Потом истребитель свечкой ушел в зенит.

— Сейчас будет заходить на атаку, — догадалась Мария Спиридоновна. Она вскопчила и бросилась в пилотскую рубку. Оттолкнув растерявшегося парнишку-пилота, бабушка села к штурвалу.

Первая очередь из крупнокалиберного пулемета пробила фюзеляж и крылья, но не причинила никому вреда.

Бабушка резко бросила самолет вниз и пошла над самой водой, то и дело меняя курс. Был у бабушки некоторый опыт в таких делах. Не раз ей приходилось с растерянным безразличием увиливать от «мессершмиттов».

Теряя голову от сатанинской ненависти, бросилась Накамура-Бранковска в атаку на ползущий над грешками волн неуловимый тихоход. Вторая атака... третья... четвертая... «Дуглас» вдруг словно встал на дыбы и устремился вверх.

Самолет Накамура-Бранковской врезался в воду и сразу исчез, исчез так, как будто его и не было...

ЭПИЛОГ

Солнце уже встало над скалой Хамелеон, когда Геннадий и бабушка кончили свой рассказ. Мы спустились с террасы к морю. Бабушка тут же бросилась в воду, а мы с Геннадием сели на еще холодную гальку.

— Геннадий, — сказал я, — в классических приключенческих романах полагается в эпилогах рассказать о судьбе героев.

— Ну что ж, — проговорил мальчишка... — Давайте не будем отступать от традиции. «Алеша Попович» сейчас в Атлантике. Исследует Марракотову бездну. Доллис и Наташа прекрасно поладили друг с другом, хотя до сих пор не могут разобраться, кого из них унес бешеный слон, а кто остался с родителями. Мы часто навещаем сестер с моим товарищем Валентином Брюквинным. Ну вот, пожалуй, и все. Да, генеральный консул Старжен Фиц оставил дипломатическое поприще и устроился шеф-поваром в «Луч» — столовую ресторана типа...

Геннадий замолчал. Сощурившись, он смотрел на спящий блеск моря. Там выпрыгнула из воды стайка дельфинов, один большой, второй поменьше и четверо совсем маленьких. Еще несколько лет назад дельфинов в Черном море нельзя было увидеть. После запрещения охоты они стали возвращаться к берегам.

— А почему вы ничего не говорите об эмпирейцах, Геннадий? О сенаторах и леопегарх?

Брови мальчишка сошлись на переносице.

— Видите ли, Василий Павлович, мне кажется, что там снова неспокойно. Импералисты так просто не откажутся от такого лакомого кусочка. Мне кажется, что над архипелагом снова собираются тучи. Конечно, эмпирейцы уже не те, но мне все-таки страшно за них...

Он положил подбородок на колени и снова устал в море. Некоторое время мы молчали. Со смешанным чувством уважения, восхищения и даже некоторой робости я смотрел на этого внешне такого обычного мальчишка. Он был печален.

— Да! — воскликнул я. — А что же случилось с Чабм Чакерсом?

— Чабм? — Лицо Геннадия осветилось широкой доброй улыбкой. — Чабм женился. У него теперь большая семья. Собирается сюда, в Контельскую бухту, поведать меня.

— Не они ли это там прыгают? — спросил я.

— Вполне возможно, — ответил Геннадий, вскинул и закричал. — Чабм! Чабм! Оооооинээээ! Какие вести ты принес!

Повесть В. Аксенова «Мой дедушка – памятник» была впервые напечатана в журнале «Костер» (Ленинград) в №№ 7 (Пролог – Гл. III), 8 (Гл. IV – VII), 9 (Гл. VIII – XI) и 10 (Гл. XII – Эпилог) за 1970 г.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.